

Советы

АВТОРИТЕТ
ЗАВОДСКОГО
КОМСОМОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА", МОСКВА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1970

ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ

АВТОРИТЕТ

Лина ТАРХОВА,
Игорь АЧИЛЬДИЕВ,
Виктор САКК (фото)

ЗАВОДСКОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТО...

Неотделима от слов «член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи» слава героев гражданской, первостроителей Комсомольска-на-Амуре, целины. Так на безусого новобранца Кантемировской дивизии смотрят как на героя, хоть он вчера только впервые присоснулся к автоматау. На всякого вступающего в комсомол переносится свет огромного авторитета, заработанного предыдущими поколениями. И кынешним тоже. Младшее поколение подрастает в окружении слов: почти половина работников, занятых сегодня на производстве,—комсомольцы и молодежь; треть научных открытий принадлежит молодым ученым, большинство которых имеет комсомольский билет; крупнейшие стройки страны — ударные комсомольские.

Междуд тем ясно, что право на доверие и уважение, которым заранее наделяют любой комсомольца или комсомольскую организацию, нужно еще доказывать, завоевывать. Авторитет союза молодежи потому и велик, что он слагаемое ежедневных усилий миллионов комсомольцев, тысяч комсомольских организаций.

Как выглядит в ряду тысяч одна первичная организация? Какими реальными делами уможает она славу Коммунистического Союза Молодежи?

На эти вопросы отвечает наш рассказ о полуторатысячной организации комсомольцев ордена Ленина электрометаллургического завода «Электросталь» имени И. Ф. Тевосяна.

Наша первая встреча на заводе — с директором, Игорем Степановичем Погорелчиковым. Кто руководитель завода оценивает работу комсомольской организации?

— Недавно еще мы говорили так: привлечем комсомольцев к участию в решении общезаводских вопросов. Тогда же все говорили: «Что?». А сейчас все нас рабочий четвертькутыйный завод, где четвертый — полноправный иуважаемый — представитель комсомола. И когда мы решаем производственные вопросы и когда подводим итоги социалистического соревнования — всегда привлекаем комсомольцев.

Они со всей страстью, всегда прислушиваются к советам нашей партийной организации, партпорта Аркадия Зиновьевича Бедового. Комсомольцы наши — люди серьезные и надежные, и потому в трудных положениях мы обращаемся к ним. Этими летами они блестящее поработали на заводе. История обильна, когда не укладывались в графики, и помочь здесь могли только энтузиазм и бескорыстие. Мы позовем на помощь комсомольцев. Конец у истории тоже самый обычай: дети в лагерь вываливали ворвемся.

Сейчас же, когда краину стягивают — на территории подымается современный, грандиозный корпус шестого стапельянского цеха. Стойка объявлена ударной комсомольской,

там работает отряд комсомольцев, посланных от каждого цеха.

Недавно комсомольцы еще раз напомнили, что способны на большине и сердце здание ЦК ВЛКСМ одобрил почин молодых электростальцев отметить каждый день, оставшийся до XXIV съезда партии, ударным трудом. Найдена удачная форма: каждый комсомолец и молодой производственник открывает для себя новую зону производственной работы и комсомольского фонда экономики.

Это отличная организаторская находка, она уничтожает прежнюю обезличенность в соревновании, дает возможность оперативно и точно определить победителя. Мы надеемся, со временем, что в соревновании охватят весь завод, после того как комсомольцы проверят ее. Как видите, и здесь молодые в разведке.

Это знак того, что лучшие традиции комсомола — а на нашем заводе трудаются комсомольцы всех поколений — нерушимы. З от октября, собравшись на субботнике, поднявшись на крыши, мы с И. Погорелчиковым, мы все работали вместе — комсомольцы первых лет завода, члены фронтовых бригад и юноши и девушки, которым старшие с надеждой и уверенностью передали эстафету поколений.

В далах молодых электростальцев мы видим будущее. И это несмотря на то, что директор об авторитете заводских комсомольцев, искали то качества комсомольского характера, из которых складывается авторитет.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 [1045]
НОЯБРЬ
1970

Наша обложка: идет статья
«Электросталь».

Фото Виктора САККА

Рассказ о первичной комсомольской организации завода «Электросталь» читайте на 1—6-й страницах.

6

З. ПАЛВАНОВА и А.
ХЛОПИН: ВЗАИМООТНО-
ШЕНИЯ ГОРОДА И ГО-
РОЖАНИНА.

12

ЕЛЕНА ЧАЙКОВСКАЯ:
«РУССКИЙ СТИЛЬ» В
ТАНЦАХ НА ЛЬДУ.

16

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМ-
ЛИ. ПО ТРОПАМ АЛТАЯ.

22

ОДНАЖДЫ НА ВИЛЛЕ
«ЛА-ВИХИЯ», ВСТРЕЧА С
Э. ХЕМИНГУЭМ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ТРЕСТ.
МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

СТРОИТСЯ ГРЭС В КОСТРОМЕ.
РЕПОРТАЖ

РЕПОРТАЖ О БУДУЩИХ «ЗВЕЗДАХ»
СОВЕТСКОГО ЦИРКА

ПОЭТ О ПОЭТЕ. К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ
редколлегия: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, р. Ф. Казакова, А. П. Купцов, С. А. Лавров, А. Б. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцик [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будинина

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДЕЛОВИТОСТЬ

Сколько стоит воздух?

—А сколько воздуха? — совершил вопросительный спросок Игорь Тимофеевич, вспомнив, что было на секунду, засорялось на ходу...

Что смешного? — пропорождал Игорь, прячас в тонких губах улыбку. Из недр своего стола он извлек какую-то бумагу. — Вот. Берите инструкцию и ищите воздух. Два рубля тридцать девять копеек. За тысячу кубометров. Немного, конечно, но мы будем экономить все.

Когда 22 апреля комсомольцы завода подвели итоги предъяблейного соревнования, чувство торжества — все обязательства выполнены, некото-ры с лихвой — сменилось чувством постепенно неудовлетворенности. Тогда два рабочих цеха были взяты наработки за последние полгода, что потерять его значило разстаться с чем-то беско-нечно важным, значило потерять вы- соту. Человек, если он не развивается, стоит на месте, медленно, но вер- но движется назад. Это закон и для коллектива.

Много было высказано снегарят в комитете комсомола, прежде чем начальник завода выяснялся дальше: мыслы обогнать соревнование молодежи завода в честь XXIV съезда КПСС, сделать его частью Ленинского заче-та.

На заводе десятилетиями накоплен опыт работы комсомольской молодежи. В 1932 году гремела бригада Виктора (теперь уже Виктора Петровича) Чуканова, в памяти многих навероятные цифры выработки комсомольцев фронтовых бригад. Многие из тех, кто входил в эти бригады, живы, по сей день работают на «Электростали». Как лучшие годы вошли в их жизнь время моло-дежных бригад.

Все казалось решенным — создать по образу прошлых лет комсомольско-молодежные бригады. Но завод развивается не почины бригады депутата Верховного Совета СССР ставлева Василия Дмитриевича Постникова — отработав два последних дня пятилетки на новомленном сырье. Это же отложенные обязательства для моло-дежных бригад!

Все много раз казалось решенным, но всякий раз кто-нибудь из комите-та начинал сомневаться. Идея моло-дежных бригад — это здорово, хоть их и трудно организовать в услови-ях нынешнего производства «Элек-тростали». Но эти бригады — это основные цеха. А что будет делать милье, серые лисички из ОТК? И как в таком случае быть с комсо-мольцами заводауправления?

Новый этап работы комсомола завода грозил начаться со звонкой, формальной работы, а работа хотела быть реальной, действенной, замыкающей все. И никто очень хотел под-ручный ставлева Виктор Иванцов, бывший делегатом на XVI съезд комсомола, вспомнил что видел во Дворце съездов лицевые счета. Делегаты рассказывали о своем опыте соревнования. Но считали эти были соревнованиями Электростали из лилии — соревнованием каждого. Тогда кто-то — уже не помнит, кто — и пронес эти слова: «А если лицевые счета будут индивидуальными?»

Поначалу мысль казалась несерь-

зной: на заводе полторы тысячи комсомольцев, всего молодежи две тысячи. Если на каждого лицевой счетом — соревнование бухгалтерии! Но идею эту не бросили, над автором ее не поспешили...

Что было дальше, известно уже со слов Игоря Степановича Прининшикова: почин этот одобрен не только заводом, но и Центральным Комитетом комсомола.

Поскольку лицевые счета эконо-мического дела, известное комсомольцам из каждого предприятия, стоит рас-сказать о них подробнее. Бланк сче-та на нем написано «лицевой счет производственной работы и комсо-мольского фонда экономики, далее — имя, название цеха и участка — часть кинематики». «Лицевой счет — это ме-диум, который комсомольцам зано-сят цифры выполнения производ-ственного задания, сэкономленных ма-териалов, поданных предложений в свой лицевой счет. Эффект от экономии, перевыполнения нормы и т. д. высчитывается в рублях, Те, кому трудно разбрать мир ошелом-ляющих цифр, могут обратиться к аз-матам, разбитым по другим пунктам — лицевой счет заносится сведения об участии в воскреснике, о сборе ме-таллолома.

Соревнование это решили назвать заводским комсомольским зачетом и итоги его подводить дважды в году: 22 апреля и 29 октября.

Что же предполагается «бухгалте-рии» возится. Грамотно заполнить две тысячи лицевых счетов! Но в сложности дела был свой смысл. Впервые, заполнять счета должны не специалисты, а каждый рабочий, моло-дой специалист. Только когда сам он попотеет, высчитывает в рублях собственную экономию, увидит в работе коллеги, что прибыль не за-работала ему, именно он, тогда захочется ему, чтобы эта славная цифра была как можно больше. И тогда к скром-ному рублю прибавится, как у всякого хорошего хозяина, желание учиться считать эти рубли, стать сознательно береглившими собес-кими рабочими. Ведь комсомольцы заводских смен — соревнуются и с фоном партии 250 тысяч рублей!

«Увы, грамотно заполнить счета в начале соревнования могли лишь единицы. Этому надо было учить. Совсем недавно на семинаре в комитете комсомола один комсорк отвечал на вопрос: «Что такое лицевой счет?». А когда же мы на каждого комсомольца экономиста сделаем?»

Но задача поставлена именно та-кая. Несмотря на все трудности, каж-дого сделать экономистом — не главным, конечно, но экономистом на своем рабочем месте. Комсомольцы подадут пример всем, чтобы комсомольская сеть стала экономический центр соревнования. Директор кодал специальный приказ, обязывающий начальников цехов и отделов создать комиссии для помощи комсомольцам при принятии ими индивидуальных обя-зательств и заполнении лицевых счетов. И в первую очередь — из числа тех, кто не пришел из рук руководства цеха, мастерства, бригады, экономисты и, конечно, комсо-мольские активисты. В помощь ком-иссиям главный экономист завода Алексей Андрианович Понкратов и главный бухгалтер Евгений Александ-

Комитет комсомола — это коллективный поиск, слаженность и требо-вательность в работе.

Сталь бывает и такой — гибкой, послушной не только машинам, но и человеческими рукам.

ровин Ушинуров разработали инструкцию. Она теперь — основное пособие для комсомольцев: заглави- ны, и ясно, как исчислять и ставить и пары... А комитет комсомола и подготовки лекторов на энтомологические темы. Естественно, на энтомологические темы. Естественно, на энтомологические темы. Естественно, на энтомологические темы.

Игорь Тинт, секретарь заводского комитета комсомола, выписал из ре- чи Генерального секретаря ЦК КПСС тол. Л. И. Брежнева на XVI съезде комсомола: «Сейчас перед нами — задачи высшей школы экономики социализма. Это задачи, которые пред- ставляют впереди нас задачи по ос- новам экономической науки».

Придирчиво, до мелочей сравниваются результаты работы комсомольских организаций первого и второго стадийных цехов завода. Цифры вестятся на бланках. Но все можно выразить цифрами. Нет ли ошибки в том, что судьбу первенства решают цифры? На лицах некоторых членов комитета неуверенность. Игорь Тинт подтверждает эту атмосферу сомнений, потому что другое название советской партии — «партия труда» — впервые упомянут в отчете, в деле было бездна неясных деталей. «А ты как думаешь, как бы ты предложил?» — торопится Тинт Юрию Поздняшеву, Та- Кравченко.

После многоголосного спора, когда на улицах уже вспыхнули огни, а в заводских цехах огни еще не горят, было выбрано единодушное мнение. Первое место по первой группе цехов отдано первому стапель- плавильному цеху (ЦСПЛ-1), первого Бориса Комарова не мог сдержать торжествующей улыбки. Четвертый стапель- плавильный, однако, отличился то-

гига первого этапа соревнования по личным счетам и назвать победителем — лучше всего цехом № 1. Тинт: «Группы сидят друг на друге — немноголюдный, скромный Борис Комаров и готовый сорваться, отставая своих ребят до крика Владимира Пивоваров.

Придирчиво, до мелочей сравниваются результаты работы комсомольских организаций первого и второго стадийных цехов завода. Цифры вестятся на бланках. Но все можно

выразить цифрами. Нет ли ошибки в том,

что судьбу первенства решают цифры? На лицах некоторых членов комитета неуверенность. Игорь Тинт подтверждает эту атмосферу сомнений, потому что другое название советской партии — «партия труда» — впервые упомянут в отчете, в деле было

бездна неясных деталей. «А ты как думаешь, как бы ты предложил?» — торопится Тинт Юрию Поздняшеву, Та- Кравченко.

После многоголосного спора, когда на улицах уже вспыхнули огни, а в заводских цехах огни еще не горят, было выбрано единодушное мнение. Первое место по первой группе цехов отдано первому стапель- плавильному цеху (ЦСПЛ-1), первого Бориса Комарова не мог сдержать торжествующей улыбки. Четвертый стапель- плавильный, однако, отличился то-

же — первое место среди комсомольских групп. Хорошо, что в ЦСПЛ-1. Победители ожидают почести — их имена, например, занесут в заводскую книгу почета — и денежная премия. Эта победа — одна из многих, которых весной будущего года приведут лучших молодых рабочих к торжественному событию: комсомольской ячейке на заводе в день открытия съезда партии.

Что же касается вопроса о первенстве комсомольских групп, то и о нем следует сказать несколько слов. Большой коллектив не механическое соединение более мелких, он тогда только интересен, когда состоит из групп, имеющих свою специальность, свой характер. А синий коллектив не только массовой, но и непримитивно каждого его звена. Комсомольская группа — это то звено, вытаскивающее за короткое, фигурально выражаясь, вытащить из тела. И еще это звено, о котором часто говорят: «А если бы мы синий почин имел бы силу из силы или смерти, превратился бы на жизненности именно в группу. Группа, каждый рабочий комсомолец решает в конечном счете, быть или не быть новому дому, и, если оно не стоящее, сколько бы ни одобрял его комитет, дело не единится с мертвой точкой. Неза- метная комсомольская ячейка, на со-

вете группы считают уже не лицевые счета, не цифры, а уровень комсомольской работы, участия в ней и низкотрудничество каждого. В первом туре

победила, как уже сказано, группа, где комсомолец Виктор Хоменко. Стоило ему это сказать, как сразу же было:

«Ну вот, теперь говорят на заводе, они известны и своими трудовыми успехами и тем, что все 16 комсо- мольцев ее учата (столовую, чтобы

идти после смены в вечернюю школу, нужно не просто терпение, сила воли, — нужно мужество».

Но это еще не то, что на «Электростали» есть такая славная, интересная коллегия. Освещенные люди считают, что весной, когда комитет опять собирается подводить итоги, определить лучшую группу окажется совсем нелегко: в цехах крепнут, набирают силу комсомольские ячейки, о которых тоже скоро заговорят на заводе.

и ТРУДОЛЮБИЕ,

Лучшая в мире

Сегодня общепринято, что комсомольско-молодежная brigada — это хорошо. Правда, не всегда могут объяснить, почему. Попробуем доказать.

В СПЛ-1 молодежные brigady созданы недавно. На основании производственных успехов: две brigady Петра Гуреева и Александра Харитонова.

За июль—сентябрь 1970 года brigady da Gуреева и Тинкина показали производственные успехи: 101,7, а весь цех — на 100,9 процента. brigady Харитонова за это время выполнили нормы выработки на 112,0 процента, а в среднем все brigady цеха — на 111,0 процента.

Это казалось невозможным. Во «взрослых» brigадах работают люди с опытом, с большим стажем, у них есть опыт работы в комсомольско-молодежных. И тем не менее цифры подтверждают уже твердо наметившиеся тенденции: комсомольско-молодежными brigadas работают лучше других.

Чем же это объясняется?

В brigady Петра Ивановича Гуреева — комсомолец Миша Тинкин и Александр Тинкин. А весь их трое... Однажды вызвал Гуреева на-

чальник смены Владимир Иванович Галин: «Мы тебе подобрали молодежную brigadu. Надо восстановить былую славу четвертой комсомольской» (была комсомольская brigada в цехе № 10, выведенная из строя).

Я обрадовалась — улыбается Петя Иванович. — Ребята мне попались молодые, хорошие. Ну, думай, славная brigada теперь у меня, надо показать класс работы.

Поняла, пока не притягнешь, было трудно, не понимали друг друга. Я сказала: «А если я буду вести brigadu, то я буду вести ее». А потом стал гул, слова не разбираешь. Тут свое «зазубку» Морзея: руки показал, пальцы поднял — ведь произошедший разговор. Пультающа сидят высоко над печами, за стеклом, ей ничего не слышно, по губам читают команды.

Тинкин и Тинкин старались изо всех сил. Об этом-то, как об одном из условий успеха, и говорит Гуреев: «Ребята в brigady пришли с охотой. Оба молодые, сильные, им чего хватает! Умения. Значит, надо все объяснить. По вторникам у нас brigadyный разбор плаков в цехе. А там плавки даем. Всегда свой разбор после каждой плавки.

Время дорого. Скажем, приходим на смену: пачь заправлена, полны порядок. Но вот шлаков — большие чугунные горшки под печью — выплыли. А горшки в печи горят. Молодежь, конечно, пройдет минут десять — пятнадцать. Можно их простоять, а можно в это время другую работу делать. Моя ребята стоять не станут. Приложиши Илья, скажем, другой случай: надо электроды заменить. Можно это делать как отдельную операцию, а можно — в время простоя brigady. Или горючие привозят. Опять экономия времени. А десет минут работы печи — пятьсот килограммов металла, так-то!

И наконец, в-третьих: ребята, конечно, еще не все знают, надо их учить. Но уж чего им не знаминать! Следят за производством. Седина — вспомнили — вел плавку — отставили по процессу от соседей на пять минут. Значит, если те раньше начнут разливку, мы потеряем минут пятнадцать — двадцать: пока канава не освободится. Мы поднимаем — и эти пятнадцать минут положим в «карман».

Из этого складывается производительность труда нашей brigady, — законил Петр Иванович. — А учиться... Судите сами: ребята пришли ко

ми с пятым разрядом, сразу сдали на седьмой — через один разряд решившими. А работу выполняют фактически такую: Тинкин, первый Тинкин, — по девятому разряду, а Тинкин, второй подрядный, — по восьмому.

...Можно собрать все положенные инструкции винзы, раздать каждому человеку склону по общественному поручению, можно всем наладить работу в «черненькой» цехе или университете культуры: все это, безусловно, важно. Но если здесь в этом горячем цеху, где свирепает вольтая дуга от огромных печей, где раскаленные брызги металла выпадают из прикрытого горла ковша, где по верху гудят подъемные краны и тяжелые машины, где вагонетки, где вагонетки для разных вагончиков — если бы здесь и еще в шестьдесят других комсомольско-молодежных brigadas завода не были бы достигнута производительность труда, выше по сравнению с остальными, то едва ли комсомол смог бы стать той авторитетной организацией, какой он выглядит на «Электростали».

Комсомол дерзает отвечать за главное на заводе — за лучшую в мире сталь.

ОПИРАЮЩИЕСЯ НА ТВОРЧЕСТВО,

«Кварт» и другие

Павел Федорович Баканов своим руками строил «Электросталь». Сын его, Константин, был на «Электростали» инженером. Сейчас заместитель главного инженера черной металлургии СССР, должность, название которой сплошь состоит из двух корней —

«спец» и «сталь»: главный специалист по спецстальям Глазвестцетали.

Дочь Павла Федоровича, Таня, работает в ЦИИЛ. Так называют центральную исследовательскую лабораторию завода.

Случайное совпадение?

Думаем, что нет. На «Электростали» живет и здравствует много дина-

стий. Когда Таня Баканова сказала, что с «Электростали» начинают все Бакановы, мы не удивились. «Итак, Таня работает в ЦИИЛ. Это не просто лаборатория. Это почти

научно-исследовательский институт. Здесь 15 кандидатов и даже один доктор технических наук, многие учатся в аспирантуре. ЦИИЛ это центральный научно-исследовательский институт. Сюда приезжают за науками из Запорожья и Челябинска из ГДР и СПА. В ЦИИЛ разрабатывают специаль-

ные стали.

...Трудна для шоффера скользкая

смена 3

зимней трассы. Чуть превысивши скорость — впереди! Будешь медитировать — опоздаешь с грузом. Винимательно следят шофер за спидометром — ни на километр меньше, ни на минуту больше. А спидометр-то бесконтактный!

Если спидометр сконструирован из обычных сталь, то при зимних перепадах температур он ошибается на пять и даже больше километров в час. Нужна особая сталь. Марка у нее одна — выбирать просто смертному.

Их созданием, технологией выплавки занимаются Таня Баконина.

На наших узлах появились первые «Жигули» — красивые, комфортабельные машины. На них будут вмонти-

рованы спидометры, показывающие скорость с максимально возможной точностью — баканской сталью!

После института с его учебными лабораториями и учебными опытами молодой инженер сразу попадает на первоклассное оснащение, полуэнергетическое предприятие. От него требуется не просто работать, а также изучить технологическую карту, чтобы она была понята и доступна рабочему-столяру. Надо, наконец, внедрить разработанной тобой технологию, проверить заданный эксперимент не только технически грамотно, но и без возможного брака, с наименьшей степенью риска: печь не мешукри и не колба с реактивами... брак — сотни и тысячи рублей убытка.

Попадая в ЦИЛ, молодой специалист обнимается, нащупывает связи с производством, начинает лицом помогать опытным специалистам. И конец ему поручают самостоятельное и важное исследование: начиняется творчество!

...Валерий Марков работает на заводе десантов. Начал работать... Он в ЦИЛе и на заводе изучил каждую печь, каждый стан. Может быть, поэтому Валерий сразу показал, что он способен как молодой инженер.

Одной из первых самостоятельных

тем Валерия была такая: разрабо-

тать технологию прокатки тонкого листа на стане «Квартет».

Раньше холодной прокатка стали

производилась таким образом: сна-

чала прокатывали ленту толщиной 3,4 мм до толщины 0,85 мм, а потом прокатывали ее вторично — теперь уже до толщины 0,35. Стан «Квартет» позволял прокатывать сразу от толстого до тонкого листа. Вся задача заключалась в том, чтобы разработать технологию нового процесса.

Сегодня поздни и вечерние бдения в ЦИЛе — бесконечные ночи дома. Стан «Квартет» катит тонкую ленту с огромной скоростью: 10 метров в секунду.

...«Рабочие-прокатчики» с помощью крана водрузили огромный барабан с лентой на одну из катушек стана. И начали медленно, а потом все устремились свою работу, закрутили валики, началиас обжимка ленты, пошли прокат...

Свой ударная

в каждом заводе всегда есть какой-то участок или цех, который сегодня считается главным, и часто комсомол берет на себя шефство.

Есть и на «Электростали» — таком цехе — шестой сталеплавильный. Это цех № 6 комсомольской страны всей области — строят ее отряды молодежи Ногинска. Озеро города Электростали, но все-таки будущие хозяева цеха — самые главные строители. Но по числу рабочих. Просто это их кровное дело.

На этой стройке комитет комсомола проводил удачный эксперимент... «Мы пошли, а точнее, пошли на стройку» (велик завод «Электросталь»).

Новый цех не сравнят со старыми ни по размерам, ни по оборудованию — длиной он больше полукилометра и высотой с шестистяжным домом. Электросталь — и дальше и долго скажет о себе — младший и долго живущий.

За рельсы разбитых дорог (дорог нет, как и почты на любом участке строительства) — сожалением, —ударная молодежь могла бы строиться и с большой культурой самого строительства) стоят несколько вагончиков. На одном из них фанерный щит, надпись «Штаб московской области ударной комсомольской стройки».

За столом в вагончике сидели две девушки лет девятнадцати, не больше. Такие же курносинки, смешливые, кажется, вчера закончили они среднюю школу и пришли ученически на стройку. Здесь им обещали, как держать в руках мастерок, что

такое раствор и какой марки бывает бетон. И вот они сидят и щебечут — о кино, нарыве, о песьях.

Мы вспомнили: ничего подобного!

Речь о прошлых, новых, выработавшихся, планах.

— Скажите, — спросили мы, — а как наши команда отряда Тамару Мишину называют?

А вот она же — скажала одна из девушки и засмеялась.

— Не пожалуйста!

В этом и заключалась эксперимент комитета комсомола: вместо «сильного» командира поставили на стройку сппонную и привлекательную девушку.

Как сказал Тимт, «этот удивительно хорошо повлиял на рабочих. Раньше было много скандалов, ругань, теперь не было ни у丝毫».

Тамара Мишиной всегда девяноста-

летия. Она занялась в Электростали школу и пошла на завод, на чинили электриком. Прошел год, она получила третий разряд, основа специальности. Летом комитет комсомола организовал для инженеров в Ташкенте все семинары, то,

несмотря на молодость человека он, скромный, умный, умеет и любит руководить. И решили назначить ее командиром строительного отряда электростальцев на СПЦ-6, где работает пятьдесят молодых ребят.

Сначала было трудно, ох, как трудно! — говорят Тамара Мишина — и знаете, не умели.

А надо и рабочих расставить, и наряды закрывать, и с прорабом по-

товарковать. От рабочихники людя- звики организации труда, а что я в

ней тогда понимала? Теперь, конечно, легко другое...

Отряд завода быстро набрал темпы. В июле он выполнил строитель-

ных работ на 13 700 рублей, в августе — на 23 700 рублей, в сентябре — на столько же. Причем — это надо принять в расчет — в отряде не профессиональные строители. Это вчерашние подружные столяры, прорабы, котики, вальцовщики. В отряд они приходят каждого во всем для этого: время, долина, садовая мебель, кухонные мебели, беланки, каменщики и выполняют норму третьего разряда. Через тридцать дней место этих строителей займет следующие добровольцы, а их рабочую норму будут выполнять оставшиеся товарищи по цеху.

Сейчас на стройке четыре завода: «Бригада Владимира Сипягина», «Бригада Комиссии», Антония Ермакова и Наташи Румянцевой. В огромном СПЦ-6 комсомольцы приложили руку ко всем участкам строительства: монтировали кондиционеры, бетонировали полы... Как сказала Тамара: «В каждом метре мы участвуем».

Слава Комиссии пришла в строительный отряд из первой прокатки. Его бригада монтирует кондиционерные установки в будущем сталеплавильном.

Знал ли Слава это дело раньше? Нет, никогда строительством не занималась. Но профессии он вышколился — хоккейист — хоккейист, мастер спорта. А строительство — комсомольское покорение, интересное, трудное поручение.

Комиссии склонили хорошую бригаду. Главное в ней не только умение, сколько напористость, трудолюбие, энтузиазм. Там, где не хватает мастерства, бригада берет настойчивость. Под руководством

старшего прораба Анатолия Леонидовича Бродницкого комсомольцы быстро проходят курс строительных нарук. На 4—5 дней к ним обычно привлекают инструктора, опытного прораба, а потом показывают мастер, что делать, и делают самим, на маленьких.

Этот, в бригаде, многое зависит от организации труда...

— Сначала мы решим, что всем будет платить одинаково — рассказывает Комиссия. — Потом присядем, видим, работают все равно. Один стоит без дела, индекс раз приходит и поднимаем: «Что же это стоит?» А ну, скажут, договорись, поменяй болт! Другой — и тут же воротится, вспомнив, что костерок погас.

А остальные работают... Нет, решим мы на общем собрании бригады, так дело не пойдет. Работать, так всем в полуницу скучно! Иначе — демоники скучат...

Бригада Комиссии сорвивается с бригадами. Виктор Ершова из Луховиц — один из первых из выработку за вторую неделю открылся:

— Луховицы — 134 процентов, Электросталь — 130.

— Ничего, — сказал Комиссия. — Мы их все равно донесли!

Догонят или нет — дело второстепенное. Важно другое: несмотря на то что на рабочих работают профессиональные строители, что пришли они настройку всего на один месяц, все бригады выполняют и перевыполняют нормы выработки. И это объясняется не только хорошей организацией труда в отряде, но и еще одним немаловажным обстоятельством: нормы выработки на ударной.

и КРУГОЗОР КАЖДОГО

Три гитары!

заводского клуба молодого рабочего, можно сказать, родился из ничего. Первый концерт, когда Саша Елинская, когда название для клуба — «Понко» — было признано лучшим, пока пляски птицами, к вечеру — и впереди еще вечера «Кругозор», когда не привезли с концертом студенты одного из московских институтов.

В зале сидело несколько сотен человек, которым был обещан концерт.

Саша Цирков, член бюро комитета, который, можно сказать, выстроил этот клуб и потому сам себя ответственным за студентов, не сдерживал слова, вышел на сцену:

— Быть будете!

В зале засмеялись и побежали на бега. Саша обяснил ситуацию и попросил пятнадцать минут — чтобы собраться с мыслями.

Эти пятнадцать минут, пока за сценой передевались испуганные заводские артисты, спешно настраивали инструменты цеховой эстрадной ансамбль «КЭМА-69», запел сама об-

разчико. За это мы показали отличный концерт на час с лишним. Прежде же конца клуба не решались доверять целиком заводской самоцветности: думалось, премиже артисты скажут, что привезли.

Оказалось, и они имеют настоящий успех. Так впервые заявила о себе «КЭМА-69».

Когда этот возник из обходимости организовать досуг молодых электростальцев, сделать его содержательным и разнообразным. Однажды заводская многоголоска «Металлург» обратилась к своим читате-

лям с вопросом «Клуб молодого рабочего — какими ты бы хотел его видеть».

Предложения посыпались самые разные: будущие члены клуба хотели бы встретиться в непринужденной обстановке с ветеранами завода, с позывами, молодой отец хотел бы услышать лекции о том, как вести воспитание детей. А другие хотели бы, чтобы клуб был для молодежи сенсорных семинаров. Евгений Дацюк из предложил тему для дискуссии: «Что каждый из нас дает комсомолу и что нам дает комсомол». Ки-

нолюбители надеялись на открытие сценки, девушка просит лекции по эстетике, кружки современного танца.

Само обилье предложений говорило о том, как нужен клуб. Возникла даже опасность, что «Понсик» замянется на необычное... Поэтому решили себя сознательно ограничить: при клубе открыли эстрадную, художественную и изостудию, организовали тот самый морально-технический «Знаний». Идеи, казалось, сейчас экономической учебной комсомольцев. Но это не значит, что молодые лекторы заминулись в узкотехнических интересах: «Знание» располагает специалистами (заводским, разумеется) по правовому воспитанию, по вопросам морали культуры, поведения, естествознанию, физкультуре. Лекции читают молодые специалисты, активисты. На последнем заседании комитета Игоря Титу дошло до Лиси Комаровой за то, что уклоняется от лекций. «Все понятно, Игорь — время было горячее, все думали только о личевых счетах, скажем, о пособии, надо смотреть вперед. Ничего...»

Руководитель лекторской группы выразила надежду, что секретарь комитета надомала исправится. И, видимо, так оно и будет: под твердым руководством Лиси лекторы неуклонно обрастают активом, популярность его увеличивается: за последние месяцы «Знание» прочитано почти тридцать лекций.

Когда обдумывали, какими быть клубу, прежде всего посмотрели аналогичные клубы в городе. На соседних предприятиях есть такие, но они, как правило, имеют развлекательный характер и открыты для молодых специалистов. Электролитчики решили что-то свое: членство в клубе может быть каждым молодым рабочим в возрасте от 16 до 28 лет. Все проблемы, все интересы рабочего должны отразиться в деятельности «Понсика». И первое, без чего сейчас не существует, покажу, ни одно предприятие, посвященное в работе: «Понсик» привлекает к работе одну из лучших его участниц, когда большую группу новичков (но не тех, что вчера переступили порог проходной, а тех, что уже набили первые мозоли и заработали первые самостоятельные деньги) торжественно привели в ряды работников завода. Новиков поздравил руководителя клуба, а сам, «из умбра и тепло напутствовал кадровыми рабочими, и самим они получили слово — первое слово на рабочем собрании. И теперь всякий раз, когда наберется на заводе группа новичков, ради них в огромном зале Дома культуры буду собираться товарищи, для них будут звать ветераны, а девушки принесут цветы.

После того «посвященные» могут сами стать членами «Понсика». Комитет специально занимается тем, чтобы новички привели в клуб — именно в самых молодых рабочих больше всего заинтересованные активисты. В тех, чьи хобби — спортивные интересы, еще не сложились и кто подвластен любым влияниям. Не желая уступать подростковым улицам, комсомольцы предлагают им интересный досуг, зовут заниматься творчеством.

Недавно под напором кино и фотографий любителей решили открыть при клубе киноклуб. Оздадова фотоконкурсантка ребят, или изображают организаторы клуба, или изображают не только для своих семейных альбомов, но и на заводе. На членов будущей студии очень рассчитывают заводские «прогностикеры». Саша Цирковым, фотографом газеты первых двух рабочих заводов. Ребята приводят в клуб интересные фильмы о жизни электростальцев.

Новая студия, как и другие, обещает активный досуг, что особенно

Комсомольцы «Электростали» наработали клуба «Понсик». Каждый из членов клуба в свободное время занимается в эко-клубах, в спортивных секциях и даже над своровским училищем. Переизбрания ученик велкий раз проводят по заводским цехам.

Б этой книжечке копятся цифры комсомольского фонда экономики.

подчеркивали специалисты «Понсика». Члены клуба условно говорят, делится на тех, кто работает на сцене и кто смотрит на сцену из зала. Цель клуба — сделать всякого «сидящего» в зале активным участником, а не пассивным зрителем (хотя «зрителя» есть что: на встрече с «Понсиком» привезли поэты Г. Аудре, Н. Струве, Ю. Котляр, работники «Клуба 12 стульев», «Литературной газеты», эстрадные ансамбли). Ты, кто не обнаружил в себе талантов для работы в студии, смогут принять участие в диспутах, вечерах вопросов и ответов.

Клуб растет. Началось все с маленькой эстрадной оркестриком, состоящим из пяти человек. Не имея инструментов, ребята сделали три гитары из досок, прибрали к рукам электроорганную (она «выслала на баланс» Дома культуры). Оркестр оказался первым коллективным членом клуба.

Для него купили уже великолепные инструменты. Старые были переданы в цех ширпотреба. На них с большим энтузиазмом и бережностью играли цеховые музыканты, пока мы тоже не купили новые инструменты. Исторические гитары немедленно вытребованы в отдел главного энергетика...

Растет клуб. У него уже есть ре-

зультаты. Мы прошли по заводу, в каждой мастерской, в каждом зале молодежном искали свидетельства авторитета комсомольской организации. А можно было, наверное, этого не делать, а написать всего одну строку: в сентябре этого года на заводе вступило в комсомол пятеросот пятнадцать человек. Это было бы самым великим доказательством популярности заводского комсомола. Но мы решили прежде показать, из чего она складывается, а заканчивать небольшой рассказ о клубе — в мастерской № 1 с Батальем Лукьяновым, бригадиром слесарей-ремонтников цеха выплавки — обидира. Ватагино двадцать три года, он учился в школе, работал, служил в армии — почему в комсомол вступал именно на «Электростали»?

— В школе, наверное, несервисный был. Работал, служил — не тянуло в комсомол. А сюда пришел, увидел, что ребята заняты делом, наставляем делом. Я работал на комсомольско-молодежном участке, о нем недавно заводская газета писала, хвалила. На участке большинство ребят комсомольцев. Я и подумал: что же я-то в стороне!

ГОРОД И ГОРОД

Зинаида ПАЛВАНОВА,
Александр ХЛОПИН

Проблема урбанизации — роста городов — давно привлекала внимание демографов и экономистов. Городской вопрос встал особенно остро в 1950 году в 25 лет со времени основания СССР. Тогда же в СССР проживало 180 миллионов человек, а к 1959 году — 235. По данным статистики, цифра городского населения СССР увеличилась с $\frac{1}{2}$ в 1926-м до 55 процентов в 1967 году. Стремительные темпы изменения отражают не только объективные причины и характер этого процесса, не могут они и открыть нам, чём же так привлекательны «огни большого города». Тут на помощь демографам и экономистам приходит социология.

Удивительно, но факт, что городской, он нападающий отпечаток на образ жизни, образ мыслей, интересы, привычки жителя города, влияет на его здоровье. Активность этого процесса требует от горожанина адаптации к городской среде, заставляет его приспособливаться к современному городу, его ритму. Жить в городе, оказывается, тоже надо уметь. Надо уметь жить в городе, его благах, чтобы они не обратились во зло.

Статей научных сотрудников Института международного рабочего движения З. Палвановой и А. Хлопина мы начинаем разбором причин роста городов, о взаимоотношениях города и молодого горожанина.

Rаким видится город из окна приближающегося к нему поезда? Леса и селения, оставленные позади. Все чаще мелькают растянувшиеся иногда на километры современные промышленные предприятия, электропротяжки, высются новые стройки. Робко вкрапливаются в них комплексы жилых домов. Среди каменных и железобетонных зданий редко промежуточное деревенское здание. Зато возводится целое панто скверы или бульвары. Зато возводится целый ряд зданий, расположенных на площадях и улицы города, и они затеряются в толпе волнующих горожан, нескончаемом потоке городского транспорта. Принесший, который оказался во власти городской жизни, ждет не только толкотня на улицах и давка в магазинах и автобусах. С этим он примирится быстрее, чем может это сделать кто-либо из нас, не будучи в то же самое магазинах, а премьера фильма или спектакля может оказаться для него наградой за транспортные муки. А кругом внушительные вывески вузов и техникумов, уютный полумрак вечерних кафе, библиотек, концертные залы, стадионы, парки, бассейны.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Город издавна был средоточием культуры и науки и техники. Столы городов были защитниками прогресса. Когда под ударами варваров погибли крупнейшие античные города, образованные людьми того времени казалось, что погибла цивилизация. Прошло несколько веков, и города возродились, и стало даже больше. Средневековые горожане утверждали, что городская атмосфера делает человека свободным. Знания и представления, полученные в университетах и училищах, на улицах и шумных районных площадях, освобождали от многих суеверий и предрассудков. В стенах города находили обжиг все те, кто боролся за справедливость и прогресс, а улицы и площади нередко служили ареной жестоких классовых боев. Ничего удивительного нет в том, что свою меру о равенстве, свободе и счастье Кампаниеля «пломбистки» в Город Солнца. Наконец, городская культура — это культура рабочего класса, в слово «экономика» пронизывает от слова «экономика» — городская община.

Чем обясняется прогрессивная роль городов? В нем концентрируются передовые орудия труда, квалифицированные кадры рабочих и инженеров, в нем собираются учёные, артисты, позы, художники, музыканты. Город поистине даёт свободу — свободу выбора профессии, предпринимательства, свободу творчества. Это золотое правило, которое неизменно действует в любое время. Исследования показывают, что одной из главных причин переселения сельских жителей в большие города служит как раз возможность выбора. Не следует понимать урбанизацию как просто процесс роста городов. Это всегда двойственный процесс. С одной стороны, он концентрирует различия между городом и деревней, а с другой — уничтожает это противоречие, сближая людей, вовлекая их в единую систему культуры и производства. Благодаря радио, кино, особенно телевидению и печати, непосредственному общению горожан и жителей деревни и на селе происходит усвоение разнообразной информации «городского типа». И хотя первоначально усвоение городской культуры начиняется с ее внешних атрибутов (мода, эстрадные песни и т. п.), стандарты городского образа жизни постепенно проникают в сознание жителей самых отдаленных районов страны. Город приходит в село, диктуя его жителям вполне внешнюю манеру поведения, а затем и широкие интересы, давая возможность всестороннего развития их личности. Поэтому, отмечая прогрессивную роль больших городов как центров науки и высокой технологии, В. И. Ленин говорил: «Нельзя думать, в условиях общего технического прогресса, не будучи необходимы ликвидировать большие города, так как «нет ровно никаких технических препятствий к тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными у немногих центров, пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране».

Жизнь сел и малых городов, таким образом, не будет чувствовать себя обделенными, имея доступ к плодам урбанизации.

А теперь давайте рассмотрим, в чём именно выражается процесс урбанизации, например, что стоят за «городской» образ жизни. Этот образ жизни, давая человеку многие блага, одновременно предъявляет ему определенные требования. Важнейшим из них является умение бороться за право на выбор места работы или учебы, ту или иную форму досуга и т. п. Уденный выбор профессии, места жительства и досуга, от которых зависят успех всей социальной деятельности горожанина, требует определенных знаний. Более того, горожанин должен быстро ориентироваться в водовороте изменений городской жизни, быть способным к быстрой новации, на привычные магазины, устроиться работать на только что открывшийся завод, своевременно достать билет на интересующий его матч. Ориентация на поиск новой информации лежит в основе так называемой мобильности горожанина. Мобильность — это постоянная потребность в новой информации, психологическая готовность реагировать на множество

ЖАНЕ

событий, меняя в случае надобности место работы или жительства, интересы, увлечения. Это один из отличительных признаков городской культуры. Пока «привыкнешь» или адаптируешься к новым условиям, сознание человека не достигнет определенного уровня, симулята городской жизни будет казаться ему красивым, ярким, интересным. И наоборот, привыкнув к новому городу, человек, прибывающий за последние годы из сельской местности, составлял более половины всех переселенцев, только одна десятая часть из них сумела привыкнуть на новом месте. Располагая огромными производственными и культурными потенциалами, большие города довольно прилично «отбирают» новоселов. Город требует от новоселов, да и от коренных жителей тоже, обновления, обогащения, обогащении.

Еще является городской жизнью — транспортная подвижность населения. В поисках профессиональной и общекультурной информации почти каждому горожанину приходится совершать множество пеших поездок по городу: от дома к месту работы, в институт или техникум, в городскую библиотеку, театр или клуб. Отмечена также закономерность: появление улицы, квартала, микрорайона — обогащается числом поездок горожан. Поэтому транспортное обслуживание населения — одна из важнейших проблем современного города. Не только потому что сподвигнула на работу разрушительный рабочий ритм города, портят нервы пассажирам. Оказывается, недостающий автобус имеет прямое отношение к разностям личности, и к культуре и образованности.

Демографии уже давно обострили внимание на рождаемость и смертность. Исследования показывают, что уменьшение количества детей в семье — одно из следствий урбанизации. Как оказалось, чем выше образование женщины, тем меньше у нее детей; работающие женщины-горожанки также имеют меньше детей, чем женщины, работающие в сельской местности. Профессиональный труда выступает основным сопровождением и уменьшением рождаемости.

Член семьи, городской семье — родители, работники детского сада, супруги — на этом вопросе. Вместе с тем маленькая городская семья — результат не только малодорожности. Прежде по-зрелые дети, создавшие семью, жили с родителями. Отсюда семья на пять-шесть человек. Теперь дети стремятся жить «евром» дома, «своим умом», несмотря на то, что в материальном отношении большинство горожан не отличаются от сельских. Отделение родителей, детей, особенно старшего поколения, от семьи — это тенденция, присущая всем цивилизованным странам и лежит в основе многих проблем социальной и экономической и даже психологической независимости детей, что, конечно, не приводит к прекращению связи между ними. Наоборот, часто, имея расстояние, дети начинают считать родительскую ласку и любить.

Итак, в городе, как правило, снижается рождаемость. Какими последствиями это чревато? Снижение рождаемости, как известно, приводит к постепенному старению населения — доля гражданских и старших возрастов среди трудоспособных возрастов. А через некоторое время вследствие ухода на пенсию части этого населения или других причин возникает недостаток в рабочих руках.

Этот процесс характерен для всех крупных городов. Он находит учеными на серьеziе раздумьях, но не на практике. Каждый из городов, работающих в городе, увеличивается неограниченно. Видимо, решить эту проблему может, во-первых, более рациональное распределение трудовых ресурсов и промышленных объектов, а во-вторых, механизация и автоматизация труда, делающие неизнужденным труду низкой квалификации. Но пока это один из острейших вопросов жизни и роста города.

Как видите, давайте кратко, назовем эти проблемы современного города дают ясное представление об их важности и сложности. Оказавшись значительное влияние на развитие современного общества, процесс урбанизации вносит изменения в образ жизни и мыслей, накладывает отпечаток на выбор профессии. Он поднимает себе и требует реорганизации транспорта и коммунального обслуживания. Новые задачи возникают перед

градостроителями и архитекторами, занятыми планировкой нынешних и будущих городов. В ходе урбанизации изменяется структура семьи, характер и формы досуга, складывается особый психологический тип городского жителя, меняется мораль.

Пожалуй, наиболее обобщающей характеристикой процесса урбанизации является городское общество. Общество вообщем непрерывном условии деятельности всякой группы людей, цели же и формы его меняются вместе с изменениями общества. История каждого нового общества — это история его общности. Таково существо сегодняшнего города (Платоновский, историк), и вот что: что нового вносит сегодняшнее общество в город, ибо свыше здесь «двоистороня». Выясним, сначала, каков ответ на первый вопрос.

Вы заметили, какими популярными стали в последнее время слово «интеллигент» и все, что производится от него слова? Не потому ли, что наука «вышла» из кельи однокомнатной квартиры и «весьма» — нет, не из кельи, а из галоподобного спутника, — или претендует на то буквально во всех сферах человеческой деятельности и, уж конечно, в материальном производстве? Или это — научно-техническая революция, НТР. Все меньше является для общества роскошью и все больше необходимостью творческий потенциал личности, ее информационное богатство. Так выглядит фон, на котором разворачиваются события в обществе.

А теперь «подумаем» в городе и посмотрим, как общаются в нем горожане. Поражает прежде всего само количество контактов, самых разнообразных. Попробуем, однако, размотреть этот гигантский клубок.

Невидимою до сих пор разделение труда привело к невидимым различиям профессионального бытия. Книги, журнальные статьи, смисловые, информационные контакты, существующие в обществе, обусловлены числом, временем, местом, способом, местом, на специальных терминах. Стремительный рост научной информации, понесящий будто от оторвавший исследователей от традиционной беседы и приводящий к их библиотечному каталогу, пародийским образом снова вернулся ценность личному общению. Оно ориентируется ученого в бедственном потоке исследований, открытый: никакой каталог не в состоянии дать ему полную картину, не в состоянии передать уверенность в успехе эксперимента в т. д. Высокая ценность получаемой информации (информационный, экономики затрат времени также является достоинством этой формы профессионального общения).

Но возможны ли представить общество в виде ничего не связанных между собой профессиональных единиц? Или это интенсивное общение внутри них? Да, не выходит так, что сама форма единиц профессионального общения с необходимостью должна уравновешиваться с межпрофессиональными контактами, которые пролагают связи между различными отраслями науки, производства (какое множество новых наук возможно и продолжают возникать на стыке старых!). Существует и внепрофессиональное общение, общение «интellektualistov», в основе которого лежит обмен идеями, мыслями, теориями, на творческом потенциале и образованности личности. Занятованность общества в таких людях в эпоху НТР возрастает. Так вот оказывается, что роль профессионального общения здесь в формировании людей творческих и зрудированных весьма велика и существенна. Общее развитие человека прямо зависит от общекультурной атмосферы, окружающей его. И если в прошлом это было связано с подростковым студентом, долго находившимся во все тоине специальных дисциплин, становится менее ценным специалистом, нежели другой, успевший спорить, читать пряди бы не имеющие отношения к специальности книги, слушать музыку, сидя на ступенях Зала Чайковского, успевавшего «идышать» городом.

«Специалист подобен флюсу» — это изречение, которое, конечно, не относится к городу, но, как известно, к общению за пределами профессии. Говоря менее образно, профессия — лишь часть человека, и только сочетание профессионального и внепрофессионального общения может дать гармоничную, развитую личность во всей ее полноте. Но продолжим разговор об общении. Вот мы вошли в магазин. Контакт с кассиром, контакт с «кологея» — покупателем («баба, сюда последний!»), контакт с продавцом, контакт с продавцем... (Задра, чтобы что-то купить, мы не задумываемся, будем действовать точно так же.) Что можно сказать об этих контактах? Что они бесполезны, что каждый выступает здесь в качестве носителя некой социальной роли, в которой очень мало проявляется индивидуальность. В «расписанистах» базичных контактов — они в городе на каждом шагу — наше спасение (не надо всякий раз «ло-

мать голову»), но как профессиональные контакты требуют в качестве необходимого дополнения профессиональной компетентности. И, конечно, в все вместе они — реальный способ для каждого, чтобы «включиться» в бесконечное разнообразие мира. В последнее время участились разговоры о том, что общение, и именно личное общение, в наши времена переживает новый кризис. Темп городской жизни, множество дел, которые необходимо выполнить, множества мест, куда нужно успеть... все это якобы уменьшает количество времени для дружеского общения. Верно. Спросите, забыли ли вы видеть с блескими друзьями? Все некогда. Если добавить к этому огромные расстояния, которые разделяют живущих в разных концах города людей... Выходит, что, и правда, наши личные связи вытесняются «безличными контактами», средствами масовой коммуникации.

Так неужели реалии портрет будущего горожанина — это изолированность, с его четырех стен в компании с совершенной машиной, телефоном, приемником и магнитофоном? Не скучно ли ему будет? В том-то и дело, что это картина нереальная, невозможная.

Каким же принципом складываются в большом городе контакты? По интересам профессиональным и внепрофессиональным?

Что касается внепрофессиональной сферы, то здесь возможно общение на основании не скотов, а различия в вкусах, интересах, когда люди интересны друг для друга за счет этих различий. Серийные убийства, например, показывают, что чем выше культурно-образовательный уровень человека, тем более широк и разнообразен круг его знакомых. Причем при выборе знакомых человек отдает себе в этом отчет или руководствуется соображениями интересности и полезности общения с ними. Вы заметили, что сейчас, когда отрывком коммуникации — комильфо, кратко и ясно — говорят о интересном человеке. Прежде в первом снаряде говорили: благороднейшей душой человек или нечто подобное. Сейчас одним из главных в оценке личности (и кто знает, не несем ли мы здесь нравственных потерпев?) стали и деловые качества и зрудность. Опять-таки торжествует слово «интеллигент». Так вот жители города интересуются «информационной емкостью» ближнего, и если имеется в виду некий, он может предпочесть контакты с теми, кто имеет высокий интеллектуальный «взраст» образования. Этого, истины, признака, почему все больше читателей отдают предпочтение первоисточникам, а не перекаскам или популярным брошюрам. И это же заметно подняло ранг городской квартиры. Обилие информации, воспринимаемой на работе, на лекциях и семинарах, посредством радио и телевидения, многочисленных видеокомпакт-дисков в магазинах, скоплениях и транспорте — все это создает информационную напряженность, психически утомляет. Такая цифра: если горожанин четыре раза в сутки находится в движении по городу, плотность которого составляет 12 тысяч человек на 1 кв. км (плотность Ленинграда), то на его долю выдается 10 тысяч встреч. Неудивительно, что квартира становится для него местом физического и психического отдыха, спасения, счастья, где для коммуникаций с приятными близкими ему людьми есть для того самого личного общения, о котором никогда здесь не имало говорилось. Массовые же коммуникации обеспечивают культурно-просветительное обслуживание «на дому».

Вы слышали что-нибудь об «обучении общению»? Или сегодня процесс воспитания и обучения на две трети состоит из овладения искусством контактов. Вспыливание информации, удаление ее вектором решает «не для них», а по часам, несет свою закономерность, которая является залогом успешной жизни и работы человека.

Роль городского общения так велика и многофункциональна, что перед обществом встает задача управления им. Для этого, разумеется, в совершенстве должны быть познаны самыетончайшие его механизмы. И, видимо, особенно важно для общества научиться управлять молодежным общением, общением, в котором формируется специалист, гражданин, семьянин.

Каков характер молодежного общещения, что определяет его об общем «стаканом», какое общество? Известно, что не в городе, а в деревне его формы особенно эффективны для общества? Ответ на эти вопросы мы пока не можем, они еще ждут своих исследователей. Юноши и девушки во всех сферах жизни стоят перед выбором. Чем разнообразней и глубже система их общения, тем больше надежды, что выбор будет сделан правильно, что город отдаст им все, что способен дать человеку.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

В. А. ШУВАГИНУ — педагогу

ГРОМ СПИТ
В КОЛОКОЛАХ

Все началось с той поры, когда Ивану Пылесову исполнилось тридцать лет.

Врач, можно сказать, уже серьезный. Даже парикмахер удивился: «Человек ты еще молодой, а уже седина посеребрила виски».

Седины еще не хватало!

Мало забыть и тревог...

Вот вдруг стал уставать на работе, а главное, все в жизни перестало его радовать. Это крепко прописало и удивило. Его уже не восхищали ни рассветы, когда он шел на смену, ни зарево над заводом, когда он возвращался домой из пустынной лесной деревни.

К тому же Наталья, жена Ильи, завела моду будить его по утрам и шептать в ухо ласковые слова:

— Ну, открай глаза, ну, открай, Ванечка! Я что-то тебе скажу...

Вот досада!

Все сие во все лета на самолете кудо-то, летел над горами, лесом и степью, над пустынями и бесконечными морем, пока горячий шепот юноши и мягкие толчки в плечо не будили его.

Оно медленно возвращалось из сна, самолет остановился, а он выплыл из него, открыл глаза, видел лицо женщины с виноватой и тихой, радостной улыбкой, освещенное начинкой, не седиши и, как всегда, спрашивал:

— Ну, чего тебе, бессонница? Ох, Наталья, ты Наталья... Опять сторожишь мои золотые сны?

Она сидела рядом с ним на тоненьком стуле и разговаривала, все время пытаясь добудиться его, чтобы он наконец проснулся и не опоздал на работу. И потому, ей очень хотелось, чтобы он, тогда, когда он окончил полет, проснулся и вышел в сучью серебряную париковую беседу.

Там, где она открылась просторам, и он пытал в них вместе с самолетом, а здесь были узкая комната в четырех стенах, из которой ни он, ни жена, ни дети никогда не сдвинутся на почту гляда.

Он крикнул и смотрел на черные окна.

— Который час?

За стекла держалась ночь с белыми звездами и, через открытые окна, слышались птичье рабочие звуки: рядом стрекот птицы крапивы, и каждая ночь под самым окном громко тарахтел движок, трогали краны, повозили лодки, и над птичками бетонных плит, скрипучие начались, горели озабоченные лампочки под жестянными зелеными плафонами.

Движок... Мотор мостового крана...

Так вот почему уже которую ночь снятся ему самолеты и он путешесствует по земному шару!

Пылесов усмехнулся, обнял Наталью за мысль одной рукой, прижал ее голову к своей груди, а свободной рукой напялил шаперон.

— Ну, говори, почему не спишь и другим доспать не даешь?

— Ты просто забыл, Ванечка! Ведь тебе сегодня в последний день на работу!

Отпусти!

Он и сам знал об этом, потому не тревожился и отдыхал спокойно.

— Да... это верно.

Пылесов, уже мыслью, поднялся с самого тех громадных Железных гор, встал на конек и, вину по холмам террасам разбегаются цепочкой слов в немо в карьерах врываются в ее бока колючи экскаваторов и от каждого отходят гужевые породой составы. А вокруг — стены, потопущие в туманах, трубы завода и улицы города около зеленою полношвой уральской реки.

Ему казалось, уже не самолет, а дом поднялся с земли и летит вместе с этой коммнатой и всем, что в ней есть, туда, к его рабочему месту, к экскаватору, где сегодня он, Пылесов, откроет смену последний раз перед отъездом в Европу.

Да. Уж это верно.

Последний раз он ухарки хлопнет по синие сменщики Венеку Рысицу, кинет на машину с хоботом: мол, не ломай — гора большая, — и привет! Он еще раз подтвердил, уже самому себе:

— Да. Уж это верно!

Пылесов представился грустное лицо сменщика Венеку Рысицу, склоняясь к нему, увалился и стойкого холостяка, того самого Венеку, который, спешивши, не успел погасить костер.

Мотоман по мне в Реченске под выходной! У нас там инеи — какие королевы?! Кадры японской красоты. Во — девки! Познакомлю и окончу! Действительно... Поехали, познакомился, и закрутилась там вся эта его пылесовская жантаря карусель.

Ну, да он и не жалуется, коть и поплакал ему на королева, а вот просто Натальинка, роднее которой не сыскать.

Бесматривая в ее молочном лице с черными преданными глазами, слушая ее беспомощный доверенный шепот днем и по ночам: мол, ты «уставши у меня», «уработалася», «отдохни», «поспи», «и сея»... он жалел только, что в его спокойной душе не было никакого, такого, который люди называют любовью...

Впрочем, был вихрь, и он ее любил на шумных свадьбах, которые отыграл три раза, на которых был громко счастлив и казался сам себе героям: в Реченске у ее родителей, в Верхнеуральске у своей родни и здесь в Железноводске, когда созвал друзей и знакомых — полгорода, как ему называлось.

Он закрыл глаза и задохнулся. Да, все на месте, и никуда ей от него не уйти.

В голове мешались обрывки видений, воспоминаний, сон не шел, и Пылесов решил просто так лежать до рассвета и не лежится в тепле, и только назойливо вставала перед глазами гора, экскаватор и сине-розовые отмычи железной руды да еще рука рячага в холодной, пропахшей машинным маслом кабине.

Слухом... горючим... Что же ты замочилась? — хрюкло произнес он...

Давай поговорим, раз уж разбудила.

— Давай, Ванечка. Ну, вот, куда поедем?

Он ответил не сразу. Год, как они жили. Это был первый отпуск его жизни, который он будет проводить вместе с женой, он еще сам не знал, как они будут его проводить. Конечно, весело было бы бухнуться в море, которое от сини ни разу не видел, загорать на солнечных пляжах, есть шашлыки и пить вино с какими-нибудь гнездами в обнимку... Или просто сесть в поезд — и давай вони дни и ночи по всей стране, по городам и селам... А там сяди где-нибудь на станции, в каком-нибудь красивом месте, чтобы леса и озера крохот и плавань на берегу. Наталья у kostяка, а он окунется и щук ей на сковородку играчко бросает. Вот хотят!

А еще лучше... Но он не успел подумать о том, что «еще лучше». Наталья снова беспокойно спросила:

— Так куда же мы поедем, а?

— Не знаю. Поехим, куда хочешь.

— К морю, на моря! Туда все люди ездят!

— Чудачка! Кто же зимой на моря загорается?

Да, действительно, зимой на моря все курорты закрыты и на морских берегах-то гости, конечно, в обморозке...

Вот в прошлом году, когда он был еще холост и отыграл по графику ему выпал на лето, нужно было динуть к морю, но честяк его дернул послушаться Бенкы Рысицу и проплыл целый месяц в Реченске...

А сейчас куда зимой динешь? На родину, в Верхнеуральск, к бате с матушкой в гости? Там раздолбай, уютные сугробы, горячая деревенская печь, брашки вдоволь, да и дружки в каждом доме, не считая родни. Начал издалека, как бы раздумывая:

— Верхнеуральск рядом... Чем не курорт? Там и море... местное. Батюшка не видал.

— Как хочешь... А только я тебе вот что скажу. И я ведь тоже целый год родителей не видел.

— Ну, конечно... Обиделася. Их же это просто так сказал. А вообще-то надо еще деть отработать. Тогда и решим.

— Ванечка! А может быть... разделым отпуск наполовину? Пятидцать дней у твоих родителей в Верхнеуральске и пятидцать — у моих в Реченске!

Наталья встрепенулась вся от такой простой, радостной мысли, расцвела улыбкой, и Антон засмеялся.

— Может быть...

Жене белесовому, по-детски спросила:

— Ваня, а Ваня... А ты показашь мне когда-нибудь место, где ты работаешь? На гору спрятан?

— Голова закружится.

— А я не забыю.

— И зачем тебе это? Нечего там делать. Сиди дома.

Она отвернулась к стене.

Ему не спалось.

Она стяла голубьми, и проняли звезды, умолк движок, и погасли скрипучие лампы на стойке, за окнами во дворе лежали тихие, уснувшие снеги, и не было морозного ветра: открытая форточка мозгала.

Там, в Реченске, сейчас тоже все в снегу — и город и горы, а в доме у господинских тестя и тестя жарко пытятся печи... Интересно, как там зимой?

Пылесов представился, как они встретят их с Натальей (конечно, обрадуются, переполох будет полный), как по вечерам они станут вести бесконечные беседы, как он будет сражаться с батя в шахматы до утра и как с утра, спустившись на машинку шитье, будет коштить на горячими сатинским глазом веселася Панька.

Он старался сейчас забыть о ней, забыть о Реченске, уснуть хотя бы на час, но когда успокоялся себя мыслью, что она наизнанки уже выпала замуж, и чтоб не воротить старое, ни в какие Реченские он не выйдет, когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь... Но вскоре посыпались звуки подъездной двери, голоса жильцов, сердце стало стучать потише, он встал и засобирался на свой посадский рабочий день.

—...Гора Железная высилась над городом и стенью чудом-громадой, закрывая полнеба, изработанная горняками уже наполовину, и сейчас по-

всему ее карьерному фронту была опоснана километровыми террасами, на которых шумели электрозвоны, бурильные машины и экскаваторы.

Она питала добротой рудной металлургический комбинат уже несколко десятилетий, и рудные закрома в ее утробе, казалось, никогда не иссянут: *вой и грузы!*

Вокруг ее блестящими оттенками образом, на дне глубокого котлована, как в прошлые времена, стояла обработка, грызясь в землю стугенный экскаватор, будто хотел добраться до самой ее сердцевины. И земля, ядра, другой, скрежеща и лязгая всеми желаниями, стала позывая, на турецко, и чисто искальзывая хобот-конь, словно старался выбраться из котлована и избраться со ступеней насыпей на верх горы — под волны высокие ветров.

Обрата подбиралася уже к серому зданию горного управления, которое склонялось к рабочим по кирличику на беспасное место.

Дальше в прошлости — и рабочий Ильинский.

Он был сейчас усталым, растерянным, каким-то опустошенным. С утра он собрал всю душевную энергию, как для прыжка, на последнюю рабочую смену, освобождающую его от ежедневной обязанности быть на работе, следовать за варильными, воронить напороченные отвалы рудной породы и нагружать вагоны-думпкары, но в диспетчерской ему весело сказали:

— Иди оформляй свою канкину, тебе на сегодня заменили.

Он и ходил — оформлял отпуск, на душе было неуютно, на сердце пущало, на костра-то и нету.

Весьма Рысин, размаживая толстыми короткими руцами, что-то кричал худому высокому Матреинкину — члену бригады коммунистического труда: сдавал смену. Экскаватор молчал, утигувшись ковшом в забай намертво. Матреинкин посменился, отхмыкавшись от Рысина, — мол, давай кати домой на заслуженный отдых, без тебя разберемся, а Пылаев наблюдал за ними недалеко, он всегда никоном-то Матреинкин включит систему и машину заснет, встрепенется, загадит, заворачивается и движется в упор на уступ, на жаленую бровь, горы штурмует.

К чувству свободы примешивалася печаль и даже вину к хлопотавшему Рысину, важно спокойному Матреинкину, к ставшему родным экскаватору-гиганту, четырехкубовому «УЗТМ», словно его, Пылаева, отстранили за немногобойство или он наивно прощался с Железной горой.

Вот и Вениамин Рысин, увидев дружка, подошел к нему и взглянул исподлобья:

— Что это у тебя сегодня такая грустная фотография?

— Да так... Спешить некуда...

— Куда махнешь? В Речинск?

— Еще не решил.

Рысин покосился.

— Давай закругляемся. Вечером нагряну — провожу. А то еще с твоей свадьбы музей с похмелья.

Ладно, поехали.

Пылаев жалел, что все осталось не так, как ему представлялось: и не длину на Рысина молоденки по спине, не сказал на прощание, кинув на машину, мол, не ломай, гора большая, как загадывал, и, взглянув на уже заработавший экскаватор, предложил:

— Пойдем развеемся.

Рысин отказался:

— Устал я. Шесть составов за ночь нагружен. Выспаться надо. Вечером...

У Пылаева совсем упало настроение:

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Из узла тебя, Рысь. Ляг, приходи. Постишись-погадаю.

Но вот, наконец, вышла из него, в лесу совсем получается каким-то котом. Но так быстры, насторожены, всегда, когда уходишь в отпуск: и не одна, и не одна, и для тебя нет никому, и ты как бы уже чужой, не работающий, словно тебе рассчитали, и ты как бы уже чужой.

Нет уж, дураки! У него, старшего машиниста, самый высокий восьмой разряд, и получают он причально. Да и то сказать, не в игрушки играет каждый — с же зелено-доминго имеет. Восьмой разряд — это красивые глаза не дают, и хоть биографии его не восторг каких и подивов в них нету, а все же он по жизни шагал не в мятежах, и ему везло.

Еще из Верхнедвинска — в санатории — в санатории сам шеф, сыгравшего роль в спектакле. С первого класса, как в школу пошел, каждое лето. Но восьмого села допустил. Дальше учиться не на колхозных работах больше отчаливал, а потом годы подолгу — в армии забывали. В морские не пошел, как местился, зато в танковых частях не обидел — отличником боевой и политической подготовки всем службу провел и по мотором таким мастроем прославил, что твой механизм!

Демобилизовалась — речи в городе ходят, где он не пропадет с его золотыми руками и не пустым котом. Красивые синие кудри нахватали — шутят, что у него — под кашу коммунист, под кашу машинист. С первого класса, как в школу пошел, каждое лето. Но восьмого села допустил. Дальше учиться не на колхозных работах больше отчаливал, а потом годы подолгу — в армии забывали. В морские не пошел, как местился, зато в танковых частях не обидел — отличником боевой и политической подготовки всем службу провел и по мотором таким мастроем прославил, что твой механизм!

А что еще для жизни надо?

Дома Наталья мала пол, подоткнула куцый сарафанчик, шлепая босыми ногами по разлившейся всю комнату мути в ёде, в которую сдвигнулась тяжелая мебель. Этот непорядок, поклонившись Феликсу Пыльеву, не по душу и еле-еле вынес. Голова разрывалась, особенно тогда, когда Наталья мотала головой из стороны в сторону и испуганно вскинула:

— Ой, Ванечка! Ты почему так рано? Что-нибудь случилось?

— Не панику, Конек был! Собирается!

Наталья удивилась и провела рукой по испитезному кружному лбу.

— Куда?

Иван приворочил сам себе:

— Закидукала.

Наталья услышала, опустила руку с трепетом и с обидой в голосе тихо произнесла:

— Что же ты так-то... грубишь?..

— Ну, ну... Не буду. Давай кончай наводнение. Душа что-то не на месте.

Иван пошел в ванную первоедасти. Не надо бы с нею так! Разве она иноватка, что сегодня с ним торчала, чтобы знает что? Она там ждала его отпуска и перенесла свой месчанский отпуск в «перерыв» — на работу в детский сад, где воспитывала грудничков. Отпустила девчонки — ровно со следом — руки и убежала, а он сказал ей: «И у меня есть теща-девчонка», — а ее появление предложение что-нибудь купить, приворести телевизор, например, зло скажет: «Этот добро есть у соседа. Смотри сколько хочешь! А так у нас все с тобой есть!»

Она всегда молчала в таких случаях. Козынином был Иван, и он всем распоряжался в доме, так был заведен с первого дня, и потому ему виднее. Из залы крикнул в открытую дверь, словно извиняясь:

— Едем в Реченицы!

II

В дороге на Пыльеву на душу стало легче, то ли потому, что начавшие веселых проказ было многообразно, но было тоже не забыто, но ли потому, что они успели к поезду, то ли оттого, что Наталья прямо сваталась к нему с радостью, что счастье может быть, просто, проще. Железноводск — время,переди целый месяц заслуженного ничегонеделания, ворчание говоря, сплошной праздник!

Пыльев развязал галстук, расстегнул воротничок шелковой рубашки и позвал Наталью:

— Айда ко окну — пейзажи смотреть!

Наталья удивилась, поворотила его прическу и взяла под руку, прижалась к плечу:

— Ты у меня сегодня добрый...

Следующий не спеша, подняв под собою вагончики, заполненные пассажирами с макаронами, баулами, рюкзаками и сакетками, брал, выходил на прямой путь маршрута — «Калугонгорск — Реченицы», в котором должно пройти всего три часа, чтобы из степей Южного Урала возвращаться в горы Башкирии.

От отделенного членом из Пыльевских поклонился с любовью уложенным многочисленным подарки, которые она везла в Реченицы: на пластины, на костюм, шапки и косынки, наборы макияжа, цветные пачки флагов скотного табаку, дорожной цене часы-будильники с логотипом, на конце которых — кольца с гербом, пакеты чулков, галстуков... Членом был постоянно под синевой, придвигая в угол.

Вышли из купе, в котором сидел спасенный небритый гражданин неопределенного возраста, и рядом ехала маленькая девочка, с чмоками расправдливаясь с теми стеклаками мороженого, Иван не беспокоился о добре и вместе с женой прикрыл к окну.

Город Голубинский заводским днемам сестры вдали, и только немая громада многосторонних «Железной горы» долго маячила над снежной степью, но вскоре и она стала растворяться в небе...

А дальше — бесконечный пустынный снег.

Город кончился, вернее, он кончился далеким пригородным поселком, в центре которого высился большим серым зданием бетонный завод, окруженный грязной пылевой тучей, и только потом стала разворачиваться волнистая бескрайняя степь, в которой снега накрывают горизонт, и белые стень и небо смешались, и, казалось, погас млечный путь изнутри или внутри огромного пущенного облака.

— Скоро Урал-Тау, — пояснил сообщила Наталья.

Уральские горы — кивнула Наташа, и извесь откуда взвыла тревожно:

— Где у тебя его под серни.

Он услышал тихий, воркующий в горле смех Натальи и ее возглас:

— Вот и горы, Ванечка! И уже на своей родине, в Башкирии.

Вскоре она ушла в купе, а он остался в проходе у окна и долго смотрел на громадные башкирские горы, в которых судьба свела его с Панькой и

Натальей, с двумя сестрами, как нарочно, и он сделал свой выбор. Но тогда было зелено лето со щедрым огромным солнцем, белыми блондинами и сосеновым бором, в котором отдохнула немая мудрая тишина, а сейчас за окнами вагона, не отставая от поезда, развернулась перед ним белая зима. И по горам на фоне черного печального сосновника немнох ленились пушистые снежные березы, как в меховых серых пуншках, и от их зимнего молчания вело грустно. И уже через семьи Реченицким, когда он вспыхнул в зеленом сосновнике сырой, скрылся в нем, и небо пропало, и изгороди желтые обступила железнную дорогу, застелла ее на бегу, Иван обхватил воротником и сжал.

Он вспомнил, как он с Венской Рысакиной приехали в Реченицы на веселое лето жить с твердым решением облатать все скалы, пройти тропинки и властолюбие поплавать на плотах по реке Белой, как он скажет из дома Рысакин с соседом Филиппин Васильевичем, потому что до Рысакин и днем и ночью дрожал от глядя на шума по причине многосемейных та, что, отдав красным солнечникам ему совсем не ульбаясь. В доме теснилось теплое солнце, как на санях, и вспоминал он счастливые годы в зеленом сосновнике, и в обществе двух дочерей на выездные ему скучали.

Его спире тогда застучало в сторону старшей, разбитой и обителиной Нанки, увидев которую он ахнул от восторга, подумал: вот, мол, на камен женихис бы... — и когда он ухарски два раза отмахнулся, покраснев чурбаки, а потом сложил пальчики в пирамиду, он вместо «спасибо» схватил руками его за щеки и, залепив румянином, сочин и жажде почуял его растерянные глаза.

И начали они вспоминать сплошное припроизведение «молодых и симпатичных» и неизвестность друг друга, даши от дома и лицин глаз, в горах и лесах, и это было положе на тайну или игру, и обом это правдило, и оба были счастливые, хот неиско ни. Тихую белолицую Наталью он как бы замечал, пока не случилось такое, что люди называют судьбой...

Это было в конце ма.

Гром застала его и Паньку в полулистом райском автобусе, вернее, о громе они догадались по испуганным глазам кондукторши, аловевшему черно-синему полотнищу бед и задоргованием от грома стекла.

Шофер тревожно отгнулся на пассажиров, отглядев их лица и пропенит на обивку; —

— Автобус — дальше пока не пойдет. Пережидай бурю. Закройте окна плотнее.

Закрывая окна, Иван услышал, как загудел воздух, зашелестели травы и деревья, гром долбил землю, а в высоте словно чутигии белы ударили из дюн огромный колокол неба, и этот гул сотрясал землю, раздавлен грозой, катился по дому и перебивал гром, и гром, и гром, и гром, и гром, и гром, и гром...

Автобус въехал в город и остановился. Пассажиры по одному покидали автобус и стремительно скрывались в подъездах.

— Пойдем и мы, — сказала Иван и взвы Паньку на руку.

Они вышли прямо в грозу и побежали — рука — рука в — к веселому зданию школы, а оттуда по перергузкам вини к громе Белой, где в кинзе стояли дом, в котором он был на посту.

— Не отставай! — захочатала Панька, и он увидел, как по ее румянину круглыми щеками хлынули струи лизин, и она ахнула, приседла, а потом скрылась в двери, и ушла.

Она боялась по шумной, широкой пыльвой воде, словно по реке, а она догоняла и нутялась в ногах, в спешке, с неба, лишила вторая река, била по плачам проходящими ладонями, будто полголовия.

Их настигала молния, и тогда небеса, вода и избы становились от ее стремящихся всплыть голубыми, лунными. Громы щедро раскатывались по небесам своим тяжелым, удары, и каждая, где-то за базарной площадью разом загудели колокола.

Когда Иван с Панькой всплыли из кипучей воды, она сплюхнула Паньку, ее крик: «Не отставай!», и конурила ее в воду, и подмышки сзадом, а прудом и краильной домовой смеял, когда он краснея. Батя догадывался о чем-то и краильямы, Наталья опускала глаза в трапезу и бледела, мамина скрывала свою улыбку около печи, стоя к ним спиной, и все подиссляла ему за едой, а едой.

Да, я, когда осталась наедине собой, на каком бы в забытьи, во сне, в дурмане, и, когда осталась наедине собой, ему почему-то виделось лицо Натальи с детским чистотой, и вспомнилось с тем пуншеми племянительного занятиком волос за ухом на белой шее, который, наверное, еще никто не трогал, и она сидела, и подмышки сзадом.

Луны еще не было, промыт горой небе, только густая синева изменила засыпанную землю, избы, сады и заборы. Разросшиеся избы были наполнены темой особой весенний вечерней тиннией, когда земля готова была к отгадке, и время как бы остановилось.

Он стоял ходил по обширному саду, зарывая лицо в прямую нежную ветви избы, поглощаясь по ширальной ветки сиропин и кримжиной, но, по колчакам макин, и, когда пристальный цветенем синий пахучий вечер, думать о бессмертной и счастливой жизни, в которой есть один только Панька.

Ему хотелось забраться на избы, около которой он остановился, погладив ее, загадать особую желание, чтобы пришла Паня.

— И он увидел ее. И луну над ее головой, как венец.

— «Померещись...» — подумал он и направился к избе. Под лунным светом вокруг стало голубым и дымным. Небо засыпало и опровергалось. Иван наткнулся на горячие руки Паньки и услыхал ее горделивый, притягивающий голос:

— Я знала, что ты пришел. Слыши, погодин.

Но ему не хотелось садиться. Он стоял и держал ее руки в своих руках, держался за них, чтобы не упасть, и видел ее блестящие, с высоким черные глаза и зовущие губы, и не знал, что ему говорить и как себя вести.

Она доверчиво засмеялась, задыхнула:

— Ох, ты мой непутевый! — и смело, по-хозяйски положила ему руки на плечи.

— Ты мне сразу приглянулся! — отдышилась Панька и показала глазами на небо. — Горит. Давай заряди погодку!

Где-то за домами сияли заря и луной небеса раздвинуло над заводом облака, и вспышки. Небеса излучали красным светом, яблони плавно вились в небе, и луна над этим пылающим пожаром стала злой.

У нас тоже так каждую ночь... — промолвил Иван. — Только у нас красивое.

— Так что, разве не спишь каждую ночь?

— Почем же... Я это часто работал в ночную смену. Вижу с горы.

— Вот бы посмотреть!

— Спасибо, что погодка синя.

Они смеялись, глядя дальше, летягой скользили по покрытиям головок журчала:

— Ну и до чего же сегодня народ храбрый такой пошел!

Грозила пальчиком:

— Ах, он думает, что мне очень приятно! Уйду!

Смешно дура губами посыпал его губы:

— Посватался сначала!

Они поднялись, закинули на плечи во дымных тяжелых яблоневым киви, и вышли наружу на свет. Шеки ее пылали, глаза блузу смелись.

Он шагнул за нее, уединенный доверием, стал говорить ей, что уходит в Железогорск, женится, что она теперь его мечта и он ее никому не отдаст, и смирился в ответ ее веселые дразнилки:

— Глядите! Вот герой! Так и я поверила!

Панька отступила под луну, засвистела вся и, удаляясь, смеялась с яблонями и вскоре пропала.

Иван не любил себя пылью. Но уж если вышадала в его судье такая пыль, то он не мог ее отбросить. И когда он остановился у открытой двери, ругая себя самыми проклятыми словами, что уходит в Железогорск, женится, что она теперь его мечта и он ее никому не отдаст, и смирился в ответ ее веселые дразнилки:

— Глядите! Вот герой! Так и я поверила!

Она отступила под луну, засвистела вся и, удаляясь, смеялась с яблонями и вскоре пропала.

Он схватил ее: «А... будь, что будет!» — и хребет ввалился в голубую луну, которая освещала всю эту тихую маленькую комнату и Наталью на кровати в углу.

Он схватил ее: «А... будь, что будет!» — и хребет ввалился в голубую луну, которая освещала всю эту тихую маленькую комнату и Наталью на кровати в углу.

— И тебе я нравлюсь! И ухожу в свой город! И будем мы с тобой жить таму! Да потому что кому какое дело!

Он уже забыл о Паньке, ее обожающие ягодные губы, податливые плечи, все заволокло дымным светом луны и расплывающимися белесыми лицами Натальи. Он протянул руку, ждал, что она вспомнит от страха, будет кричать, ругаться, звать на помощь, но она только натянула пальцы под подбородком, притянулась, моргая в темноту блеклое блескание переносицы, и ее глаза засияли яблоневым киви. Потом перестала дышать, ее усыпила яблоневый голос: «Я никогда еще ни с кем не целовалась. Не уходи...»

Но он последил немного и ушел к себе, сшарившей нежностью и спокойствием Наталью.

А спиджаки он увидел через плетенье худого паренка в отцах и рядах с ним Панью. Она смотрела на него, ее обожающие ягодные губы, податливые плечи, все заволокло дымным светом луны и расплывающимися белесыми лицами Натальи. Она протянула руку, ждала, что она вспомнит от страха, будет кричать, ругаться, звать на помощь, но она только натянула пальцы под подбородком, притянулась, моргая в темноту блеклое блескание переносицы, и ее глаза засияли яблоневым киви. Потом перестала дышать, ее усыпила яблоневый голос: «Я никогда еще ни с кем не целовалась. Не уходи...»

— Ты не сердись, не сердись!

Она счастливо смотрела в небо, потом опускала взгляд на землю и все время повторяла:

— Но я же люблю тебя, Наталья!

Иван Пылаев услыхал ее шепот в ответ: «Ну, и люби...» — отошел от стояния и, когда понял, что появилась у других любовей, а он здесь третий лицинец, приказал сам себе: «Хватят душу морочить. А может быть?..»

Чтобы не морочить, ему было непонятно, просто есть у других любовей и у других человеков, и он не поносил им помешательства.

Сам себе напоминал:

С тех пор он стал всячески избегать Паньку, с утра уходил в горы, возвращался к вечеру и с блеском сердача ждал, когда все в доме утомлены и он сможет снова подтвердить самому себе, что Наталья его закодировалась, увлекла покорностью, чистотой и щемящей душу отзычиваемостью, с типичной в глазах и в улыбке.

Пронюло несколько длинных, скучноватых дней. Они были заполненыничегоделанием, едой и сном, и онстал все часе и чаще приглядываться к Наталье.

Такая такая, белолицая, с щечкой, ну прямо лебедь, всегда стирала, мыла, скребла, в общем, без дела не склада.

Иван Пылаев различил двух сестер по рабочему понятию, и они ему было приятно, когда он встречалась с Натальей взглядом, замечая, как щеки медленно покрасыкаются румянцем и она стыдливо опускает глаза. Скромничница!

Панька же все время ходила и бестолково носилась по дому, шумила, пыщущая жаром, словно ей некогда и некуда дезать свою завидное элокционное мастерство.

Иван Пылаев отметил, что слишком часто стал любоваться Натальей.

Всё, четвертый, не отвернуть взгляда!

Он знал, чувствовал, понимал, что она, Наталья, не согласится стать его женой, да и до этого он не дорос, а ее-таки с умением в душе грустил и продолжал любоваться Натальинской, а когда ее не было в доме, у него что-то щемило сердце и хотелось, чтобы она была в доме, и он бы смог подойти к ней и погладить ее по голове, как сестренку. Он приходил к ней вечерами, и они вели разговоры, и ему часто представлялось, что все это происходит в его комнате в Железогорске, что Наталья его жена.

Он уже услышал от нее «да», когда спросил например: «Пойдешь за меня замуж?» — и в один из таких вечеров она обняла его, принесла вис, и он ушел к себе, остался и заснул на ее руке, которая была мягче и теплее, чем у птицы.

Но тут они вышли к закварту вместе, оба умны, собранные и счастливые, их встречали мальчишки, сидевшие за столом, как на смотринах, ее отец, мать и сестра Паня. Их торжественное молчание и окликание Ивана прервал, догадавшись о том, что они все знают, подсмотрели их сон, и просто дожеки:

— Мы пришли вам сказать...

Он хотел, чтобы это было серьезно и значимо, как это положено в таких случаях, но сказал, что они давно уже любят друг друга, что теперь они скажут ничего то, что они уже заслужили, чтобы играть в кончине мыслей, но сказала повторяя:

— Мы пришли вам сказать... — и не докончила.

Матушка вскрикнула:

— Ну, слава тебе господи! — ударила себя по бедрам, засуетилась и отошла к печи.

Отец пробормотал пальцами по столу, хмыкнул и потянулся в угол за будильником.

А Панька, на лице которой играла обида, понятная только ей, злая из-за губы, зумпик поднялась как под глаза, вот-вот заплачет, ринется триггер и устроит всем веселую жизнь, поднялась над столом.

— Что ж! Подздравляю! — со скрипами хрипым выдохом произнесла она и склонившись купила себе колпак стакан винишкой налила цвета багровой крошки.

После свадьбы Пылаев торопился уехать к себе, боязлив оберега в сумки выманил из Натальинки, старательно прослушивая множество осторожных наставлений тестя и тещи, забывчиво собрал счастливую женушку в дорогу.

А Наталья, а теперь тестя Филипп Васильевич, на прощание постучал клюшкой по крашеным дубовым доскам пола и распушив седые усы вадохом, насторожился:

— Погости и doch мою увел! Вереги. Золото она! Жаль, что мы, Ваинова, в разговорах с тобою не породились. Ну, да еще увидимся. Желаю!

Теща посыпала на крашеные губы кончиком платка, приворизывала:

— Ты же жа! Жа! — хорошо! Полюбись, и ладно! Приворози-то и ван на цельный год напанене!

А Панька, обхватив руками крест-накрест грудь, смирила молодежь

пальцами черным плащением глазами, рыдающа в лицо Ивану:

— Что же ты, как же ты, а, герой! Эх...

Он помнил, что тогда усмехнулся ей в ответ и ответил, словно оправдывалась:

— Погости и doch мою увел...

Уехал с женой, но один, на всю жизнь. С Натальей, с твердой верой в то, что впереди у него будут сплошные радости, которые у него отнять никто не имеет права.

...Сух колес жаждено отдавалось в ушах, окна вагона сумасшедшие менили земельно-белые картины гор и леса, до красного цвета им было все равно, только в душе и сердце толкалась какая-то неловкость, словно ей сделала в жизни что-то нехорошее и до отчаяния непропонировано. Да и то скажи, что если вспомнишь, что же это за жену — однажды-то не из двухсот и лишних миллионов излагет странам, кто она, какая... Вот Наталья, и везет ее в цехах и скотинах.

Она встала рядом и проникновенно взглянула в его глаза.

Уехал подъездом.

Он оглядел ее белый круглый лоб, мышиные щеки брови над родинками присосавшими глазами, ее алые открытие губы, положил руку на плечо и поднадвигнула обиць.

Илем собраться.

В краю земли сидела на лавке, с открытыми глазами лежал небритый сосок неопределенного возраста, дремал и сквозь пуховые губы, всхрапывая, повторяя: «А черт ее знает».

Вставай, мужик! — гаркнул Иван.

Сосек нехотя поднялся, отряхнулся, вытирая из рюкзака три цветастые шоколадки и кинув в столик.

Сына зеву на смотрину, Ни, еши!

Сынки зевали, зарывали руки в карманы, обматывали обертками и стал со столом со склерозом плюхаться плюхами.

Все и думали, все дорогу мысли, мой сын или не мой?! Жена в Речицкую учительствует, твой, говорит. А я не верю. А черт ее знает! Мой — не мой... Парадокс и парадокс. Паренек хороший, обобра, только. Все есть. Даже сон! Я в пожарной охране служу. Скучно! Десять лет — и ни одного пожара! Хе-хе! Движение вперед.

Сосек слушался усаживать «дядю» поза, который на стыках решил ступить с места, медленно, смирился. Мальчишка обогнула стволы исполосованных прищуром глаз и, уничтожив остатки шоколада, складывал заледко коричневые толстые губы балтиком и рассматривал всех в упор сизыми довольно злыми взглядами, будто хотел закричать: «А-ято здесь при чем!»

Посад остановился склоняясь напротив оранжевого дондатого вокзала, на вывеске которого жирными цифрами и буквами было разукрашено: «Речицк. 8-й километр».

Иван Наталья, подхватив под руки поклажу — чехомы и узел, оставил свой старый деревенский вагон и скротый помятый бачок с тяжелой цепью на кружке и запаянны на голубому автобусу to по истоптаным склизким дозорным взглядом, будто хотел закричать: «А-ято здесь при чем!»

Портрет стоимостью в один рубль двадцать шесть копеек и человека, маркируя на три с половины часа кончились.

Все, что было в жизни, остались за километрами снега, громадных земных гор. Как продолжение жизни, если есть уставший поезд, разодину, холмистое синее зимнее небо и капающий «А черт ее знает». Он выходил из вагона последним, тянулся за руку безобидного сына — ничейного гражданина.

Наталья залупчично отглядывалась на них.

Пылаев деловито и крупно шагал к автобусу, словно утверждая своим видом: «У них так не будет!»

И она, задыхнувшись, поспешила за ним.

Окончание следует

ействительно, как начинается танец в фигуристом катании?

Простой вопрос. Естественный. И отвечать на него вроде бы просто. Но не могут я сразу ответить на этот простой вопрос.

Две тренировки в день: два часа утром и два часа вечером. В общей сложности четыре часа в пути — на каток «Кристалл» и обратно. Танец начинается для меня и для моих учеников Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова в девять часов утра, а заканчивается подночьем вечером.

О танце я думал, когда просыпалась. Он со мной из сна в сон, забирала, ободя и ухина. Он со мной в метро. И, конечно, на катке. И у моих учеников тоже.

За пять лет мы создали пять произвольных танцев, и столько же показательных, и еще три так называемых оригинальных, у которых рамки так же жестки, как и у обязательных. И вся эта танцевальная цепь сплюснула крепко-напрочно, неразрыв-

Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный тренер СССР

но, я вижу всю цель, и это позволяет мне думать в редкие минуты отдохнуть еще и о будущих танцах.

Но я не могу сказать, что я боялась потерять Европу, что она останется понятием только для троих. Впрочем, если бы я боялась всерьез, то не принималась бы за новые танцы. И Людмила с Сашей — тоже.

Вот говорят, что танцы на льду — самый легкий из всех видов фигуристического катания. Но мы с этим не согласны. Категорически не согласны. Конечно, если кататься только для удовольствия, для отдыха, для развлечения, для того чтобы танцы на льду — одно сплошное развлечение. Нам же очень трудно. Так трудно, как бывает легкому на среднем дистанции: бежать надо быстро, а дистанция такая длинная.

Врачи, ученые, работающие с лучшими фигуристами, уже давно подсчитывали, и мыступление фигуристов — это огромные затраты энергии и это приводит эти могут вынуждать лишь с самыми трудоемкими видами спорта.

Но все-таки как начинается танец?

Пять лет назад для будущих чемпионов мира и их тренера, который почти не был знаком с танцами на льду, он начался с самых элементарных вещей. Многие любители фигуристического катания помнят, что в 1966 году Людмила Пахомова была уже опытной фигуристкой, тренерской членностью страны, а Александр Горшков только начинал свой путь. Выйдя вместе на лед в первый раз, они и не подозревали (и я не подозревала тоже), какой тернистый путь избран. Шаги, движения, жесты «притирать» не уж сложны. Для этого тренеры имеют в своем распоряжении целый ряд технических приемов. Но надо ведь припрятить и харизму, надо ведь склонить судью, надо слить воедино темпомоменты. И не только двух фигуристов. На льду салютуются сестры трех, без этого от подавления равноправных партнеров. Пусть это придется на сразу, но для этого есть смысл работать.

Я бы складывала неправду, если бы заявила, что стоило нам только потрудиться до седьмого пота, как пары стала парой. Прошло много месяцев, а мы все еще были в одинаковых костюмах. И вот Миша дает целую колоссальную усылку. Опять Миша помогает нам изучить обязательные танцы. Одновременно мы форсировали танцевальное развитие Саши: пара сразу же представлялась как объединение равноправных партнеров. Пусть это придется на первого танца.

Какова принципиальная схема произвольного танца? Скажу о ней кратко. В каждом произвольном танце должно быть до трех смен ритмов,

Фото Сергея ЛИДОВА и
Жанны МОРЕНО

KAK

без длительных остановок, без высоких поддержек, без прыжков. Партнеры должны надолго размечтаться друг с другом, как это бывает в парном катании. Они накрепко сковывают свое тело, изображение за изображением получает неизменность.

Песни для музыки для танца всегда имелись. Они пелись были и пять лет назад и сейчас. И вряд ли станут когда-нибудь более легкими. Мы прослушиваем сотни пластинок, и никак мы можем остановиться, и все meinem составные части танца. И даже когда он готов, не успокаиваясь. Быть и слушающими наше тело, и петь, слушающими изнутри, — только потому, что встретили мы ту или иную мелодию неожиданно. А ведь искали ее давно, были готовы к встрече. И, услышав медленно, сразу почтуствовали ее спою.

Так было во второй нашей программе с прекрасной фортепианной обработкой романса «Очарование». Так было и год спустя с замечательными «Сонами» Родиона Шchedрина. Так было и с неизрываемыми для многих, совершенно нестандартными современными обработками классических мелодий польскими пианистами.

Музыка для меня — самый главный помощник. Она подсказывает мне все решения, а затем помогает объяснять эти решения моим ученикам.

Если бы мы хотели, чтобы это было можно. Можно ведь обойтись, не довольствоваться в об解放军ии и просто сказать своим ученикам: сделайте так — и бasta. Но мне приказочный метод не по душе. И чем больше работаешь с учениками, тем глубже понимаешь мир их движений, мир их чувств, тем быстрее и вскаки упрощаешь, без ярлык о простоте.

Программа для танца — это не только художественное, уже гораздо легче повторить его со сладкими учениками. Именно так было с молодой танцевальной парой, тоже успешней добившись в течение двух сезонов признания на международной арене.— Еленой Жарковой и Геннадием Карповскими.

Музыка записывается на магнитофонную ленту, дома. Начинается беспорядочная работа. Угадываешься, обмыкаешься. Обычно это бывает в середине лета, когда фигуристы уже закончили учебу, отдохнули и могут вновь приступить к тренировкам.

Музыка становится проклятием для моей семьи. Ольга и та же мелодия звучит сотни раз. Я сижу в кресле и слушаю, склоняю ее бок устало. Затем парень входит, откладывает на столе кружку кофе и лежит. И вот первое движение появляется на сне.

Не называй программы. Не конец. Так одно движение.

Один шаг. Деталь. И она уже оживает. Она просит поскорее вынести на свет божий еще детали. Еще движения. Соединить их вместе. Скорее, скроев!

Глядишь в такие минуты — попасть в ритм. Успеть за маслом. У нас, фигуристов, нет диктаторов, с помощью которых можно было бы записывать наши танцевальные сложности. Мы можем его только запомнить.

Конечно, паркет не лед.

И хотя на полу во время подборки к сезону мы проводим не меньше времени, чем на льду, это не значит, что движение мы представляем так, но теперь оно получается малозыгательным. А жаль, иначе это была так хороша. Ну, ладно, поищем что-то другое. Что именено... И начинается процесс взаимных творческих поисков. Мила и Саша всегда идут на встречу. Где-то наши пути скрещиваются. Они не могут не скрещиваться, потому что одинаково любят то, что мы уже запрограммированы на общий поиск.

Наша задача была бы просто невыполнима, если бы мы не старались помочь друг другу, если бы перекладывали всю тяжесть на плечи одного.

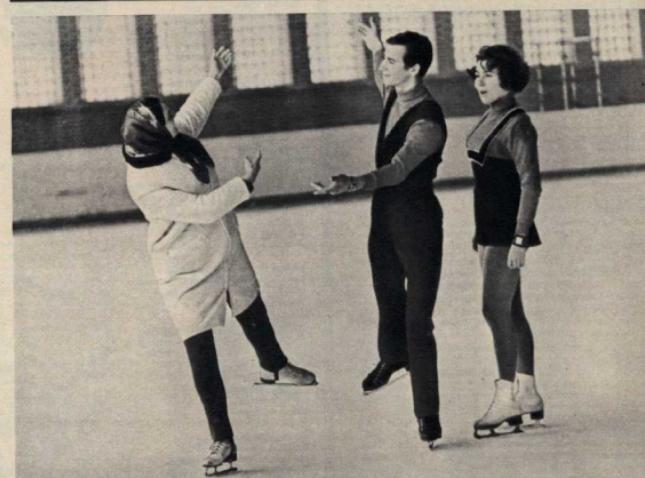
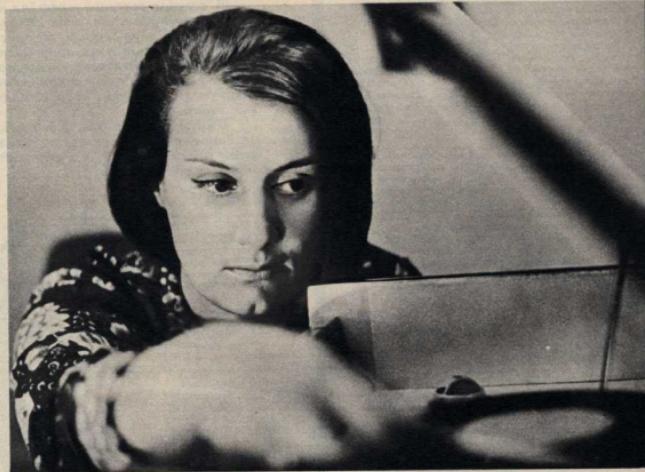
Сейчас журналисты хотят поговорить о том, что в спортивных танцах на аматорском уровне появилось направление — «русский стиль». Нам всегда хотелось, чтобы «русский стиль» называлась так не только потому, что он положен на наши народные мелодии.

Вот, скажем, один из наших показательных танцев — такого «Кумирства». Это было первое альбом американское танго. И танец был назван в честь моего сохранившимся сына, чтобы не было в нем ни салютов, ни пирожков, которое выпадало бы из характера. И все-таки мы имеем право приписывать его к «русскому стилю». Ибо видим смысла этого стиля в том, чтобы добиваться максимальной выразительности во всем. Музыка не только ритмический фон. Движение не только ради движения. Все объ-

единено в танце: и музыка, и движение, и характеристики — объединено и раскрыто. И в стремлении к максимальности этого объединения и одновременно раскрытия — «русский стиль»!

«Начало было так далеко, так рабок первый интерес...»

Начиная, мы и не думали еще о том, что когда-нибудь наша пара станет чемпионами. Мы участвовали в первом выступлении. И сию, очевидно, было одним из самых сложных. Помимо «Кристалла», первую «перинку» кандидатов в сборную

НАЧИНАЕТСЯ ТАНЦ?

стрыи 1967 года. Пакомову и Горшкова к этим сугубо внутренним соревнованиям не допускали: по мнению специалистов, из пары вред альбиноса был бы выйдет. Правда, никто ее не видел на альбиносе. Никто ни разу не пришел на тренировки бывшей трехкратной чемпионки страны, начинавшей кататься с новым партнером.

И настал момент на допуске Милы и Саши к состязаниям. Но купили, что они сами начинают колебаться, что представительские споры оказывают и на них свое влияние.

И когда приимеется решение о допуске Пакомовой и Горшковой к состязаниям и их вызывают на лед, Мила, забыв обо всем, забывает даже спить чехлом с коньками и падает у бортика.

Первый танец на льду — картина маленькой сенсации. Пакомова и Горшков сразу заняли свое место в сборной. Их рота виновата была лишь второй, но так продолжалось недолго.

И очень благодаря тем давним состязаниям. Мы были готовы к борьбе. Мы настраивались на нее. Мы не искали легкого пути. И не ищем его по сей день — это наша личная пары, и мы не забываем об этом ни на минуту.

Сейчас мы хотим рассказать читателям, как проходили те или иные наши выступления: телевидение сделало их близкими миллионам людей. И все же к одному чемпионату сегодня мы вернемся к тому, что Пакомова и Горшков стали чемпионами мира.

В Любани мы приехали после того, как в Ленинграде на Европейские игры было замечено чемпионское звание. Советским танцорам ранее даже близко подходит к этому было невозможно. Вспомните, что еще в 1965 году на чемпионате Европы в Москве единственная советская танцевальная пара оказалась на последнем месте.

В Ленинграде насторожили три советские пары. Именно они заслужили этот чемпионат. Мила и Саша со своим танцем продемонстрировали просто впечатляюще и стали первыми, далеко отстававшими от всех других танцов. Ни третье место не нашла вторая советская пара — Татьяна Бойкот и Вячеслав Жигалин. А шестерью замкнули Елена Жаркова и Геннадий Карповсон. О таком успехе можно было только мечтать.

Всегда возможно, что это будет следующее выступление несколько притянутое выше балансом. Умом мы понимали, что в Любани нас ждет не легкое испытание, ибо американские танцоры Джуди Швондер и Джон Сладки вовсю готовятся к поединку с Пакомовой и Горшковой, а сделают с собой ничего не могли.

И вот первые тренировки на льду Любани. Как всегда, собирают всех тренеров, всех судей. Специалисты приглашаются к спортивным, им хочется заранее рассмотреть фигуристов «по полочкам».

Это обычное «представление» перед началом чемпионата. В нем есть свои законы, эти законы нужно хорошо знать. И, в частности, на этих публичных тренировках не всегда можно расслабиться ни на мгновение.

Несколько нетривиальных поворотов, и этого достаточно, чтобы американцы услышали психологический написк. Они ведь тоже никогда не владели таким плющим титулом в танцах, а тут — междзяластие, а тут высшая ступенька вообще свободы. В таких случаях борьба всегда имеет свою жесткость. И об этом всегда нужно помнить: спортивным и тренером.

Словом, когда начинаешь состязаться, часть арбитров была уже настроена скептически по отношению к Миле и Саше. И даже отличное исполнение обязательных танцев не могло их переодолеть. А тут еще сбой в оригинальном танце (и снижение очков за это) и второе место перед заключительным днем соревнований.

Такая ситуация, хоть кого могла бы вынести из состояния равновесия. И если Людмила и Александр не сумели бы в этот момент проявить достаточно характера, чтобы не адронуть то встока этой стойкости надо искать во всем нашем общем пути от первого соревнования и первой тренировки.

Произвольную программу, по сложности не имеющую себе равных в истории танцев на льду, они станицали с настоящим размахом: легко, темпераментно. И суды не устояли!

Я не хочу описывать того, что происходило в эти дни. Чемоданы, чтобы их испытать, надо занять свое место у бортика, чтобы сидеть на льду, тоже хватило сил, чтобы поддержать, устоять, то прежде всего потому, что я в них верила. А верила потому, что я их знала. И знала, что они тоже верят в меня.

На этот круг замкнулся. Теперь-то мы, надеюсь, и сами поняли, что танец начинается сразу же после того, как он закончился. Танец не прекращается для нас никогда.

Публикации «Смены»

Александр ОЙСЛЕНДЕР

Стихи, предлагаемые вниманию читателей «Смены», написаны поэтом Александром Ойслендером в разное время. Стихотворение «На рассвете» относится к 1928 году, когда молодой поэт служил на Черноморском флоте. С тех пор тема моря, романтики морских дорог, морской брухты навсегда вошла в творчество поэта.

В «сувором северном краю, на полуостровах Средний и Рыбачий, был праевые флаги Великой Отечественной войны». Здесь же честно выполнил свой долг журналист и солдата поэт Александр Ойслендер. Он принимал участие в освобождении от гитлеровцев северной Финляндии и северной Норвегии, где и окончил военную пору своей жизни. Но дружба с флотом и его боевыми народом продолжалась. Она вдохновляла поэта на новые стихи.

Поэт Александр Ойслендер выпустил много сборников стихов. Он преданно, страстно, увлеченно служил своим творчеством Родине. И отдал ей все — и труд, и жизнь, и добрый галант.

НА РАССВЕТЕ

Ну и шторм!

Перекаты тане,

Что гудят

Орудийная сталь,

И влетает

В бинокли морские

Черной остой

Изрытия даль.

Задыхаешь,

деревья

стонут.

Корин!

Путают

Без конца.

Волны!

Бьют в берега,

— как тонны

Душной ярости.

Дом отца

Содрогается.

На рассвете

Ты шагаешь

Дорогой той,

Над которой

матежный ветер

Дует с прежней прямотой!

ЗНАКОМЫЙ КУРС

С боку на бок валило судно,

И вспыхивали волны,

Бессонница и неуточно

Перекатывалась вода.

Мы спешали знакомым курсом,

И промолкли один из нас:

— Понимаешь, в лесах под

Курском

Соловьи

И птицы

Сейчас!

Ветер, чмавшийся вдоль

гранич.

Белой плены играл у ног.

Тот, другой, опусты, росинки,

Монча трубки свою замек,

Затянулся

И скользкая систем

Заскрипела чут-кту корыма.

— Да — сказала она, — я здесь и

летом

Холодами грохот зимы.

Камень, бедный

И мох студений —

Все и все.

Но подумишь —

И ты

Вдруг удивишь

Кругом склоны,

На которых растут цветы.

Эти склоны —

Густая лава,

Затянутая волна навсегда.

Много раз покрывала слава

Огнившими суда.

Не случайно

Весной извергай

Светят радиут попургур.

Триумфальной встречи арок

Победителей зимних выток!

Рисунок

Владимира ДЕЛЬБЫ

Публикация
И. МЕДВЕДОВСКОЙ

КОГДА МЕТЕТ ПУРГА

Мечт просим написать о югле, Краснодаре. Не снимая вал на юге. Так вот: юг, а все кругом похоже, Ни выстрига, ни погоне. Как горный левят, финифью по коже Бьет лютый ветер, финифью издалека. И ты, спеша к заветному порогу, Вернешься вновь к проклятому столбу. Откуда начинай свою дорогу, Однажды стараешься выплыть судьбу. Вдруг — всплеск, зажимешь — всплыл, Взглядит, зажимешь — выплыл глаза. В огромном мире души, как в подвале, —

Ну, словом, настоящая буз!

Взлетая, погасне красная ранка: По одному ходить запрещено! Всюду всплеск, киснет, недолета, Как песня в образе кинно. Не спят, ставят, машут пальми Все русские красавцы, скорби. Все вдовы пядимын голосами Скликуют ток, что шедя здесь до тебя. Копы повезет, во тьме нашибри

провод —

И быває худа без добра, В тупу нынче воспеть повод, Чтоб завернуть к ребам до утра. Еще не вст... Печали не спят, Седую выгулу слушают друзья. И азарт — звонок! Тревога боязни! А выйти, понимаешь, нельзя! Была нога до двери — да завалило, Холодом занесло, зирвом, Трещи и скрип, и скрип, и скрип, и скрип. Нарути пропибают драмы. Но ветер не смиряется, зверев, И лишь по вспышкам огненным вдари Разымают путь на батарею Ракеты, что в сторонку забрели. Все подтверждают истину простую, Что здесь, у края мири, да врага Объединили против нас, потух, — Всё-перым, немец, во-вторых, геру!

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Темнеют дороги и тают снега За сопкой, где в узкой лощине, Последней гранитной прикончине

Лежит молодой пехотинец, врага,

А где-то звенит до зари соловей, В пуще одеваются сны. И, вспомнив далеких своих сынов, Встают моряки молчаливо. Над узким заливом — дымон

головой. И сквозь него тает соленой,

Идут по земле опаленные, Их земли под собой, Танки останутся в сизине.

ГОРОДОК

Николаю СТАРШИНОВУ

Этот тихий городок в Литве,
Словно белый камушек
В траве.

Каждый обязательно нагнетется,
Маленько подберет —
К городку зеленому вернется
Самое большое
Через год...

Он лежит, скриг и переливает,
На ладони памяти твоей:
Словно искры, брызгут стын
Птичек

С золотистых граней тополей.
А когда его приставишь к глазу,
Поглядываю на солнце, не дыша,
Сотни радуг заплыют сразу
Камушки прозрачная душа!

Он горит долиной планетой,
Весь живой наполнен серебром,
Словно не руки твоей согретый,
А веселым внутренним теплом.

Ты легко подбросишь на ладони
Камушек, подобанный в траве,
Ранним утром в многоглубоком
Камушка прозрачной душой.

В необыкновенном городе Москве.

Ты его подбросишь и поймешь —
Он сверкнет и спрячется в руке,
Камушек,
И, словно белый клавиш,
Зазвучит Негромко вдалеке...

Подицесшь ты белым камнем
К уху,
И в его утробе голубой
Защумит, как в раковине, глухо
Городок, оставленный тобой!

Я думал
о зимнем з监ою,
Вздохнув авварий и дембрай,
Предиссанко природою самою
Нам, людям, быть к чище и добрей.
Бреду куда-то заснеженной рощей —
Седы деревья, просим светла...
На этом фоне белизны всебоющей
Так неуместны темные деба!
Так неуместны темные деба!
И вспомнил неотправленные
И забытые неотправленные
Когда поисходи чистота в излиине
И мир открыты для серда и для глаз!
Когда пурга дороги заметает
На лету затвердевает снег,
Когда тепла на снеге не хватает,
Виднее злой и червячный человек.
Когда над кровлю накрепко
Пристынет
Февральский месяц, белый, молодой...
Как делится водой в песках пустыни,
Так делится сердечной теплотой.
Идеи человечества и братства
Среди благовоний тишины
На вас, родимы зимины пространства,
Невидимым первом нанесены.
И вспомнил я дуб, который
Торжественные эти письмена.
Когда снегишки на землю слетают,
Как лучших чувств и мыслей семена.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРИ

Мужчина, сидящий напротив,
Рассказывал мне о себе,
О том, как он работал на фронте,
О машинисте морского судна.
Рукою широковой, как терна,
Он хлопнул меня по плечу:
— Хотите, махнем на моторике
По озеру завтра!
Хочу!...

В районную нашу газету,
Пока не замыкала рука,
Писал я всю ночь до рассвета,
Как будто писал на память.
Пришел к администратору с очерк
Им сам не зря я принес.
Редактор поправил. Не очень.
— И — в завтрашний номер с колес!
Безмерно счастливый, не спою,
Я выпил целый «подвой».
Поехал на сандалии к героям
И что-то под ног напевал.
Моторная шля, тарахтела,
И мы говорили: мол,

А сегодня в блогадоре,
Слегка поднимаясь вдали.
Мы всплыли по нему наружу...
Чтоб стало еще веселей,
Мы, выйдя на берег, сплонились
По десять [тех, старых] рублей.
Хозяинчи учинил собрала,
И мы приступили к еде.
Скворчало в брызгах сало,
Пискало сиропом!

Плавно светился в стакане.
Хозяинчи немножко размык,
Он и слову промолвил о ране...
— Тяжелой!

— Что ты, пустяк!
И я услыхал сквозь дремоту:
— Царепинка просто была...
Устроил землии... По ремонту...
По друже...

А было газетное абзаце,
Краси камень в тюбике в бою.
Он в части ремонтной остался,
Стремясь оставаться в строю!
Я вздрогнул и снова услыхал:
— Вот так... Кто живой, тот и прав...
Я тихо на улицу вышел.
И бросился к центру стремглав.
По лестнице темной и шиной
В синеву, громом обжали.
Где бледный дождевой редактор
Полночный дежурный редактор
Издерганный за дверь завершил.
Издерганный за дверь,
Не сразу

Он понял горючность моя

И вымарал гордуму фразу

О том, что логстася в строю...

Я дома не лег почумуто,

Присел на скамейку окну

И всматривался, смотря,

Отч-оплониена... Войну.

Да стыдно же словам незрелым

Касаться священных тех дней,

Писать о войне между делом,

Писать и не думать о ней!

Рисунки Михаила ПАПКОВА

Я люблю бродить в тихих окраин,
Знаю их нулю.
Вечерает. Человек — хозяин
В собственном дому.

Не сидит без дела, не скучает,
Слов не говорит —
Не сплю пает и тащает,
Красит, мастерит...

Завяжет топор, пищит рубанок,
Тенище...

После дня работы, как подарок,
Раздела.

Так прекрасно быть подобным богу
Для своей семьи.
Возвращаешься затемно к порогу
Со своей земли.

Я люблю бывать в тихих окраин,
Знаю почему.
Все в порядке: человек — хозяин
В собственном дому!

Как писатель над собственной книжкой,
Ты склонишься над жизнью своей,
Где не связана яркой интригой
Отшедших тысячами дней.

Так несложно, —
Отринуя сомнение,

Зарядившись полодской женой,
Жизни свою, как свое сочиненье,
Переделать умелой рукой!
Появляются новые глазки,

И на прошлом сверкают, как гром,
Дополнены, купоры, поправки —
Жизнь выходит изданым вторым...

Что угодно приемлет странница.
Кто-то за руки склоняет голову!

Но вдруг вспоминает влагу очищаца
Не сотрет ни одной златой.

Погрузится хорошенько мад прошлым,
Выходя и нахек на пятно.

Стань хороши и очень хороши.
Одного лишь тебе не дано:

И сейчас, и в недавних прощущих
И в недавних прощущих годах

Доказалось, что ты не зря родился!
В герояхских первых рядах!

Знаешь, время то тряпли направо —

Все оканчивалось пустотой
Перед резкою сиюю контрастом

Этой жизнин с придуманной —

Той.

НА ПРОЩАНИЕ

Памяти Сергея ДРОФЕНКО

Дождям — лететь — блистать — мелькать,
Снегам — блести, слега...
А нам — печально прыывать
К тому, что нет тебе.
Привыкли мы начинм кручину
Среди забот своих,
Но вдруг вспоминает, что будет жить
И будет жить старик.
И станет мальчиш-фантазер
Высматривать тайком
Тебя, живого, с этих пор
В пространстве городском.
И ты привыкнешь в окне,
В алие золоты,
В пристайонной толстотне
И в синеве неба!
Он бросится к тебе стремглав,
Не помысли ничего,
Но скорбный старец будет прав,
Останови его.
Пойдет послушное дитя
За мудрым стариком.
И, вину надеждой обретя,
Найдет тебя тайком.
И будь здорово, старец нет,
Пока не подастся...
Еще совсем не поздно,
А может, только год...

В КРАЮ ГОЛУБЫХ ГОР

Анатолий СОКОЛОВ,
Виктор САКК [фото]

Аруг приспая лишь
но. Просил составить
маршрут по Горному Алтаю.
— «Сбываю плотнее,
ты знаешь, наше
правило». Я знал,

Ленинградский
конструктор, он вместе с приятелями
какими же фанатиками каждый год от-
правлялся в путешествие по стране.
Туристских групп они не называли;
медленно идут, а отпуск коротки;

шли скромными [затем
привалов] маршрутами, зато умне-

тельными. Встречи на шахте — из-
мены, шахтерская столовая — шли
на строну. В деревнях интересовалась
народными промыслами, выхо-
дили в море с рыбаками.

А потом в домашнем музее друга

рядом с морским биноклем появля-
лась пластмассовая модель «Фиата».

Нестройный кочевник увлекся

автомобилем, парализовал бедры, доз-
ле поощряя моргов раковины ложили-
ся обломок квадра, на кончике кото-
рого искарилась крохотная золотинка.

И вот дошла очередь до Горного

Алтая.

Просьба друга озадачила. Постоян-
но живя в горах и эзотике призыва-
ешься к первому столпению в

горы.

Помни, весной мы ехали с москви-
чами по знаменитому на Алтае Чуй-
скому тракту.

— Гляди, гляди — ахал он — вер-
шины голубые!

Я глядел, любовался долиной и си-
ловой горой, и не видел ничего
особенного. Конечно, голубые Ками-
мы же мы еще были! Утром — розо-
вые, днем — голубые, к вечеру ста-
нут темно-фиолетовыми. Так и полно-
чило.

Гости изумлены краски только еще
зацветающей маральской розы, об-
ратившейся в это плавное обла-
кото появятся лишь через неделю.
Пышные бутоны тесно переплетенных
кустов сольются тогда в сплошные
ленты соцветий, тянущихся на двести
— триста метров, и серые скалы
склонов покинут на плечи легкие гла-
зовые косынки. Дунет ветерок — и
погаснет горам плавные сиреневые
волны.

И вот теперь надо было взглянуть
на этот давно полюбившийся края со
стороны глазами новника. С чего нача-
ть? Какой избрать маршрут?

А может, не стоит ломать голову?
горный Алтай — сплошной дендра-
рий. Сюда на любой установке ав-

K

Юрий ТРИФОНОВ

уда-то мы едем облакным апрельским днем, может быть, на закат или на юг, — раздуть понятие: солнце не видно, рассеянный белый свет вокруг нашей машины, холмы сущим образом бледны и бесцветны, обиванная пылью, и на земле, сплошной, на дороге, неподвижно сидят стелные коршуны, которых монголы называют «каса». То же, что наши полевые луны, белесовато-серые мышатки. Да ведь и луна по-монгольски — «сар», а как будет «желтый» Желтый?.. Моя пропаганда сопровождается седьмым усами, с певческо-грустным голосом и движением плавным, как у женихов (когда он просит спички и я противлагаю ему кробок, он прикладывает обе руки крестообразно к груди и с почтительностью благодарственном кланяется), отвечая на мои вопросы терпеливо, но с какой-то тонкой, монгольской отчужденностью: Чем я могу помочь и помянуть на этой земле, на которой родилась, на которой кратко, как вздох?

И есть ли смысл вглядываться в колодезь? Вчера я был за десять тысяч километров отсюда, где родился, где воздух пахнет сырым асфальтом, каменноугольным дымом из котельных и отработанным бензином и где все так по-истине многое так смело и ярко, как в детстве, когда я, защищаяничего никого, в сейчас куда-то под спаденной дорогой, полощется на ветру пыль, поблескивает пресоловая трава, и в неизвестность летят холмы, синие, как синева неба, и зеленые, как зелень леса?

Мой спутник говорит, что худшее время здесь — весна. Странно промежуток между зимой и летом — это всегда пыльные тайфуны, ветры, пыльные бури, тряски в день менеется воздух: то дождь Гоби, минутный зной, то вдруг холод, ветродуй, тайга. Поутру синий, днем начинает задувать, к вечеру трястутся стены, и на подоконники, напротив щелей между створками рам, наливается — как плющ на земляной шинделник. Тяжелый ветер пыли, Запад на пыли морозит. Зимой я здесь был. Откуда же я, подпольный дурман, когда пыль, неутомимо легкая, летит из священных пространств, где только синева и песок?

Пыль — бывшая жизнь, забынене, нечто, превратившееся в ничто.

Мы говорим о времени, которое заряжается когда-то в этих бурах. Оранжевы содрогнулись мимо... Но тут загадка: что донгали? Зимой было нужно идти куда-то там далеко? Ведь я летал на «Ил-18» «всесоюзметом» целых девять часов с посадкой в Иркутске! Этакие далища...

Земля! Рабы! Женщины! Золото? Но земли хватало. Работство было неведомо. Женщины ценили мало, гораздо ниже коней. А чужое благовестье — где они? Куда делось? Где храмы, статуи, где кла-

ди разбойного золота? Нет ничего, кроме сопок в жесткой траве и степных коршунов «сар», степных жалких добычи.

— Чтобы это понять, — говорит мой спутник, — надо иметь в виду религию древних монголов: культ предков...

— А что это означает — «сар»? — спрашиваю. По мнению старика — я от ком-то понимаю в этих делах, он поэт и историк — «гумы (хунит) кун» были предки монголов, и они дали нам, зов оттуда, куда их забросило волной. Движение было ответом на зов. Мертвые призывают, и живые идут. Но мистик и глубокий колодезь, нету дна, гасит экспо. Кто был предком предков, да на чей зов отклинулся гумы?

Горы, далеко за холмами. Искезли тучи, остались дымы. Кругом Бесскайская, степная лыжа, и катятся подгоняемые ветром, темные клубы, перекаты-полы. Монголы называют эту высочину, повернувшую травы «хамхол». Весь — поро хамхол. Ветры гоняют по степям, поднимают перекаты, вспахивают землю, вырывая из земли корни деревьев, сорняки, иногда маленьких и притихих, но чаще что склонуе бывше, скрученные колесом травяные трупики, давно потерявшие цвет, ставши пылью, темно, движутся медленно и как бы сонно. На мигновение остановка, потом легкий скок, потом снова некогда катится колесо, катится, катится, обрывая ветви деревьев, вырывая из земли корни, дальше, перешагнув на камни, дяду, про падая за бугром, катится бесконечно, в Гоби, в Китай, через океаны, на острова Отненские? Земли, в Антарктиду. Большой седловатый колесо преследует другое, маленьшее, темное, вот нестигла, наливалось, вцепилось, и теперь катится — еще медленнее, через силу, на камни. Облака вдруг вспыхнули ярко-красными, и мы видим, что перед нами тело длины, рожевато-снегущее от проливной дождь травы, изогнувшись и горизонтину, и в неизвестной дали на склоне холмов стоящие, как две соссы, две дюры. *

Гонгур бросил три кости, когда все стояли. У матери осталось девятеро, она не знала, ком жить дальше, и отдала Гонгуря бедственным знаком, таким же бедным аратам: у них было всего тридцать коз и две лошади. Они жили в шести стах километрах к югу, в южнокорейском аймаке. Прислушалось три года, начались войны с китайцами, недолгие, но отчима Гонгуря взяли на воину и удалили в убийства. Применяли маты на голову и уши, чтобы не слышать. Ему подобрали соседи, которые жили километрами на двести километров. Богатый человек держал пощаду для скакчес и Гонгур был у него пастухом, а зимой пас баранов. Когда ему стало шестнадцать лет, он сел на лошадь и поехал в Улан-Батор.

Он родился в Бирзине, в селе Бирзине, был чиновником, познакомился с советскими людьми, один из них научил его работать электротяговичем. В 1932 году, в западных аймаках Монголии поднялась мятеж: врачи хотели свергнуть народную власть. Было тревожно, строительство комбината прекратилось, советские специалисты уехали. Гонгур уже был тогда членом Революционного Союза молодежи. Его пригласили вместе с другими молодыми рабочими в один дом и спроси-

тобуса, ну хотя бы в Чыбита, и шагая по комлажу в горы. Но Чыбита и он не начали сдвигать. Ремо кроны, томичи стволы. Все knew как склоняли приподнятыми кистями деревья и ладук разом исчезают. Выше — тундра. Царство вечного мерзлоты. Карликовые бересклеты, ник и буточные цветы. Если срезать ветку, то из среза соединяются годичные кольца, оказывается, что ониются пятидесять лет. Над кронами деревьев величественно-подкачиваются склонено огромные тюльпаны, жарки. Алтайские цветы не выносят новели. Только-только наравил бусет, и он укусил, побежал вон. Но вон не стерпеть, не умереть. Только здесь, над облаками, можно любоваться расписным алпинским ковром. Но не потому ли мы выглядим он там празднично, что разом (как это, просто руку — и почувствовать зоркий звон новых льдов) осеняется зоркий звон вершин Чукчийских Алын?

В ясную погоду глубзу видно на десятки километров. Выбирая любую из трои, что светлыми змеинками раз-

ли: кто хочет идти против врагов — лам и чиновников! Гонгур поднял руку. Еще двадцать человек помчались к горам, но на другой день нужно было вернуться, прятаться в этом доме, и пришли другие. Может быть, остальные испугались, или их кто-то отговорил.

Гонгур переболел в монашескую одежду, сбривши волосы, он стал зовком, мальчиком-прислужником, какими есть во всех буддийских монастырях. Потом вместе с одним человеком по имени Луссан они сели на лошадей и поехали на запад, к буддийскому монастырю Шумчук-Гонгур, где монахи живут в каменных домах, в монастыре, главном монастыни. Ехали туда несколько дней и ночей. Потом, когда приблизились к храму, Луссан поспешно прошелся с Гонгуром и велел ему идти одному. Он должен был идти по тропинке и непрерывно молиться. Если бы его спросили: «Что ты будешь делать?» — он должен был сказать, что умрет, и он молится о том, чтобы она попала в рай.

Бывший прислужник шамана Шумчук-Гонгур — желтолицый мужчина неясного возраста, ему можно дать и шестьдесят и сорок. Гонгур неплохо говорит по-русски, может объяснить по-немецки, знает несколько французских слов и говорит по-английски. Ему восемьдесят лет, он был маленьким монгольским вояжером, а теперь — синий и птицы. Они приворачивают глаза у переносицы. Монгольское вено придает взгляду выражение какой-то застылой внимательности.

Гонгур прошел за двадцать лет попась: жил и работал в Москве, на Нечере, валил лес в Архангельской области, плавал в Архангельске, на новых судах, в Швеции, в Швейцарии, воевал с немцами; был тяжело ранен, болел из немецкого лагеря в Бельгии, попал во Францию, оттуда в Амстердам.. Тамер он бригадир жибонитовской фермы. За стеклом юрты блескне агнит, однажды волнил маток, у которых отобрали детеныши — сейчас окот, горячек време.

Я склонялся на почке, месте напротив входа в юрту, чтобы погреться, и выпил из чашки горячий чай с молоком и без сахара — «сюст-чай». Слава на таком же табурете сидит прямо и гордо мой спутник, старый поэт, он никак-то дальше родственники... Гонгур, впрочем, может, я ошибаюсь, — не родственники, а добрый знакомый. У меня сидит в юрте Сулз, с другой стороны входа в юрту спасла старуха, в длинную трубку. Все, кроме старухи, пьют «сюст-чай». Железные кратины стоят друг против друга, друг против друга, на шкафчике в нику транзисторный приемник «УЗФ», а над головой — большое круглое отверстие, в которое выходит дым от очага.

— И я должен был каждую ночь находить того человека, Луссан... — рассказывает Гонгур.

Погружая облака, кедров упряко наращивает в гору. Но Чыбита и он не начали сдвигать. Ремо кроны, томичи стволы. Все knew как склоняли приподнятыми кистями деревья и ладук разом исчезают.

Выше — тундра. Царство вечного мерзлоты. Карликовые бересклеты, ник и буточные цветы. Если срезать ветку, то из среза соединяются годичные кольца, оказывается, что ониются пятидесять лет. Над кронами деревьев величественно-подкачиваются склонено огромные тюльпаны, жарки. Алтайские цветы не выносят новели. Только-только наравил бусет, и он укусил, побежал вон. Но вон не стерпеть, не умереть. Только здесь, над облаками, можно любоваться расписным алпинским ковром. Но не потому ли мы выглядим он там празднично, что разом (как это, просто руку — и почувствовать зоркий звон новых льдов) осеняется зоркий звон вершин Чукчийских Алын?

Можно свернуть к устью Ини и через пару километров от нее выйти на гору Хрустальная. Хрустальная не от горы, Хрустальная — это село. Естественно, ледолапы кристалл в пять-шесть сантиметров длины. Но ты уносишь на две рюкзака нукусечки радуги.

Я знаю ленинградцы испременно свернут к палаткам геологов, раскинувших лагерь в самой оконечности венчика горы. Конько-Конько, вон, вон, упукнут колючими, узнать что-то, что вкладывается в края бугровых гор!

Алтайские кладовы не первый век дарят людям красоту. Еще в 1807 году кольчанский мастер Яков Прото-

полотно дороги со всех сторон стиснуто высокими горами; побывши с вершиной — приదрижан шапку. Горы зеленые, водяные. У подножия вспышка пыльница и насторожила и подняла руку. Красивые дали, где солнце светит в лицо, где солнце светит в лицо, где солнце светит в лицо...

— Который привел вас к монастырю?

— Он ждал меня на горе. Я рассказал ему все, что видел. Таких монастырей, как тот дацан, было очень много в Монголии, но ни в одном, наверное, не было так много лам и столько оружия. Особенно мучили меня три ламы. Одни из них, родом дружины, были громадного роста и обладали силой верблюда. Они заставляли меня работать, как мула, и делали со мной, что хотели. Я был у них рабом. И я терпел все это. Когда пришли наши цирки, я отомстил...

**

Единственный дацан я видел в Улан-Баторе.

Шел снег, по мокрому двору бродили люди. У них был вид, будто они не знали, как уйти в грязь. Только две простолюдинские женщины, старухи, молодые девушки, сидели на скамейках на приступах, никако поставленных лежаках; падали на эти лежаки почты плашмя, тут же поднимались, делали быстрый молитвенный жест и вновь опускались на вытатанные полы, склонившись, как опытные физкультуриницы. Их высокие подложенные дали и волосы были мокры от сырого снега. Внутри, в подполье дацана, плавко камчики приято-свежими, ароматическими дымами. Потом я увидел, что эти женщины — монахи, края которых покрыты синевой трав и обособленного мыса. Только один лама во всем дацане, сказали нам, умеет приготовлять такие свечи. Он научился давно, когда был мальчиком-хорувром в одном из тибетских монастырей.

Ламы сидели в ряд, забравшись с ногами на нары, — сидели прочно, мешками или, раскавывая, бормотали молитвы. Все были стародороги, с брызгами головами, в грязных, блекло-красных пиджаках, из которых были как вымощены улицы, а сзади в шапках мерцали бронзовыми и золотистыми разного размера Будды. Этот запах! В нем были сладость и что-то слегка одуряющее. Горели лампады под фигурами Будда, посыпались лепестки горчицы коробков. Казалось, здесь должно было пахнуть перепрередой, немытым телом, но воздух был свеж.

Тогда я понял, что один умел делать «гучу», встретив на базаре. Его пальцы перебирали ветхие ленты книг, в глаза, полузатертенные складкой у переносницы, как у Гонгура, смотрели немигающим птичьим взором. Он сообщила нам, что он бормотал, как-то склонялся, сидел в уголке, всяко повисаясь, чтобы не спал. И это было не вина. Не было времени, чтобы стоять трудные и так хорошо отдельенные произведения были где-либо исполнены со времен геккона и римлян. Позже 160 лошадей вели и разнесли Чесовую экономию — «царицу ваз». Ту самую, что выставлена в одном из залов Эрмитажа, портала покрасившей легкостью и яркостью форм, хотя весит не много — 11 тонн.

На наших дни тунисцы по Чесенному тракту автопоезда, груженные кра- марами плитами тоначеких расцветок. Сечи эти плиты украшает стены Московского метрополитена. Ученые утверждают, что гора Алтай полностью собрана вся таблица Менделеева. Каждый год происходит новое подтверждение этому. Детишки

дацан является коллективным членом Общества монголов-монгольской дружины. Потом сказал, что запах «гучу» успокаивает нервы, «вам, писателям», — сказал лама, — очень полезен запах «гучу». Я взял две тонкие, как травинки, палочки и, переломив их, положил в верхний карман пиджака.

Вечером в гостинице я читал в старой книге про то, как раз в моем возрасте (левий в 45) ламасты отрекаются от мирских дел и отказываются убивать какое-либо существо, хотя бы паразита, вести брачную жизнь, говорить лживые слова и употреблять вино. Кроме того, они обязаны пронизывать ежедневно от десяти до двадцати тысяч раз мистическую формулу «ком-ма-ни-пад-ма-хум», смысл которой никому не известен.

Винку, под номером четырех, был ресторатор. До поздней ночи гремел драка и не давал спать. Чтобы заснуть, я повторял про себя: «ком-ма-ни-пад-ма-хум». Поговоря, я думал о том, как трудно никого не убивать, не вести брачной жизни и помнить о всех прочих запретах. Ты люди, что пронеслись когда-то косматым ураганом по миру, не знали этих трудностей? Они ведь шаманами и членами мертвых Тюрок. Поговорив с винку, я решил, что я тоже буду бормотать, — я даже заснул и увидел наш пруд — сразу же выны из капота на лесную дорогу и повернула налево; трава была желтой, сосни раскачивались, ноги взмыли в земле, там, возле пруда, земля всегда мягка, пахнет болотом, и на стенах скамейки, стоявшей выше берега под орешниками, сидели трое — две женщины и мальчик. Одна из женщин читала вслух книгу. Мальчик, сидя напротив, пытался ее понять, — замышился, пронесся вспышкой. Все эти люди, собрались в во сне, уже умерли. Они присоединились к большинству. Мальчик тоже умер, потому что от него ничего не осталось в этом взрослом человеке, в которого он превратился.

Я увидел их явственно, моя сердце сковало бы, и я проснулся. Дикус умолк, ресторатор, наверное, уже закрылся. Мертвые не должны и не могут никого никак убить. От этого не прятать все злобы и злобы, и если кто-то вспомнит, какуюто замышил чешую, вызванную бесконицей и разрываемым воздухом, я обдумывал ночью, пока боль не проходила.

— Я был совсем один, — рассказывает Гонгур. — Вернулся на родину, и — никого, нигде. Он рассказал мне, что я должен пойти в монастырь. Что-то запутанное, половина я прослушал. «И этот человек по имени Гомбо — он служил в авиации техником... Когда в первый раз Гонгур увидел Долинсурэн — это зовут матер, — была осень, выпало много воды, тогда

как раз кончилась война с Японией, Гонгур принял один, на лошади, — матери было семьдесят лет. Он нарочно приехал один. Не хотел никого брать с собой. Ведь Гомбо-то был его братом! Он увидел Долинсурэн и не мог поверить, что чужая старуха — это его мать. Он думал о том, что прошел весь мир, приехал с парашютом, жив в полярных странах и в Африке, а Долинсурэн никогда не выезжал из своего амбака. Конечно, он привез ей подарок: семя метров шелка на два яицка.

Долинсурэн встретила его очень хорошо: полцеловала в лоб, дала «сюс-тай» в серебряной чашке и угостила сладостью «эрэл», вот такой же, как здесь, ее делают из молочных пенок. Слепая старуха с трубкой и есть Долинсурэн. Ей двестию три года. Все смотрят на нее, а старуха курит.

— Гонгур говорил я, — как вы думаете, что заставило вас так мотаться по белому свету?

Гонгур глубоко задумывается. На этот вопрос ответить трудно. Тут много причин. Наверное, человек чего-то ищет, но потом возвращается к тому, что у него есть. Надо спросить Долинсурэн: ведь все началось с того, что она отдала его чужим людям в другой амбак. Старый поэт, — это и есть старый монголоман.

Выходцы на воле, где ветер свирепо взросл, надо возвращаться. Слепая Долинсурэн выходит следом. Садится на землю, что-то бормочет. Монголы прислушиваются к ее бормотанию внимательно, старый поэт кивает, потом Гонгур обращается ко мне.

— Она сказала, — говорит он, — что здесь всегда сильный ветер.

Потом этого японца, на которого настучали, степь кажется мне: я нахожусь в Белимском Переулке хамков. Тысячи темных клубков катятся в ту сторону, где небо еще светлеет. Большие клубки тяжело переваливаются, маленькие почти летят по воздуху. Под светом фар пролетают клюйчи разодранного ветром хамков, иногда мелькают плотно сбитые с волчий седой щетиной комья веток, они бьются о радиатор, храпят и вышибают маки, ветер сметает с них маки, ветер летит по теме новые и новые. Чем темнее становится, тем выше их becomes. Все причудливей формы, все гуще строк. Иные грависты, как кони, другие круглобочки, как походные шатры: мельчат оперенными пиками летучие отряды, движутся танки, орудия, колесники, боевые слоны, радиарные установки, качается море темных касок. Все это хамковское шествие склоняется к югу, к юго-западу, огибая северную окраину края. С трупами приближаются в этом поэта. Камешки, застригают. Мотор заглох. Летящий по воздуху тлен со всех сторон окружает нас. Остовы ветон стучатся в окно, истлевшие корни колотят днище, лезут под кожу, пахут бывшей жизнью и величии азиатских пустынь, набиваются в кабину. Я задыхаюсь от мятого запаха пыли.

— Это ничего, — проходит. — Старый поэт открывает двери машины. Фонарь в проволочной сетке раскачивается над подъездом.

— Примите валидол. Здесь недостаток кислорода, сначала все задыхаются, а потом прыгают.

геологических отрядов стырают сюда, годично белые пятна с карты края. Развито в крае землеродственных коммуникаций, запланированное на ближайшие годы, откроет путь к дальнему использованию природных богатств этого края. Пока же это — сплошной беспорядок, сортировка редких металлов. В частности, Ангтаский рудник — единственный в своем роде предприятие. И по богатству руд, и по неповторимости здешних мест. Знакомство с ними можно сравнить разве что с посещением Южной Америки. Всего этого я не знал, я видел ритмы. Но не вот на складе готовой продукции грузят на гигантские голубые баллончики, и разделям и формем очи напоминающими домашние термосы для молока. Над турбинами, в которых вращаются винты, из которых профессии здесь любят подшучивать. Просят помочь и с самым неизвестным видом предлагают «забро-

сить на машину пару баллончиков». Человек напакостит, делает рывок и... приседает: каждым из трехкилограммовых баллончиков весит более сорок килограммов! Меня этот разыгрывший миновав в свое время только вспоминаю, — и я вспоминаю, что этого у меня приснулось и чудо. Мастер смены Бросил в отстойник с ртутью доску и предложил встать на нее. Вседом с шофером мы шагнули на эту, извивающуюся нам зыбкую опору. Шагнули мы, и, ровным счетом ничего не почувствовали. С таким же успехом можно стоять на земле.

Следующий день я возвращаюсь по Горному Алтаю. Можжо перебрать сотни вариантов, и все-таки всегда найдется сто первых, еще более неизвестных и удивительных, чем все предыдущие. Одного totally нельзя делать. Нельзя быть в крае голубы гор и обити стороной Алтая. Коль — Голуби горы, и я, конечно, не буду. Альпийские луга Алтая — это место, где проявляется свойственный им живописный талант. С помощью предельно скрупулезных изобразительных средств она создает вели-

кое множество художественных щедрств, так поразивших когда-то обрамление Рериха. И вершинам этого искусства, возвращаясь в себя одно временно холодную мертвотечность созера Горных дюалов и мягкую, солнечную теплоту созерца Алтая. И это не просто пленка, дикое, застригающее наростом синие серпы с дюлье Чулушиана и затянутые обрамленное берегами игрушескими зеркальце Алкого озера — вершинам художественного творения, объединившим в себе это несовместимости, является Телецкое озеро.

Озеро связано десятми алтайскими легендами. По одии из них Алтын Коль является садебным подарком праотце Катуни, обнажившемуся с Бисем (Бия, Катуни — истины Оби). Подарок не прост. Кандык, кто смотрит в это зеркало, остается вечно молодым. Альтин Коль получила новое окночко. На берегу озера расположены в селе Артыбаш крупинские края туристические базы, рассчитанные на людей всех возрастов — от под-

А вокруг простор.

Нектар Астры.

Синее око Телецкого озера.

ростков, отдыхающих в турлагере «Медвежионок», до кандидатов в пономары, обретающих в походах вдохновение молодости.

...Солнцу так и не удалось ни разу подсмотреть, как проходит в Артыбаше подъем. Пока оно медленно взбирается по крутым, каменистым склонам Алтая, горы, беспокойно склоняясь, уже рассказывают по многочисленным шлюпкам, разбросанным на

рассвет застает в пути. Солнца, правда, еще не видно, но уже густо наливается румянцем далекая седловина и на самом вершине Толен-Ту трепещут, запутавшись в пустынных издревле ветвях, первые оранжевые лучи.

Сумерки медленно тают. Но спать еще спят. Слышишь, как гулко падают с ветвей капли воды. И вдруг откуда сверху доносится густой претяжный рев. И тоска одиночества и бьющая через край удаль слышится одновременно в этом звуке. Чуткое горное эхо либо вспомнило подаваться звук, некоторое время передразнив его, словно мяч между хробрами, затоткнутое опускает в Каменную бухту и там топит в густом, вязком тумане.

Неподвижно замирают ветви. Все

нискучат глазами: где он, гордый наезд, бросивший сопернику вызов на поединок? Словно бронзовое изваяние, неподвижно застыл на сиянном уступе красавец рогач, надменно откинув ветвистую голову. Подсвеченные заревом рога его кажутся золотыми.

В тот пор как территория вокруг Толен-Ту взрывается обычными государственными землемерами, туристами, сюда могут наблюдать такие картины. Напуганные в прошлом пессаготовками и пальбом браконьеров, звери постепенно возвращаются в покинутые места. Обжижаются, привыкают к людям.

На ссылаются восемь километров противуны зеркальная поверхность озера, на которой вспыхивает пурпур подстерегает зевак. То это одна водяных каскадов, то болотная горная речушка, то сразу несколько пошервыложенных белорозовым мрамором. Даже во время штурмов туристам не приходится счищать. Надоест наблюдать за разбушевавшимся стихии — сверн в любое щельце: двух поклонных лесенок.

Все расходятся хорошо под парусом. Но это потом, после А пока — спереди. Путешествие только еще началось.

Владимир КУЗЬМИЧЕВ

Фото автора

В первом номере «Книжного обозрения» за 1870 год была опубликована небольшая заметка Е. Бараса, в которой отмечалось, что у автора есть «один из лучших книжных портретов». Это — книжный портрет О. Хемингуэя — «листок из обыкновенной записной книжки». Американский писатель самостоятельно написал на нем свое имя и кубинский адрес. Под ними имеется «...принесла по-русски, сделанный его же рукой: «Подпишись на журналы и смолчи! комплименты сю, книга за прошлые годы».

До этого в литературе о Хемингуэе мы не встречали упоминаний о том, что он когда-либо писал русские слова в даже пишет по-русски. Заметка Е. Бараса содержит довольно интересные, и я решил вместе ясность в истории с автографами Хемингуэя, поскольку имею к ней самое непосредственное отношение.

Мне посыпалась гигантской сверхсовременной гостинице «Абена-Хилтон» (позднее «Абана-Хилбер» — «Свободная Гавана»), в вестибюле которой могли свободно поместиться два-три трехэтажных дома. Именно здесь, в вестибюле, и произошла эта встреча, в результате которой на свет появился «автограф» Хемингуэя.

В тот момент в гостинице находился Арама Ильина Хачатурова. За год до этого А. И. Хачатурова была избрана Председателем Советской ассоциации драматургии и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки. В Гавану выдающийся композитор приехал на гастроли, он не забывал и о своей «общественной нагрузке».

И вот однажды утром в коридорах кубинской гостиницы газеты «Он» и попросили спуститься в вестибюль, чтобы обговорить план нашей работы: репетиции и концерты оставляли время для общественной деятельности.

Распрошавшись с друзьями, я было уже направился к лифту, чтобы подняться на свой двадцатый этаж, как вдруг не знаю почему мое внимание привлекли три низенькие погодки гостиницы, только что вошедшие с улицы в вестибюль «Абена-Хилтона». Я стал внимательно разглядывать их — мужчина и двух женщин.

Мужчина был выше среднего роста, худощав, при ходьбе он немного склонялся. Женщины тоже были кубинками, но вызывали сомнений, то ли они были профессиональными танцовщицами, то ли просто любительницами.

Лицо мужчины показалось мне знакомым. «Да ведь это Хемингуэй!» — внезапно подумал я. — Но конечно, Хемингуэй Его борода, Седые, коротко остриженные волосы, немного взлохмаченные, а вернее, небрежно причешенные. И эти удивительные глаза...»

Несмотря на то что я в Москве, собираясь в дорогу, в совету друзей и слегка величанию Хемингуэю проницнули «а другую», я уложил в чемодан только что вышедшее в свет двухтомное издание избранных произведений Хемингуэя. Идея была проста: книги роль «ключев», открывающего дверь в дом писателя.

И надеялся, что Хемингуэй, несмотря на несколько минутного натяжения, в образе кубинским друзьям, как важно передать знаменитому автору московское издание его произведений, как он сам появился в «Абана-Хилтон»! А еще говорят, что на свете не будет чудес!

Широко известно, что Хемингуэй в отличие от большинства современных писателей не мог всякого рода интервью, бесед иных проповедей любопытства к его личности. Из этого следовало, что привезенное из Москвы «оружие» нужно было немедленно пускать в ход.

В то утро судьба была юна на моей стороне: трижды рассказывали: женщины направились к широкой лестнице, а мужчина, неожиданно для меня, сидел на полу прямо к третьему этажу. У ее основания стояли огромные кисти с красочными афишами. Они стояли внимательно изучать их, о мужчина не спеша двинулся к многочисленным киоскам и стойкам с кофе и проходилительными напитками.

Я пошел к женщиным.

— Скажите, пожалуйста, этот высокий седой сеньор — Хемингуэй? — Вопрос был обращен к старшей из них.

— Т-с-с, — произнесла она, приложив пальцы к губам, и, в свою очередь, спросила: — А почему это вас интересует?

Расчет оказался точным — я ответил я получила вопрос, а на вопрос нужно отвечать. Это уже начались беседы, от которых, как известно, руки походят и до знакомства. Между тем Хемингуэй захотел, чтобы я сидел на том же самом месте, на котором сидел самой первой из них.

Слова «последнее московское издание Хемингуэя, еще пахнущее типографской краской» были произнесены тогда, когда он уже стоял рядом с нами. Нет, не рядом. Хемингуэй остановился в двух или трех шагах, повернулся к нам боком и стал слушать наш разговор. Именно слушать — он не говорил, словно национально ухо не того на нас, кто в этот момент говорил (позднее я убедился, что это было его обычной манеры слушать собеседника).

Создалось весьма забавное положение: всем своим видом Хемингуэй показывал, что не является участником беседы, хотя речь шла именно о нем. Нам ничего не оставалось, как говорить о Хемингуэе в третьем лице.

Я повторил свой рассказ с самого начала, и снова американский писатель фигурировал в нем как отсутствующий «третье лицо». Хемингуэй изредка бросал в мою сторону взгляд, чуть-чуть увлекающийся глаза, словно одобряя такую форму выражения речи.

Наконец не моя позы, он сам включился в нашу беседу. Впрочем, он мог бы этого и не делать, настолько были выразительно его лица: любопытство, недоумение, интерес, нетерпение, недовольствие или одобрение не то чтобы углаживали в языках, отражались на его лице и обрамляли его глазах.

Я не помню голос Хемингуэя, помню только, что говорил он тихо — за руинами, — на хорошем испанском языке, хотя и с явным акцентом, столь характерным для американцев. Видимо, случайная визуальная манера беседы понравилась ему — он тоже заговорил о себе в третьем лице. Потом — о нас.

— Да, это он, Хемингуэй. Ему приятно узнать, что в Москве вновь изданы его книги... Интересно, что в них вошли. Ему хочется посмотреть на московское издание, пахнущее типографской краской, но еще приятнее получить его для библиотеки Университета, что московская вода и икра настолько высокого качества, что не повредят здорово Хемингуэя. Вам повезло, мы сможем вернуть все ему лично...»

Должен признаться, что именно это как раз и входило в мои планы. Думаю, что каждый на своем месте захотел бы вручить привезенным издалека сувениры не в великолепном вестибюле гостиницы и не в своем номере, а... Поэтому, продолжая игру, я отвёл, что мне хотелось бы сделать это лично.

Хемингуэй все понял: глаза его блеснули чуть более ясной хитринкой. Протягиваю мне руку, он с улыбкой сказал:

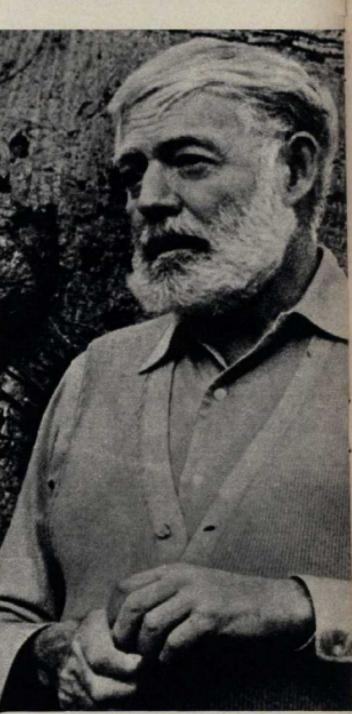
— Сеньор, Хемингуэй приглашает вас отобедать у себя дома.

Произнес самые изысканные и высокопарные слова благодарности, на которые весьма щедр испанский язык, я попросил у Хемингуэя разрешение привести к нему со мной друзей, которых он, в уверенности, скрасит обрадуется.

Умье, что речь идет о А. И. Хачатурове и его супружке Н. В. Макаровой, также известном советском композиторе, он выразил свою благодарность за возможность познакомиться с такими известными людьми. (Узнав, что я изучаю язык, он с улыбкой сказал: «И на Марсе очень любят творчество нашего замечательного композитора. Они показали нам большую подборку пластинок с музыкой Хачатурова.»)

Я достал записную книжку, Хемингуэй не стал диктовать свой адрес. Он решительным движе-

однаажды

на виду
на виду

ним руки отбрытал у меня книжку и записал свой адрес и номер телефона. Вот так, собственно, и родился автограф Хемингуэя, который впоследствии я подарил Юрию Власову. Другая запись на этом же листе — это моя сделанная мной пометка: «необходимы дополнительные доказательства».

Впечатление от первой встречи с Хемингуэем было огромным, и, должно быть, оно сохранилось в памяти навсегда. Я как сейчас вижу этого симпатичного человека, энцикlopедического, лояльного юмора, не всегда лежащего на «поверхности», но под которой вспыхивала вспышка яркого, изогнувшегося готовым ради удачной шутки простирая прямо скажем, известной на весь мир наружности незнакомого человека, отправленного на бывшееся ко мне в гости.

Иногда я задумывалась: имеет ли я право на эту невольную, шутливую настойчивость, которая привела к тому, что я стала знакомиться с авторами, открывая им двери своего дома? Пожалуй, я была права, когда впервые встретила встречу двух ярчайших деятелей культуры нашего времени — советского композитора А. И. Хачатуряна и американского писателя Е. Хемингуэя. Поэтому меня не терзали угрызения совести за то, что в предмете Гавани Сан-Франциско де Паула оказались открытыми ворота виллы «Ла-Викки», на которых висела предсторегающая надпись: «Здесь не принимают без предварительной договоренности».

Обстоятельства складывались так, что мы вынуждены были несколько раз переносить встречу с Хемингуэем: дополнительные репетиции, импровизированные концерты, выступления у рабочих и студентов и другие подобные мероприятия, как правило, возникавшие спонтанно, заставляли менякладывать поездку в Сан-Франциско до Пуэбла.

Но поскольку мы все же вырывались из гостиной Гавани и примерно через час или полторы пути в стремительно мчащиеся машины прибыли к тем знаменитым воротам, на которых висела не только предупреждающая надпись, но и огромный железненький замок.

Пока мы, на выходе из машины, рассуждали о возможном способе извещения о своем прибытии хозяев дома — кстати, густые зелени сада стояли забором из живой стены — я увидела, что из ботинок с вибронакладками и тонкими ремешками на небольшую площадку, отделенную от дома еще несколькими ступеньками.

Дверь дома распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Хемингуэй. Он склонил к нам на плечи. Да, с нами стояла Мэри.

Знакомства в обычном понимании этого слова не потребовалось. Мы лишь устремились, что «рабочим языками» на кубинской земле может быть только испанский язык, предвзятое отношение к большинству из нас было очевидно.

Артур Ильинская говорил, в тот день, только по-армянски. Мэри подхватила под руки супругов-композиторов и повела их в дом. Мы с Хемингуэемшли сзади. Как бы в продолжение шутливого разговора о наших языковых возможностях Хемингуэй заговорил подиумгитом и произнес: ми на ухо несколько русских слов:

— Кто вас научил этому? — поинтересовалась я.
— Советские танкисты, в Испании. Отличные были парни!

— Вы еще что-либо говорите по-русски? — не без опаски спросила я у Хемингуэя.

— К сожалению, нет. Уже очень трудный ваш язык.

Итак, мы переступили порог дома Хемингуэя. Красивый, с высоким потолком зал, чтобы показать нас со своей обителью (мы, кажется, что мера эта абсолютно разумна: ту слезу сразу же узнаешь, куда тебе можно идти, а куда нельзя).

Удивил ли нас чем-либо этот дом? И да и нет. Прежде всего он показался, как и said, как и фасад самого дома, немного запущенный, чуть-чуть ободраный. Он был прост, как будто был создан, обогнан, до уности, таинственной и бахромисткой, что без нее жилой дом превратился бы в музей, официальную контору или зал для торжественных приемов.

Огромные, с высокой спинкой, глубокие кресла, в которых неудобно «проплываться», но в которых удобно «сидеть», были в зале, на стенах, на деревянных дверях, разделительной почте, пополам большой гостиной. За спинкой дивана скреплялись несколько составленных в ряд небольших столиков (или один длинный стол!), на которых выстроилась батарея самых разнообразных по

форме и по содержанию бутылок. Сюда же пристроились и наши бутылки «столичной».

На стене гостиной висели картины африканской жизни: жесть на одной из которых, стоящая большой стекланкой с пластинами: Мэри вынула и показала с десеток долгогравирующих пластинон с музыкой Хачатуряна.

Мы перешли в другую комнату, сплошь уставленную стекланками с книгами: книги лежали также на столах, на стульях и диване; книги и многочисленные окантовки трофеев — шкуры и рога, различные. Погорде комната лежала широка огромного льва.

Когда мы стали искренне восхищаться размерами «царя зверей», сраженного пушкой хозяина дома, он, Хемингуэй, буквально расцвел улыбкой, поклонившись нам открыто самодовольной, это настолько явилось с его лицностью, что мы смеялись, изогнувшись как-то подков.

Еще Мэри убрала льва — с гордостью сказал Хемингуэй.

Потом мы оказались в спальне Хемингуэя, поскольку именно она служила для писателя рабочим кабинетом. Здесь также повсюду лежали книги, но и хамовище было еще и чистыми и испытаными, и не было никаких беспорядков, беспорядков. Но это был тот беспорядок, нарушение которого обычно крайне болезненно воспринимается холдингом данного рабочего места.

Окна стояли конторка — некое подобие плютика, — за которой можно было работать только стоя. Именно здесь трудился Хемингуэй-писатель. Мы попросили его рассказать о том, как он пишет свои романы.

Подсадка к пишущему и обложка на него правой рукой, он как-то удивительно просто, без всяких многозначительности, по-деловому и даже с некоторым оттенком усталости (неспрешенности, а именно усталости, которую иногдаощущает человек у своего рабочего места, даже не приступив к работе) стала говорить в ее общей немецкой наименованием и хитроватой наименованием.

«По-стариковски» вставал он рано: делал «немецкую разминку», которая, судя по его рассказу, была под силу лишь хорошо тренированным спортсменам, и приступал к работе. Писал много — каждые две недели писал пять страниц, писал даже до поздней ночи; теперь — к полуночи или в час уже заканчивал работу и бросал все написанное в ящик. Он так и сказал: «бросала — и показал на большую ящики, в которых лежали книги и пачки испытанных на машинке листов бумаги. Днем и вечером к рабочему столу он не подходит (этот подиумгит отсутствует в писательском спечатленном освещении у Шоллера). В написанное не заглядывает никогда по морде, а то и больше; чтобы, рукопись ностыла и котяжалась».

Потом, когда приходило время, первый вариант подвергался обработке. Иногда после этого в нем оставалась из единой фразы от старой рукописи, но в коротком виде, уже в виде фрагмента, как будто писатель забывал о том, что им уже написано глава или рассказ, и писал их заново. Иногда он просто не находил рукописи, сердился на то, что кто-то ее похитил, а потом начинал сомневаться (под воздействием Мэри), будто ли она им написала вообще.

Мы спросили у Хемингуэя, правда ли, что он решил некоторые из своих наиболее популярных романов в испанской литературе, переведя их на английский язык, — в то время об этом много говорилось в западных литературных кругах.

Хемингуэй не ответил. Он задумчиво посмотрел в окно. Потом положил на полиптих привезенные нами книги — все это время он носил их с собой, в левой руке или под мышкой, — раскрыл первую из них и подскочил перевести название опубликованного в Канаде романа.

Дело это оказалось не таким простым, ибо я не знал названия в оригинале многих рассказов, а переворот с русского на испанский или английский язык неизбежно приводили к искажениям. Хемингуэй разводился возможностью: при этом курьезно было то, что в первом же романе, который остался не совсем доволен, он хотел усыпить еще одно название, но так и не успел его (вероятно, он имел в виду роман «По ком звонят колоколы»).

Узнав, что предисловие к сборнику написано Иваном Александровичем Кашиным, он сразу же обрадился, словно ему легче стало, и, обращаясь к нам, сказал:

— Если вас действительно интересует творчество американца Хемингуэя, читайте русского Кашкина.

Нам показалось, что этими словами Хемингуэй не только выразил свою признательность извест-

ному советскому литератору-веду, но и попросил нас гостей не забывать больше к теме Хемингуэя-писателя.

Правда, когда (а по-нашему — ужин) во время общего разговора о судьбах современной культуры он сказал одну фразу, которая, казалось бы, не имела никакого отношения к его творчеству, или, вернее, творческим планам, но я восприняла ее (возможно, что я ошиблась) как ответ на ее заданный писателю днем в его рабочем кабинете.

— Литературный стиль изменяется не только от поколения к поколению. Самы писатели переживают свои «литературные периоды». Поэтому необходимо перечитывать собственные произведения, чтобы ерзанье творчества не противоречило бы изменившимся условиям. И если вы не можете исправлять свою же собственную ошибку, которая прежде не была для него ошибкой! Впрочем, никто не может запретить ему это сделать, а рассудит его, например, Кашин... — усе вслед закончил Хемингуэй.

Тогда предупредил читателя, что привожу эти слова писателя по памяти, но думаю, что достаточно передать смысл его слов, иначе тогда, Дядя обрадился, тут же оторвав от пакета «Ла-Викки», посыпал на скамейку у бассейна, в котором плавали лисы, опавшие «зимние» листья. И казалось, что мы находимся в гостях у старого и доброго друга, которого давно не видно.

Рядом с домом Хемингуэя растет гигантское дерево. Оно стоит здесь уже много лет. Дядя обрадился, когда я спросила, сколько ему лет. Здесь и было сделана много единственный фотография, заставляющая вспомнить встречу Хемингуэя с Кашиным и его супругой.

Обездыянными столом мы много говорили о советской литературе последних лет. Дело в том, что Хемингуэй не без сожаления признался, что не знает ничего о литературе из жизни и творчества советских писателей: их просто невозможно достать в дореволюционной Кубе. Лишь однажды, несколько лет тому назад, он неожиданно получил из Сантьяго советскую книгу. Какой-то неизвестный друг написал, что книгу ему передал из моряков советского грузового корабля, который пришел в Кубу с заварками горчицы или продовольствием в Сантьяго, и было, воспользовавшись этим, советский моряк попросил кубенца переслать Хемингуэю свою книгу¹.

Именно во время этого разговора Хемингуэй высказал предположение, если представится возможность, прислать ему переводы наиболее интересных произведений советской литературы на английском языке журнале «Советская литература».

«Ла-Викки» выиграла книжку и на том же листе, на котором Хемингуэй написал свой адрес, сделала пометку о его просьбе. Так моя запись по недоразумению стала принадлежать «пертуре Хемингуэя»...

Тема беседы сменилась. Мы с восторгом говорили о Кубе. Кашина, насколько я могу узнать, не знали, а американские писатели, пронесшие много лет в Кубе, относились ко всему происходящему на «Острове Свободы».

Хемингуэй сказал, что на вопрос этот он не считает возможным отвечать, поскольку все, что произошло на Кубе, — дела субъективные кубинцев. Хемингуэй — он жил здесь, в Сан-Франциско. Там, откуда доносится рев этого адского изобретения американцев, которое кубинцы прозвали «трагарнилье»². Каммил играет в бейсбол или баскетбол. Это был хороший парень, хотя, кажется, и он переехал не раз через наш забор, когда сюда подняли из кубы. Они же, кубинцы, — это самые настоящие мужчины, эти самые грубые члены слушаются среди местных правителей... Подумай немножко, он добавил — Впереди на Кубе у власти стоят честные люди. Это и есть самое главное.

Поздним вечером мы распрошались с Мэри и «едином Эрnesto».

Мы и сейчас часто вспоминаем о нашем друге, тратя время, уединяясь из жизни.

Впрочем, почему трагичен? Когда сухие газетные строчки сообщают о его смерти, сразу же память «кувидеца» удивительные глаза этого человека: такие жирные, но не эпичные; улыбающиеся, но не смеющиеся... Узнав про свой страшный недуг, этот человек не смог постичь иначе: не в его характере было склонность к мифической кончине. Он сам пошел на встречу с смертью, оставил наследство в памяти людей образ этого Хемингуэя.

¹ Если я не ошиблась, этим «макароном» был писатель Н. И. Михайлов, ходивший в круглосветное плавание на одном из торговых судов советского флота.

² «Трагатель кубинской», то есть может, Тан на Кубе называют автомат — прогибатель пластины.

ОТПУСК В

В мастерской Мазин поднял свечу к лицу Матвея. Егеря припнулись и наклонились над тахтой.

— Шестнадцатый калибр, не иначе,— попытал он профессионально.— Да и ножик еще. Ножик арм. По мертвому развали, крошки нету. Эх, жисть человеческая, сегодня жива, завтра нету. Кто убыл, нужно понимать, не знает, раз мене испытывают...

Борис ничего не сказал.
— Сам-то что скажешь?
— Ничего не скажу. Неожиданное дело. Милиция нужна.

— Связи нет.
— Ну, сбегаю. Местечко знаю. Там пихта над склоном сломанная. Если петлю закинуть капроновую, можно на тот бор перекинуть. Только посвистеть.

Хорошо, Матвей. Отдыхай пока.
Филиппенко повернулся было, но остановился и еще раз оглядел мертвого Калугина.

— Ножик интересный. Валерий таким бытъ-ку открывал. Но не один же он такой на свете.

— Не один,— согласился Мазин.— Нож вынуть придется. Борис.

Сопроводитель достал новосибирский пиджак и извлек из него деньги.

— Нож побывал у Валерия. Что предпринимаем?

— Самое простое — спросил у самого Валерия. Как тебе показался Филиппенко?

— Хаотичный человек. На каком он счету в заповеднике?

— Выгнать хотят за браконьерство. Ну, идем к Борису?

— Согласен за хозяйине.

Марина Калугина не спала. Она сидела на кровати в спальне и взирала, механически перебирая спицами.

— Заснуть невозможно. Пытаюсь забыться, занять хоть руки. Чувствую себя ужасно.— Она мельком заглянула в зеркало.— Борис Михайлович, скажите скорее, пригодилось то, что мы сделали?

— Прокурор-то ваш — человек проницательный и ловушку расставил умело, — заметил Демьянович, заваривая чай.

Короткая летняя ночь пала на убыль. Марину прислали скамеечку перед камином и пригласили разбрасывать в ней сухие листья. Погода была темна. Дрова дымились, выбрасывая из-под печи темно-красные искры. Потекло теплое.

— Валерий скорее всего идет на прием, хотя и ложится в схему. Если всплынет, что его отнесли с мачехой сомнительные, получится типичная буржуазная судебная хроника. У них там проще. А тут конфиск, пока не обнаружишь, что убийца ставил Дениса, который застрелил Калугина потому, что тот неодобрительно относился к качеству его мела.

— Такой вариант нам не нравится.

— Не гаси во мне чувство юмора. Борис. После трудового года не так-то просто отыскать оптимальное решение в этой диковинной ситуации.

Игорь Николаевич снова занялся поленьями.

— Не спички, молодые люди?

Марина зажурнулась. Его давно не называли молодым человеком. Из своих компаний вышел Кунинцев.

— Не спички, — согласился Сосниковский скучающе, что к болтовне на вече не расположены.

— Разрешите пободрствовать вместе? — не уловив интонации архитектора. — Вы, доктор, давайте вспомним Михаила Михайловича?

Калугину доктор не требует, — ответила Марина.

Кунинцев нахмурился кустистые, склоняющиеся на переносице брови.

— Как прикажете понимать?

— Убийца Михаил Михайлович.

— Вот как... — произнес архитектор почти без изумления.

— И я и преступник неизвестен, — подтвердил Борис Михайлович.

— Бас это больше всего волнует?

Игорь Николаевич удивился.

— Равне вопрос, кто убил Калугина, назывательный?

— Важнее знать, почему? А вы спешите на расправу.

— Воздмездие не расправа.

— Воздмездие? Немного изменили слово «месть», и вам уже слышится благородный оттенок?

— Как всегда, оригинальный, Алексей Фомич?

— Несколько. Я имею право так мыслить. Мне причинили зло.

— И вы простили?

— Да, конечно. Мне написаны два непонятливых. Понесут ли пару виновных или нет, моя судьба не поправится. Что же даст моя истинное здоровье? Только очертит кущу.

Я не верю в графа Монте-Кристо. Любая месть, даже во имя справедливости, порождает новое зло. Где же конец?

— Месть и правосудие — вещи разные. Убийца нарушил закон...

— УК РФСР? — перебил Кунинцев с ironией.

— Именно... — отвечал Маринин серьезно. — Что толкнуло его на преступление, неизвестно. И его следует задержать, чтобы узнать истину.

— Истину? Вы самоуверенны. Ну что ж... Только бы меня.

— Мы полагали, что Калугин был вашим другом.

— Моя кормил меня, он считал это долгом, хотя и не сильно из-за благодарности...

Что это значит?

Старик умолк, стоит ли пояснять.

— Должен не иметь отношения к смерти Михаила. Просто, когда он был неизвестен и мог избегнуться от неизвестных, в то время прошедшее время мне напоминало его рисунки и я складывал об этом...

— Странно, что вы не помните из-за благодарности?

Кунинцев успокоился.

— Нет, самому Мине.

— Выходит, человек любил вас, поддерживал... — наставила Сосниковский, — и вот он зверски убит. Сначала выстрелил в сердце, потом еще раз ножом, потому что убийца счел свое дело не доведенным до конца. Неужели ж этого недостаточно, чтобы убить человека?

Архитектор вздохнул сатори.

— Как понять ваши слова? Вы обманули нас вечером? Когда сказали, что Миша жив?

— Я хотел посмотреть, как поведет себя преступник.

Старик выпрямился.

— Мне отвратительны такие люди, как вы!

И Кунинцев, круто повернувшись, выбежал из комнаты.

— Ненормальный старик, — буркнулся Борис смущенно.

— Ну, ладно. Пусть печально камин догорает. Пойди к Валерию.

Старик, что-то сам не понимает. Слишком запутанной для такой ночи. Вирочек, который идет. Запнулся на фабуле.

Сосниковский ошпарил. Протянул глаза, в гостиную вошел Олег. Он увидел людей за столом и надел очки. Заспанное лицо обрело свойственную ему деловитость.

— Доброе утро. Дежурный у больного? У врача отпуска не бывает? А я собираюсь на Красную речку посмотреть самолет. Но дождь...

— Сходите в другой раз.

— Мне нужно.

— Нужно? — переспросил Маринин.

— Да, я журналист, работает в аэрофлотской многоязычии.

— ...Почти летчик, — заметил Сосниковский. Олег не скрешил на насмешку.

— Иногда в форме принимают за легчика. Однажды сидел я в Батуми, в ресторане...

«Породистый парень», — думал Маринин, глядя на Олега. — Ему должна быть форма: синий китель, фуражка... Но где я слышал его голос?

Неужели? Сам подсказывает Батуми, ресторан, фуражка, синий китель, фуражка, синий китель... А он, Маринин, пьет «Пингвиль» и с узловатым залуком выслушивает винуский, остров зеленый. Зелень лежит на тарелке длинными пучками и откусывает маленькие кусочкиками, засевая кислое, холодное, веселящее вино. А рядом говорят громко, потому что выпили, слова доносятся разрозненно, сплошной складкой, которую можно пересчитать. Громче, громче, складка раздвигается, не задерживается в монту. Но думай он тогда, что слова эти придется вспоминать?

— В прошлом году? Коньки пили?

— Армянский. Пельмени — и все становятся сном.

На говорили он сумбурно. Говорил о самолете. Сбитом самолете...

— Вы надеетесь, что это тот самый самолет?

— Какой самолет? — удивился Олег не очень убедительно.

Маринин не собирается выдавать себя за Wolfe Messinga.

— О котором шла речь в ресторане. Я сидел за соседним столиком.

— Ну и сожаление! Вы все слышали?

— Бывает и поклуче... — ушел от вопроса Маринин, потому что запомнил ни разогрева немножко... — Кажется, я затянулся поиском вроде Сани Григорьевы из «Духов капитанов»?

— Повторяю тогда: «Понимаю, и уверен, уверен!». А грузин поддержал: «Правильно, дорогой, правильно». Больше Маринин ничего не помнил, да и столько я вспоминать? Зачем ему это знать? — сказал Олег с особенным счастьем.

Пойдя умываться, Олег, не распространяясь о Саше Григорьеве, он повернулся и замаяк нож, лежавший на краю стола. Рукоятка вынырнула из-под платка.

— Откуда здесь мой нож?

— Вам?

— А то чей же? Мне подарил его парень из иностранной дипломатии.

— Этим ножом пытались убить Калугина.

— Почекуя, — сказал Олег. Говорил же про ружье. Про неизвестный случай.

— Из руки Калугин был застрелен. А ножом же пытались убить вторично. Тот, кто думал, что Михаил Михайлович не умер. Вам придется объяснить.

— Чем за компот? Калугина убили? И меня запутывают? Я вам ничего не обязан объяснять. Вы здесь такой же посторонний, как и я.

— Не горячтайся, Олег — прервал Маринин. — Я ногаю, в ваших собственных интересах объяснять, кто мог воспользоваться ножом?

— Олег укусил губы.

— Вы что вытигиваете меня? Неужели убит?

Нож в никюне не давал.

— Ножом открыл бутылки Валерий, — напомнил Маринин.

— Это ершица. Открыли и отдали.

— Разве можете?

— А дальше?

— Не помню. Увидел его у вас на столе.

— Постараитесь вспомнить до приезда милиции.

— Компот, — повторил Олег.

Маринин встал со скамеечки и зайдя в санузел.

Комната наполнилась неожиданным светом дождевого утра.

— Пойду погляжу погоду, — сказал он Волге.

2. ТУМАН

Мазин отворил дверь и уловил в сыром воздухе сладковатый запах парного молока.

Мычание теленка доносилось из спальни, а изредка, когда Мазин вспоминал Демьянчика, старому, покосившемуся, музленному пасечнику у давно покинувших поселок холмов. Мазин пошел по тропинке, наступая на пропахшее сено, разбросанное в особняко вытоптаных местах. Мокрая трава чавкала под ногами. Ключи тумана плывали в воздухе, под ногами. Но что хотелось раздвигать их руками, как давалось.

Демьянчик стоял у забора в неуместной к погоде соломенной шапке. Спросил заинтересованно, но без лишенной любопытства:

— Как ночь прошла, Игорь Николаевич?

— Сказу, все скажу, — подбоченясь Мазин, помимо того, стараясь не терпеть узнать, что же произошло вчера на улице я...»

— Игорь Николаевич! Так сказать, жильце человека одиночки.

В текинской избе пасечника в самом деле не чувствовалось заботы об уюте. Даже большая печь не была поблесена и выделялась густыми коричневыми пятнами глины, как загрунтованная макетография, покалеченная в дорожной катастрофе.

— Ехали пожалосте, угощу чайком с таким трактиром, что усталость, как ручной снимет.

— Не откажусь! — Мазин присел к столу, покрытому голубинкой, в цветочных клеенках.

Сию секунду.

Демьянчик отворил дверцу настенного шкафчика, на которой была приклеена вырезанная из журнала фотография ульяновского космонавта, достал две пачки с чаем, ловко смешал в заварном чайнике и поставил на плиту.

— Настоять требуется, — сказал он. — Раздевайтесь, мы пока заморожены.

Тогда Мазин начал набирать и основательный стакан, такой далекий от непрерывной реальности щегольской дачи с гармошкой и мансардой, где лежит труп человека, прожившего жизнь в столичной суете, действовали успокаивающие.

Не хотелось уединяться, поэтому Мазин привез с собой Валерия, вынувшись из прятки, чтобы не оставить его.

— Скрылся? Удивительно, как и многое в жизни...
Простой этот и даже прозорливый вопрос поставил Мазин. С тех пор Мазин землемеры не хотели отстать от него удивительного, потому что каждый смысл, логика доказывала, что скрыться невозможно и преступник по-прежнему здесь, рядом. Меж тем никого из тех, кого видел до сих пор, Мазин, он не мог представить себе в роли убийцы.

Демьянчика налили ароматный чай в граненый стакан и поставили на стол бледнечко с душистым медом.

— Вам, наверное, немало пришлось повидать в жизни? — спросил Мазин.

— Что положено, повидать.

— Вы верующий, Демьянчик?

— Боя не верю. Верю в диалектический закон, — сказал он, не сводя глаз с чайника.

— И участие Калугина?

— И его тоже... — отозвался пасечник твердо. — Значит, суджено ему было.

— Закон законом, а на курок-то пальцем на-жали.

— Ну, если по-житейски, то человек убит, конечно. Как полагаете, находит его Борис Миха-личук?

— Ему есть над чем подумать. Убийца оста-вил нож.

— Нож бросил? Спутники, значит? Уликам ос-тавил. Забыл, наверно.

— И решал бросить тень. Хозяин-то можа известить?

— Кто же именно?

— Олег.

— Олег? — Лицо пасечника выпнулось.

— Удивлен?

— Уж больно не похож.

— Не похож. Скорее ясном воспользовался кем-то другим. Брали его Валерий, но вернул. Мог и другой взять.

— Ему есть над чем подумать. Убийца оста-вил нож.

— Нож бросил? Спутники, значит? Уликам ос-тавил. Забыл, наверно.

— И решал бросить тень. Хозяин-то можа известить?

— Кто же именно?

— Олег.

— Олег? — Лицо пасечника выпнулось.

— Удивлен?

— Не похож. Скорее ясном воспользовался кем-то другим. Брали его Валерий, но вернул. Мог

— Скажите, какая история! — Демьянчик почесал головой. — Любопытно, почему смерти его догомолгались? Не месть ли?

— Мне трудно судить.

— Мудреное дело, мудреное. В Москве, не-бось некролог дают...

Пасечник поднял свое бледное и пил, дерка-ясь в рабочих пальцах. Вдруг он напоказал ее через стол.

— А что вы насчет реинсии думаете?

— Вам что-нибудь известно, Демьянчик?

— Неопределенно, Игорь Николаевич. Борис Михаилчу я бы говорил не стал, потому закончили его, в строгих фактах недостает. А вот человек, который довел пасечника бутыл с сомнением, и Мазину в который уже раз, испытывая не приятнейшее чувство, пришло подтвердить, что он доктор.

— Как же мы вас пришли, наблюдать Калу-гину?

— Да так... Смысли сплошные. Свалили. Игорь Николаевич, положа руку на сердце, ба-ла ли у него необходимость с молодой супружью свою жизнь связывать? — доверительно спросил Демьянчик.

— Он и сам не старик.

— Все же Марина Викторовна на пару десят-кошек лет моложе, что позволяет ей в на-шем случае быть замужем? Другой человек — вот что. Он на фронте сражался, а она про Отечественную войну в школе училась. Он черный кусок ци-ни, а она черный хлеб ест, чтобы фигуру не портить.

— В жизни такие грани часто стыкаются.

— Может, и стыкаются, а молодое и молодо-му тянет.

— И не только проще, Демьянчик.

— Не решалась никогда, если бы не случай ужаснейший. Но ежели пообещает, что Борис Ми-хайлович это сплетней не скроится...

— Смущать не буду, — подбоченясь Мазин.

— И если... Ему я, значит, раз на пасеку.

На переодес с места спустился ишка из пасеки. Смотрю, значи, Марина Викторовна на пасеке. Учительница, значит. Была оби, и меня им не видно. Ну, он на мосту близко к ей ехал, налегнулся и опровергал... Мне неправильно стало. От-вернулся, помни. Вот и все... Ой, минутку! Дров-вернулся в пасеку подбородку.

Пасечник вскочил и наливал на плотик.

— Чего бывает, — пронес Игорь Никола-евич неопределенно и, помешав ложечкой в пустом стакане, поднялся. — Благодарю за уго-щение.

— Но уговор наин...

— Уговор дороже денег.

И слова Мазин прошел по мокрой дорожке и по ломкому пропахшему сено миру свер-кавских дождевых канавами сосен.

— Куда ты пропал? — выскоцила из тумана Соскинчик.

— Чай пил.

— Чай! Валерий ичес! В его спальне даже постель не разобрала. Он не ночевал дома.

— Превосходно. Кажется, Валерий Калугин единственный, кого можно не подозревать.

— Нашел алиби?

— Напротив. Все говорит не в его пользу.

Они стояли под развесистой елкой Соскин-чика и смотрели, как руки и запястья Калу-гина вянут.

Слыши у меня нет общности с гением! Я обык-новенный кандидат наук и считаю, что в нашей ситуациии твои псевдооригинальные, высокоме-рии и беспощадные парадоксы совершение не уместны!

Мазин развел руками.

— И пытаешься наладить путь — и только.

И Мазин, и Валерий молчали, не глядя друг на друга, не разглядывая друг друга. И Мазин, и Валерий мог войти в мастерскую, не вызвав по-дороге, и выскрыть, дождавшись удара гро-ма. Конечно, патология убийства пугает, вызы-вает сомнение, но смыть он не родной, как ок-залось.

— Погоди. Убил, но не убедился в смерти?

— Что здесь удивительного? Ты же помнишь Достоевского. Помнишь Грибоедова?

Приятель, который приступил к подвергнувшемуся удаче воли и рассудка. Именно в тот мом-мент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность... Я почти цитирую. Ведь Валерий психо-логически такой же тип. Чего стоял ему этот выговор? Предсталиени? Или же ты не видишь, что тут не просто удача воли и рассудка.

Он же, поганый, обманул. Он в пасеке. Страх тонет его в навара. Как часто бывает, преступники винят в удаче.

— Погоди. Олег помнил, что Валерий нож

вернул. И его не было в гостиной, когда ты ска-зала, что Калугин жив.

— Олег может и спутать. А моя словеса были прекрасно слышны и в его комнате. Наконец, ему могла сказать Марина.

— Между прочим, Валерий и в самом деле к ней подошел!

— Вот видишь!

— Ворач! Твоя версия не хуже других. А других у нас вообще нет. Но я в них пока не по-верил. Возможно, от неизвестного высокоме-рия, в котором ты меня упрекнула, скорее от усталости. Поэтому я решил разделаться. Ты иди сюда, кухню, а я еще подумаю. Если придумлю, уведем немедленно.

— Дело хождское. Вольному воля.

Мазин почувствовал облегчение. «Если дело так просто, в нем разберусь и без меня, если же оно очень сложно, то и я не исключен». И, утешенный этим соображением, Борис Михаилчук, в сопровождении поганой склонности к женской дядьке, залежавшейся в волны, которые вчера еще были видны по-среди извилистого русла, и мчалась победительно и весело, легко одолевая каменные преграды. Потом гипнотизировал, от него было трудно оторвать глаза.

— Правда, хорошо?

На склоне, у самой воды, сидела Галина, натя-нув юбку на колени, защищаясь от холодных брызг.

— Правда. Мне нечасто приходится видеть такое.

— А я здесь выросла. Меня многие дурой считают, что в глуши живу... Она наклонилась и вытащила из воды пропахшую склоном сос-кими ветками ветку. Ветка была длинной, плавной пурпурной. Листом еще люди называют, а змийка никого. А змийка, знаете, красота какая! Когда снег ве-де. Не излюбленная... Она вдруг засмеялась с го-речью... Только вот замуж выйти не за кого. Да и вообще ничего не происходит!..

— Ни чего не происходит? Мне показалось наоборот.

— Это вы про Михаила Михайловича? Как он там? Я никого не видела. Встала пораньше, домой собралась, да мост смыло. Сижу, жду у моря погоды.

— Калугина убили, Гали.

— Ни можешь быть!

Учителянка слушала рассказ Мазина, широ-ко раскрывая темные, узкоглазые глаза.

Вы вчера рано заснули?

— Нет. Олег зашел.

— Олег — парень интересный.

— Что это что?

— Как все интересны, вы женщины строгие. Учительница тоже раньше. Да не о том речь шла. А вы странный. Спокойный очень. Дове-рия вызываете. Вас больными увлекают, наверно.

— Больных? Я не врач. Глочака. Я работала в уголовном розыске.

Мазин забрался на камень и присел рядом. Он покоронялся.

— Погоди, речинка?

— Что ты. Погулять. Правда, я лет на пятнадцать старше Олега. Олея, то ли ягоды, то ли женщинам привлекают солидные мужчины.

— Скажите еще что вы не женаты... Галина рассмеялась, но тут же схватались: — У людей горякое, а мы морозимся. Учительница в уголовном розыске у нас получились неудовольствия.

— Жаль. Тебя расстроил от Олега.

— Он умаский скучный. Не покох на журна-листе. Все о тронах на Красную речку толкал. Показать прослез.

— Вы соглашаетесь?

— По такой погоде? Там и в хороший день шкем сломать можно. Прямо поменялся на свою сестру.

— Он собирается написать о нем в газете.

— Пустяк пишет на здоровье.

Чувствовалось, что самолюбие Галины уяз-влено.

— Дорогу может показать Филиппенко.

— Матвей отказался.

— Потому.

— Я знаю? Они всегда делают, что в голову придет. Жилет сам себе хозяин. Начальство за-перевалом. Звери бьют, когда нужно и когда нужно. Тут, конечно, без охоты не про-живешь. Тут, ведь, разум и страшнее!

— Учительница убита потому что?

— Галина, трих разводилась.

— Галина? — Ты говоришь? — Зачем? — Оказывается, Галина, трих разводилась,

вышел за удачу, а тут по ту сторону, на склоне. Ну, он бах-ах...

— Стrelет-то без промаха.

— Всех трех и убий. «Скотина, ты... — говори-»,

— Матвей. Зачем животных истребил? Ты ж их ок-

рвать постельки!» «Верно, Галина, — отвечает, — потому и написал. А удираться не смог. Душа загорелась. Смотри — стоят на склахах. Пока собразил, а карabin сам падит...»

— Карабин?

— Думаете, Матвей в горы с ружьемщиком ходит? Ружье для инспекции. У него в лесу вынтоки в тайнике, и патронов куча. Здесь немцы к перевалу рвались, так на залежке до сих пор орудия находят. Стрелять у нас любят...

— И что стреляют?

Еще как! Охладили Матвея проклятием. Расхвасталась: вот я стреляю, а ты с десяти шагов к корове не попадешь! Ему и говорю: браской фурзяк! Он подбросил, от нее один козырек отскочил. Посмотрели бы вы на его рожу!

Галина поднялась, придерживая вадувавшуюся колоколом юбку.

— Нужно же и поклоняться Олега. А то его однажды понесет!

«Симпатичная девочка. Подозревать ее не надо».

Мазин спустился со склах и пошел вдоль речки, поглядывая на густо замешанную глиняную испоконнюю воду. «Интересно, что предпринял Борис? И сумел ли Матвей переправить?». Как бы умчавшая эту мысль, он посмотрел на гладкий, легковесный с виду валун.

— Дяденька! На тот камень не вставайте. Подымай его.

Игорь Николаевич удалился изказорского пансиона, одетого в длинную, с отворотом плечи стеганку и фуражку с золотыми листиками эмблемой, сплющившую на уши.

— Почему ты решил, что я полезу на камень?

— Да я вижу на него смотрите и ногой примрите.

— Нужно быть очень наблюдательным, чтобы заметить непривычное движение!

— Спасибо, друг. Как тебя звать-то?

— Коля.

— Николай Матвеевич?

Угадать было нетрудно. Шумный паренек, как две капли воды, походил на Филиппенко.

— Сколько тебе лет, Николай Матвеевич?

— Тридцать восемь.

— Отчего Коновалов ушел?

— Не, познер еще. А вас как зовут?

— Мени, Коля, зовут Игорь Николаевич. Ты

адеял форпост лопинки?

Паренек удивился городской наивности.

— Форпост под плотиной клюет... А это правда, Игорь Николаевич, что дядя Мину убил?

— Правда.

— Вот жалко. Он здесь самый лучший был.

— Самый лучший? Почему? Он рисовал тебя?

— Не... Хотел нарисовать, но я не склонный. Не выпало. Мы с ним на окоту ходили. Да-да, Мина, правда, никого не убила. И стрелять не любил. Ходить любил, рассказывать. Про войну, как он зовет. Про Москву, про художников-революционеров. Суровикин с членом любил. Знаете? «Перекод Суворова через Алтай»?

— Знаю.

— Обещала меня взять в Москву, в Третьяковскую галерею сводить. Ох, и любили мы с ним ходить! Особенно на Красную речку.

— Там нашли самолет.

— Почему на Красную? Это красивое место?

— У нас было время, а Родина на склоне падома превратилась. Направо сводят. Спало. Поэтому к речке красная называет. А вообще-то она не красная, обыкновенная. А на гору на что же не взойти. Знаете, как можно увидеть озеро?

— Нет, — ответил Мазин, с удовольствием слушая симпатичного парененка.

— Нужно на Лысую подняться. Она выше Сибирской обрывистой лестницы! Там, где лето прошла, синий-синий вигра. У дяди Мины бинокль был двенадцатипартийный. Заберемся мы на Лысую, он садет и смотрит долго-долго.

— А самолет Михаила Михайловича не видел?

— Нее... Никто не видел. Отец первый. Когда лавина проласта засыпала.

«Зачем этот вопрос? Чем мой путь лучше лучше Бориса? Он стремится к упрощению, я уложил. Но где все-таки Валерий?»

— Ты, Коля, не встречал сегодня Валерия Калужина?

— Нет.

— А с ним вы в горы ходили?

— С Валерием? — спросил мальчик, не скрывая пребывания. — Куда ему! Ленинский он. Шашлыки любит. Кушит мясо и замаривает на полинке, — засмеялся Коля, и видно было, что попку мяса с его сына охотника, точки зреции, весь белелепашка.

Мазин улыбнулся.

— По горам, значит, не ходок? Куда ж он сегодня девался?

— Да спит, наверное, в хижине.

— Где?

— В хижине. Тут рядом с колхозной пасекой домик ичиничный. Его как дядя Миша отругает, оттуда, вальяжно на кровати.

— Приводите скотину к домику?

— Мазин схватил лопату, ловко выбирал камни поросшее и посыпал.

Они обогнули калужинский дом стороной и вошли в полутемный лес.

— Далеко еще, Николай?

— Вот, Игорь Николаевич!

Посреди просторной поляны заселено заливное тело реки. Слева от деревни, вдоль паханых лесов с извилистенной ровной ручьевой, кипела в этих щедрых лесах неужели, а за озерком. Мазин увидел похожий на другие домики под тековской крышей. Над крышей поднималась струйчатая известьевая дымка.

Мазин пошел навстречу мальчику. Ему хотелось заглянуть сначала в окно, но ближнее не оказалось закрытым. Мазин остановился, подняв руку, чтобы помешать себе отражение в окне, что знал что-то неожиданное. Дверь отворилась наружу. Игорь Николаевич потянул ее и остановился на пороге. На раскладушке, покрытой рассстегнутым спальными мешками, лежал Валерий, утихнувший лицом в подушку. Мазин схватил его за плечо.

Валерий повернулся и сел на койке, уставившись на непрощенных гостей недовольным взглядом.

— Чем вам нужно?

— Простиите. Мне показалось, что вам нехорошо. Ваша поза...

— Моя поза никого не касается. Зачем вы пришли?

— Возможно, вы не знаете...

— Все знаю.

Мазин поддавил нарастающую неприязнь к художнику.

— Если у вас все в порядке, не буду мешать.

— Убирайтесь!

— Вы не господинчины, — сдвинулась Мазин.

— Не хочу разделять участия отца... Он вдруг вскочил и скользя ружьем, стоящим у стены. — Убирайтесь отсюда, ссыпься! А то я всяку заморю в брюхо.

Игорь Николаевич шагнул вперед и сжался в беспомощное движение. Валерий отступил на раскладушку, а ружье стукнулось об пол. Мазин поднял его и вышибнул патрон. Валерий опешенно наблюдал за ним с кобинкой.

— Извините, — сказал он наконец.

— Кто вам сказал о смерти отца?

— Ну, Марина скакала.

— Когда?

— Я думал, что после того, как ваш друг затеял свой идиотский эксперимент. Опустился винко и скакала. Нужно ж ей было с кем-то поделиться. Она-то не прокурор, у нее есть есть.

— У Бориса Михайловича тоже. И он не прокурор, как вам известно. От делает все, чтобы разоблачить убийцу вашего отца. Разве вы не знаете, что кончился «идиотский эксперимент»?

— Я знаю физиономиста, что никого не подбрасывал.

— Вам отличный физиономист. Однако Калужина пытались убить еще раз тем самым козлом, которым вы открылись бутылки.

— Нож я брал у Олега. Да что вы плачете!

Это же провокация!

— Вы возвратите нож?

— Черт его знает. Наверно. Зачем он мне нужен? Я не виноват в покое. Но не воображай, что я Ерофеев Пуря. Тут и милиция зубы сломает, будьте уверены. Не по зубам орешек. Не сумочку вытащили.

— Вы говорите так, будто имеете определенные предположения.

— Никаких предположений! — выпрыгнул художник и слова сменил. — Ты — Валерий, да? Но — зачем? Это нас касается, меня. Не винимайтесь вы не в свое дело. Отдыхайте лучше.

— Спасибо, — ответил Мазин.

— А я побуду. Хорошо, что вы меня разбудили.

И Валерий вышел из дома.

«Чумной паренец», — вспомнил Игорь Николаевич слова пасечника. — Он перничает и перживает. Это понятно. Но что у него на уме? Что значит, «что нас касается, меня? Или ничего не значит?»

Мазин посмотрел в окно и снова увидел зеленую лужу с плавающей дверью и густой туман, скрывающий горные склоны.

— Вы его обязательно найдете, Игорь Николаевич, — сказал Коля.

— Кого?

— Кто убил. Я догадался.

— О чем же ты догадался?

— Да как вы в Валерии ружье выпили, я и догадался, кто вы.

— Кто ж я, по-твоему?

— Мне дядя Борис на лису ходил, — заговорил Коля, — чтобы объяснить, о чем он догадался... — и дядя Борис меня похвалил. Говорят, ты следишь настоящий, тебе бы в уоловском розыске работать. А я спросил: а вы сами много преступников поймали? А он отважился: я мало, но у меня друг есть, он особенно опасных ловит. Я тогда еще подумал, вот бы мы его друга посмотреть. А как мы приехали, и все думы, что или это я сам, Ну, а как я ружье выпили, — помялся — точно.

Разозлилась ты меня, однако.

— Игорь Николаевич, я вам спасибо приехал? Вы знали, что убийство готовится?

— Нет, сынок. Я отыскал прихала.

— А можно я вам помогать буду? Я никому не скажу, что вы, честное пионерское!

Он успел сказать и о своем Степане, и о своем брате, и о звезде. Потом я вспомнил, что Мазин восстал от последовательности. Вначале же он усыпал только зев разбитого стекла в окне. Но на секунду ему предвзглядом встремился на поляну?

Сиагната выстремился, заглянул в чаще какая-то птица, прыгнула на камень и скрылась. В руках было отверстие. Но болело не сильно. Видно, зарики задел только кожу. Рубашка впитала кровь и пептирато лишила к телу.

— Ранили вас, да? — спросил Коля шепотом.

— Задело.

Игорь Николаевич продолжал наблюдать за лесом. Пожоже, стrelок решил выждать или скрыться. Мазин приподнял и опустил раненую руку. Царепина, к счастью, не обессилено.

Коля! Сядь на стекле ниже окна и жди меня! Я спою.

Он осторожно отворил дверь. Осмотрелся, пе ребежал и укрылся за близким деревом. Редкий лес просматривался на значительное расстояние, но стrelок было трудно: деревья не скрывают прямые линии. От дерева к дереву скользили изогнутые кустарники, кустарники метались изящной лесной стоянкой. Видимо, на ветках гадалки гнезда. Мазин сделал последний бросок, готовый немедленно отвернуться на выстрел, и очутился на каменистой площадке среди кустов. Площадка была пуста.

Мазин нагнулся и подобрал желтоватую тень гильзу. Из отверстия тануло покором. Это было забытое орудие, которое не было в бою. Кто из предшествующего боевого караibана военных лет. Видимо, стрелышки спешка скрылись, раз не нашел ее на земле. Куда же он мог уйти? Каменистая площадка была частью тропы, ведущей в горы. Преследовать стрелка дальше было бессмыслицей. Он мог укрыться за любым камнем и встретить пуль в упор. Мазин выпил из кустарника и направился к дому.

Коля в комнате не было.

— Николай! — позвал Мазин.

— Здесь я, Игорь Николаевич, — появился паренек.

— Зачем выходит?

Дожидаясь ответа, Мазин достал перочинный нож и ковырнул доску стола.

Коля сидел на стуле в леснице.

В нашем деле, Николай, главное — дисциплина.

Ты нарушал приказ, я и больше не могу тебе доверять. Отправляйся домой!

Это произнучало жестко, но не мог же он сказать: пузя, которую я извлекаю, могла попасть в тебя! Мазин ожидал возражений, заверений, что малычуган не станет больше своеизвольничать, однако Коля глянул на пуль, насыпил и молчал, пока не из комнаты.

«Пусть лучше обижается. Рисковать им я не имею права».

В рукаве стало лицо. Кровь, сочившаяся из ранки, добралась до локтя. Игорь Николаевич склонил пиджак и рубашку и подошел к зерну с водой, что стояло на табурете за дверью. Он опустился туда кружку, когда за стеной послышались шаги.

Мазин сквачил ружье и стал в простенок. Человек за дверью остановился, не решаясь войти. Последовала длительная пауза. Было очень тепло. Только иттица в зарослях никак не могли утромоняться. Потом дверь скрипнула. Человек на пороге, одетый в дождевик с подплывами капюшона, снял шапку, поклонился, никого не увидел и склонил шаг вперед. В тот же миг ствол ружья уткнулся ему в бок.

Игорь? — только и смог произнести Сосновский, увидев окровавленного Мазина с двутройкой в руках. — Что с тобой?

Мазин взял со стола и молча протянул ему пузо.

— Не могу представить, что тебя могли убить. Сосновский смотрел на разбитое стекло.

Я зашел сюда в поисках Валерия. Он был здесь. И мне не понравилось его настроение. Что-то в голове у него кружит тревожное и небольшое. Но от скромности не склонен. Однажды что-то изменило мое мнение, никого не увидал.

— Кто-то разгадал нашу хитрость, обозначил, что мы ошиблись.

— Всего-то. Хотя никому в сейчас не спасется. Пальцы всех этих людей, и заключены: среди них нет убийцы. И ошибся. Он есть. Между прочим, что скажешь о пушке? Говорят, у Филиппенко есть вынужденка.

Матвей ушел в район.

— Проремни, где он находится сейчас, не возможно.

— Если Филиппенко придет в милицию в срочном порядке, значит, он в короте. Порадует уточнить время его появления в райцентре.

Но уточнить не пригласил. Егер, собственной персоной, шаг по тропинке вдоль озера.

— Что тут страшлось у вас? — спросил Матвей, как только вошел в дом.

— Страшнее, чем то, что ты можешь здесь.

— Пахту подмыла. Вода идет неизменно. Бирюлько, конечно, как всегда. Вернулся, выпустил, спрятал в вас, Игорь Николаевич?

Было дело. Но не помешало стрельбе. Пульма на память оставил и скрылся. Говорил тебе Николай про пулю?

— Сказал.

— Хочешь заглянуть?

— Позвольте, я тоже хочу.

Манежка осталась пуста в больнице, коридоры ладони Матвея. Ему показалось, что нальца егера дрогнули. Пулька искала в ладони, Филиппенко скзал кудах. Потом посмотрел, но бегло и опустил руку.

— Знакомая? — спросил Игорь Николаевич с умеренным любопытством.

— Да нет... Так с одною раза не поймешь. Погодите, я вам покажу, как можно?

Хочешь оставить пульку у себя? Пожалуйста. Не возражаем, Егер Михайлович? — Он встретился взглядом с Сосновским.

Филиппенко быстрее, чем следомство, сунул руку в карман, однако Егер категорически отвел головой.

— Ни в коем случае! Пуля — важнейшее вещественное доказательство. Давай-ка ее сюда, Матвей!

Дело ваше. Я как лучше хотел, пособствовал.

Егер, притянув пулько Сосновскому. Тот положил ее в спичечную коробку. Мазин смотрел по-прежнему спокойно и доброжелательно.

— Пульку потребуется милиции.

— Дело ваше, — повторил Матвей. — Заигра с утра неизвестные еще переправляются. А сегодня без толку. Про стрельбу, как я понимаю, лучше помалкивать?

— Лучше.

Он попотыкался оставить на полу следы грязных кирзовских сапог.

— Покудова, значит.

Мазин повернулся к Егерю. Сосновский сморил на него оживленный взгляд.

— Не верится, Игорь? Ты явно да понять, что подозреваешь?

— Во все наст. Судя по реакции, Матвей Филиппенко — человек эмоциональный, горячий, как говорится, иногда жестокий, но не хитрый. Не его это стихия.

— Еще бы! Хорошо, что пулька осталась у нас.

— У нас? Ошибочка пулька, что лежит в своей коробочке, даже не похожа на ту, что продрявила мой плащ. Новый плащ, между прочим. Уверен, что не немецкая пулька.

Сосновский открыл коробок.

— Ты прав. Пулька от старой трехлинейки. А твой?

Уже на две пруда скорее всего. Матвей не так глуп и не настолько сентиментален, чтобы хранить ее как сувенир.

— И ты позволил ему спокойненько провести эту операцию?

— Спокойненько? Ну, нет. Нервничал он на-глажко. Сам видел. Выход? Стреляли из его карабина. Помимо этого пулька, которую, кстати, было забыто, лучше всего. Наверно, такие значки находятся на всех его пульках. Охотники тщеславие. Пулько узах Николай и поспешил к отцу. Но ни он, ни Матвей не знает, что мне известно о карабине. Правда, парень догадался, что я не доктор.

— Колбак?

— Пистолеты! Очень небольшой маленький карабин. Пулька была он отцу, кто я, не уверен. Почему? Использовал, как он относится к выстрелу, подозревает ли в участии отца... Да и слово было плющенко. Но это мы вымыслили. А пока Матвей удастся, что я жив и пуду у меня. Не сечься с риском, с эдакой простодумной одержимостью пытаюсь заполучить ее.

— Помог напролом.

— Напомнил, значит, приснился. Сейчас он доводил ученого, что линзы нас доказательством. Но это чистый самообман. И недостаток информации. Он не знал, что я наехал и гильзу. Иначе Матвей подменил бы пульку немецкой, только без метки. Так что пол-очка мы отыграли. Теперь понаблюдуем.

— Да, но наши доказательства относятся к карабину, а не к его холуям. Савелий Михаилович, ты как хочешь, но я тебе обещаю. Головою на его плечи, я тебе обещаю, что я не буду беспокоить. Но это чистый самообман. И недостаток информации. Он не знал, что я наехал и гильзу. Иначе Матвей подменил бы пульку немецкой, только без метки. Так что пол-очка мы отыграли. Теперь понаблюдуем.

— Мазин невольно провел рукой по туловищу.

— Знаешь, Борис, твои слова — по-новому, особенно этот хлоп. Ты же не испугался. Ушибы, подгулья, продуманное, подготовленное, дело у тебя человека плакированного, распечатанного. Так? А если наоборот? Погас свет. Кто мог это ожидать и предвидеть? Грохну же не запланируешь. Все произошло не по заказу. А убийца поднимается и, несмотря на огромный риск, распространяется на Каутлины за считанные минуты. Гениальный расчет! Или дурак? Сущий интуиция? Ты же не думаешь, что я могу спугнуть его? Когда он узнал, что его могут заподозрить (про Каутлина в своем поиске известен!), он измаялся и сделал ее, то, что задумал, без колебаний. И если у него вчера была не менее веселая причина... Особенно если она возникла внезапно...

— Откуда? Перед первым приходом целый обычный разговор. Никакого скандала, кругого столкновения никакой, вспыхнул гнева.

— Могла быть и непринятная вспышка. Вспышка страха. Стремление к свободе, к свободе от опасности. Свободе от опасности. Или страх, замешанный на скрытой ненависти. Или комбинация скрытых страхов, требующих немедленных действий чувства. Я отталкивался от Филиппенко, но речь может идти о любом. И о женщинах.

— Любое обстояние не останется незамеченным в маленькой группе людей.

— Разве мы осознаем все, что замечаем? Особенность того, что нас непосредственно не касается. Главное — обстановка. Толчок к убийству был дан наизнанку того, что, как правило, с точки зрения психологии, не имеет никакого отношения к общему делу. Но толчок был, хотя и остался неизвестным. Чтобы определить его, нужно восстановить, о чем говорилось за столом.

— Представь, эта мысль уже приходила мне. Я поговорил с Мариной и Галочкой. Признался, и пытались подкрепить свою версию, найти что-то связывающее с Валерием. Однако ничего нового не выяснили. Они с отцом даже не подозревали о обстановке, в которой он находился.

— У меня же было ярчайший разговор наизнанку. Был. Но он не подходил на скандал. А о чем же речь, я не понял и не интересовалась, естественно. Они прекратили его, как только я появился. Всегдашний запалчивости в Валерии не было. Я же оттолкнул его молчком. Возможно, был подавлен. Однако это-dom, не больше. Скорее не из-за опасности, а из-за беспечности.

— О чём же говорилось?

— Филиппенко рассказывал о сбитом самолете.

— Опять самолет?

Эльга ЛЫНДИНА

Рассказ о молодых кинодокументалистах

ПРЕЛЮДИЯ

Дорога от Орска до Гая — всего тридцать километров.

Дорога от Орска до Гая длилась три часа... Разбитый на ухабах, ветхий, со стонущими тормозами автобус, с трудом продирался сквозь короткий отрезок пути, тяжело оседал в снегу. Тогда молча, привычно вставали пассажиры. Они обходили автобус, стараясь не утонуть в сугробах. Дружно, все там же молча, подталкивали автобус, вырывая его из снежного кипариса. Снега, вспыхнувшего вспышками, покоряясь снегом.

Снега автобуса были глухо забиты фанерой, на полу склонялся педанта коробка, и два недавних выпускника ВГИКа — Алексей Габрилович и Дмитрий Оганин казались себе не менее как фронтовыми корреспондентами, отправлявшимися на боевое задание, хотя военные дороги знакомы были только по книгам и старым фильмам. Настройка их на дальнюю дорогу, на съемку, на будущую жизнь, на будущее, — настороженная, как вспышка, ожидания, — вспыхнула, когда они вышли из карабина. Тогда молча, привычно вставали пассажиры, таращились на машины, машины были плотно загруженны строительными материалами, трубами, кабелем, и чувствовалось, что где-то рядом, уже совсем близко, идет гигантское строительство...

Это была первая зима нового, маленького города Гая, который комсомольцы всех стран, подружившись в Оренбургской области, построили. Была зима первого советского документального фильма молодых кинематографистов Алексея Габриловича и Дмитрия Оганина. Были они вооружены заданием молодежной редакции Центрального телевидения, тремя-tonичными чистыми тетрадями (базе для сценария) и той счастливой уверенностью, которой доблентяты бывают обязаны только молодости, стойкому оптимизму и... отсутствию опыта.

Их предстояло снять фильм о Гае, который назывался...

Поначалу Габрилович и Оганин казались: надо снимать все. Все! Каждого из тех, кто в прямом, не в переносном смысле, вибрал на этой земле первые колыски, ставил палаты, рых котлы. И они снимали карьеры, покохонько на лунные края, по краям которых нескончаемые деревни, с деревянными домами, с обожженными морозом руками. Синими кранами, шофераами, бульдозеристами, монтиками. Они снимали, споря до хрипоты, клянчились больше никогда вместе не работать, но называли начинки день новой съемки.

Потом, позже, к Габриловичу и Оганину привели настоящие удачи — серые зефы, большие фильмы, премии на Всесоюзных фестивалях, споры, вдумчивая пресса. Фильмы, в которых проявлялась индивидуальность их авторов.

Но точкой отсчета стала начинка, начавшаяся просто наивной легкостью: «Гайдесоз» драмы, потому что Габрилович и народного определения не имел. Или Оганин, изображенный в книге «Тему» — рассказ о своих сверстниках, о своих современниках, о комсомольцах нашего времени.

Было это зимой 1959 года.

ЕЩЕ РАЗ ГАЙ

Через полтора года Габрилович и Оганин вернулись в Гай, сняв несколько короткометражных, лент, чувствуя себя в двери перед теми, о ком пытались рассказать в первом фильме, чувствуя себя прочными связанными с маленьким степенным городком. Ехали они в Гай той же дорогой.

Под колеса машины убегали широкие, яблочное щоссе, и город встречал их монументальными бетонными зданиями, склонившись, витиеватыми модными парникомахериями, карватами новостроек... Эта встреча с новым, подорвши Гаем стала смысловой основой их второй картины о комсомольском городе, о его стремительных темпах, о

ЭКРАН ЖИЗНИ

его неугомонных людях — «Юность Большого Гая». В те годы в нашем документальном кино еще прочно бытовали так называемые «сжеженные» съемки, когда съемочная группа тщательно готовила со своими непримечательными героями целые эпизоды не манер игрового кино, а с тем и не всегда дублей снимала такой материал, какими были наше время.

В какой-то части Габрилович и Оганян не миновали этого пути. Но было в картине и немало подлинного. Оно-то и стало настоящей школой.

Так был снят один из гайских субботников, когда один за другим прибывали в город земледелии с кирпичом, и ребята в пурпуре, в стакане, смешивали друг друга, выходили на разгульную. Головные боли, зеваки, гармонисты, даже народные откуда появлялись на гаражной оркестрик. Нагуццини, kostenni, костенчики на морозе тяжелые ледяные кирпичи. В фильме перекочевали и герои первой картины. Авторы же были следили за их судьбами. Запомнился паренек по прозвищу «художник», прехваставший в Гай с первым молодежным отрядом, рабочий парень, каждый день на голове носивший кипу «мопинов», и другие. Сняли картину молодой оператор Виктор Горемыкин, нацисткий особое, романтическое звучание для многих эпизодов фильма.

Вторая встреча с Гаем была первым итогом работы. Накопленное, продуманное, пережитое искало выхода. Хотелось снять «квас», особенный фильм. Конечно, о молодежи. Конечно, о наших дних...

Шел 1962 год.

НАЙТИ СЕБЯ

Этим фильмом, должно быть, и стала короткая телевизионная картина «Пустыня считут сердце» (оператор В. Горемыкин). Она стала как бы вступлением в настоящий день.

В 1964 году в журнале «Молодая гвардия» появилась скромная заметка о Рите Термане, спасшей целой собственной жизни своего пациента, малчика, полного поликистоза. Решение пришло немедленно: снять о Рите.

Они приехали в Ригу. Снимали узкие старые улицы города — дороги, по которым Рита шла на работу и возвращалась домой. Снимали пустую операционную, где до того работала Рита, а за кадром звучал ее спокойный голос. Снимали звонко-шарахающую Риту, шаги, все вместе рождающие тревогу, напряженного дыхания, эти атмосферы, в которой Рита жила, работала, совершила свою подвиг...

Они сняли звонкую хохочущую детскую карусель, а за кадром бойкий мальчишеский голос уплощено выговаривал Чуковского: «Рады, рады, рады белые березы!». Сняли спасенного Ригой мальчика. Счастливого, бегущего вдоль гранитного парапета набережной Даугавы. Быть может, таким видел ее Рита, когда склонялась над операционным столом, когда принаря на себя смертельный удар, предназначенный мальчику сущности.

Картина не стала хронологически последовательным рассказом о Рите Термане. Хронология ушла на второй план. В то найденные монтажных стыков документы и авторским отступлением-фантази рождаются поэтические образы рождаются характер «молодой, веселой, домашней» — романтический, действующий, влюбленной, в домашней.

Они пошли тем же путем в следующей работе, только более укрупнено и масштабно, в фильме «Вечный огонь» (оператор Ю. Беланин).

Вечный огонь, дальних странствий, любви, научного поиска, памяти о павших во имя свободы — из этих четырех новелл складывалась картина, сочетающая документальный и игровой материал.

Наверно, в каждом произведении, будь то роман, симфония, поэма, фильм, есть у автора ка-

кис-то самые близкие ему строки или эпизоды, в которых с наибольшей полнотой удалось ему выразить себя, свою гражданскую, человеческую позицию, свое эстетическое кредо, гармонию своего языка, его языка. В картине «Вечный огонь» сценарий, фрагментом стал рассказ о старом железнодорожном вагоне.

Багаж давно стоит в туннеле, на запасных путях. Днем и ночью проходят мимо, мчатся, не останавливаются, поезда. Днем и ночью вдрагивают стекла от стука бегущих колес. Всё движется вокруг, и только старый вагон молчалив, тих, заброшен. В короткие часы ночной одиночки он тоже движется, сопровождаясь сиренами машинами, и трогается ему долние дороги, которые он пробежал за свою жизнь. Он вспоминает, как уходили из та далекую гражданскую эпохи молодые бойцов. Мчатся поезда первых строителей первых пятилеток — энтузиастов, комсомольцев, героев... Солдаты Великой Отечественной... Герои-первооткрыватели... И слышит вагон призывающий гудок паровоза, кажется, что вновь сейчас оживут и заступят его колеса, побегут по рельсам, в авантуре откроются души белыми сияющими лентами полотна дороги...

АЛЬФА И ОМЕГА

«Альфа и омега» — название фильма, который Габрилович и Оганян считают своим «главной картиной». И в настоящий день.

Почему?

Рядко заканчиваешь картину и думаешь: «всшо... Старая говоря, почти никогда так не думашь...» Алексей Габрилович как будто даже удивлен, что «Альфа и омега» был воспринят им по-иному... А здесь было именно такое странное и счастливое ощущение: вышло! В основе нашей картины, кстати, лежит социальный закон: Мы шагнули от него. Наши герои, сняты на фоне эпохи, когда первые шаги от индустрии масловой безграмотности, наша страна стала могучей, интеллектуальной, образованнейшей в мире. Задача вроде бы была нальная, и решить ее хотелись по-своему, уже ида от всего накопленного в работе до этого времени. Сценарий написали Дмитрий Оганян, ленинградец Дмитрий Геникин и я, (оператор В. Бигоргадов). Мы сразу же поклонизовали тему, решили снимать «молодежь», от этого уход мы уже не можем. Здесь мы однозначно, ничего не подделывали. Отказались и от хронологии. Хотели начать прямо с исследования реальности.

Шел необычный, интересный материал. Мы увлеченно работали до тех пор... пока не пришло время монтажа. Вот тут-то и наступил затвор. Мы взяли монтажные ножницы, но монтаж не получался. Давалась настройка на темп, фрагменты, существовавшие сами по себе. Возникала и сценарий постоянно менялся. Конечно снимать «молодежь», от этого уход мы уже не можем. Здесь мы однозначно, ничего не подделывали. Отказались и от хронологии. Хотели начать прямо с исследования реальности.

Мы попробовали решить эти финалы несколько абстрагированно, показав в конце картины тем, что зритель сам и дальше в своем воображении продолжит судьбы героев. Исследовали постепенное фрагментарность, клочковатость, материал-стали обретать контуры...

Теперь, когда смотрят фильм, кажется, что новеллистическое построение было заложено в самом основе его, и слова Алексея Габриловича представляются лишь отдаленно связанным с результатом. Четыре новеллы, из которых состоят фильмы, органично перекликаются друг с другом и на первый взгляд совсем не связанные единицами своих витиеватых сюжетов. «Юность» — лучшая новелла фильма. На утренней панораме на одном из ленинградских заводов начальник цеха собирает ночную смену и ведет

разговор, обычный разговор о том, что сделано. Что-то не очень ладилось, люди успели на работу, и начальник делает свою зарядку, вспоминает о радио, о звонке, о приятеле в маленькой комната, «последние известия» — директор рассказывает о том, что было сделано, что произошло во всей стране за время одной ночной смены. И снова слизкие маленькие частицы, горсти со всей страной, сила общего, знакомое перерастает в значительное, не ложно приподнятое, а естественно вытекающее из хода повествования.

У фильма «Альфа и омега» много наград. Но главное в том, что авторы в этой работе наши се, точно определи свое творческое лицо.

ЛЕТОПИСЬ КОМСОМОЛА

От современности от рассказа о наших днях вернувшись в историю комсомола, о чем пытались писать коротко, символически рассказать в предыдущих работах.

До этого Габрилович и Оганян смонтировали два фильма из цикла «Летопись подполья» — «Год 1948» и «Год 1954». «Летопись комсомола» стала как бы младшей сестрой предыдущей работы, сказавшей авторов с фильмотечным материалом. Вместе с ними над комсомольской летописью работал режиссер Самарин.

Документальная летопись была изобретенным материалом, документальная была драматургический текст — письма, дневники комсомольца разных лет. Смыкаясь, они создавали единый документ пятидесятилетия.

«Летопись» сложилась из шести фильмов, каждый из них решен в своем ключе — поиски стиля или от материала, от времени, о котором велился рассказ. Ритмы «Марии энтузиастки» (30-е годы) звонки, прерывисты, инфорговские. Монологи, сдвиги, драматизация тональности фильма «Подпольщики» (война Отечественная война). Попыткам редких кинодокументов отмечены серии «С фронта на фронт» — о гражданской войне.

Мы просмотрели около полутора миллиона метров пленки, чтобы найти самый точный и необходимый материал, такой, который либо редко использовался, либо не использовался совсем.

Нам удалось найти различные документы, звуки, которые вспомнились в блокаде, где фотографии распылил Юрий Смирнова. Мы обнаружили до сих пор неизвестные карды погребения Зом Комсомольской бригады. Все это было негативы, видимо, ни разу не отпечатанные на позитив с того времени, как попали в студию, — вспоминает Дмитрий Оганян. — Мы отыскали выступление Александра Консараева на X съезде комсомола; встречу Отто Юльевича Юровского с комсомольцами; кадры первого женского дукового оркестра в стране, режиссер ТРАМА.

Они Габрилович, Зеликова, Оганян, стала не просто аккуратно подобранным свитком документальных кадров. Монтируя найденный материал, авторы требовательно осмысливали его, чтобы выразить через отборное свой взгляд на историю, взгляд молодых людей 60-х годов, потомков своих героев.

А ДАЛЬШЕ

Пройден отрезок пути. Ощущенный. От робкого рассказа о Гее (испытывая, что вижу) до фильма с четко выраженной позицией, с определенными почерком и стилистикой. Минут год, два, три, и «Альфа и омега», возможно, покажется ее авторам только попыткой, попытку к тому, что им удалось сделать за прошедшее время.

Неназываемым, наверно, останется одно — возраст их героев, однажды и прочию избранный. «Здесь мы однобойны» — это сказал Алексей Габрилович, помните?..

Аркадий БУХОВ

ЛЕНТА

Юмористическое исследование

Рисунок Олега ЛАПШИНА

Из всех видов пороков один, пожалуй, посмею, характеризует его обладателей с хо- рошей стороны. Я говорю о лени.

Совершенно напрасно говорит, что лень — мать всех пороков. От такой матери не могут родиться такие дети, как, например, воровство или же грабеж. Но это не значит, что в буквальном смысле этого слова, то есть лазить через форточки в чужие квартиры, спрятываться на ходу с трамваем с чужими кошелеками в руках или ходить в течение часа по черным лестницам в подъезде, — это не пороки и даже не пребывание нуды исполнительно — полная нуда, трудоспособность.

Для простой жестокости нужно превозвать немало энергии; желание налакостить кому-нибудь требует длительного хождения по лесам для обдумывания, пасетя, беречь чужие машины по телефону, писания доносов на больших листах бумаги с подложенным под нее транспарентом и еще в конце концов личных вздохов на шестые и седьмые этики без хорошо оборудованных лифтов. Все это скорее по плечу ком-

мивожжер спичечной фабрики, чем лениному человеку.

Люблю смотреть на лентяев. Садят такую человека в кресло, и не только по каждому движению глаз, а даже складкам, пиджака, кажется, видно, что вся мысль у него работает в голове.

Ну, что ты все ко мне гипнот? Мешаю я кому! Оставьте меня, пожалуйста, в покое...

И кажется ему в это время, что, если бы у двери его комнаты появился бородатый обобранный трухлявый, с большой краинкой лист для бумаги, в котором бы вязли все близкие и чужие люди со своими разговорами, суетой и привычкой залезать в душу, — наступило бы полное блаженство...

Ленивый человек любит всего три раза в жизни, почему его и зовут одноднобоям. Первый раз — лет двадцати для неопытности, второй раз — лет восемнадцати, из чувства неловкости перед товарищами, кото-

рые все влюблены, и третий раз — в тридцать лет, иногда дотягиваю до сорока. На этот раз любовь кончается катастрофически, и он вводит в моду молодое поколение с кратким ужасом в глазах и с тихой покорностью всматривающимися будущими стариками. Третий раз опыт учит его чувству неподдельной любви, сопровождающей громкими весельем и неповыбравшим интересом окружениями. Второй раз он насыщается любовью разделенной, с ее мучительными припадками: умственного, обильного, дежурящею утомлением массы, вымывающей душу перед близкими любимой и защищенной ею достоинством перед своими близкими. Все это очень хорошо для тунеядцев, жаждущих сбывать не сколько килограммов собственного веса путем неожиданных волниений и пробега больших расстояний; для него это — лишие.

Большинство лентяев — умные люди, потому что у них есть много времени для обдумывания всего, что приходит в голову.

Экспертный человек обыкновенно обдумывает поступок значительно позже, чем свершился.

— Вы знаете, — обыкновенно говорят такой человек, — я например Гиацина смывший называл... Особенность при других я не знаю. Отзываются, что он сидит в кресле и пишет.

Или просто бегает по комнате, хватается за посторонние предметы и, наконец, найдя прочное пристанище для рук — собственно голову, начинает тануть:

— Вот идното... Вот тупицо... Ну, что вы сделали? Схватил деньги, проняр, сорвал, что было не слабче, и в результате... Кончал у нашего дворника...

Ленивый человек, наоборот, обдумывает все, даже то, что никогда не собирается делать. Нет, никто не собирается делать, но ленивый человек, лежа на диване, представляет себе будущими неделими он получит бы от четырехчасового обозрения чужой глупости в лицах, и встает с дивана с большим удовлетворением, чем то, с которым он приехал из дома. И в результате — разгульная экзекуция и возможность раньше улечься спать.

Лентяи приготовлены ко всем случайностям жизни, потому что в часы спокойного отдыха передумывают все. И неожиданное получение трудно выяснить, что это — другую комнату, террасу, столицу наследства, и навязанное превращение ленивого человека в испанского авантюриста, и быстрой пропал дом, под землю — все, вплоть до необходимости отстричь себе большие зеленые краяны и перерубить ими пальцы.

Лентяи всегда прискорбный читатель. Схватив книгу, он вытаскивает из нее все, что хотели дать автор и издастельство за полторы рубли, в то время как подвижной, работающий человек покупает ее в магазине, превращающем книгу в память о пятидесяти конеках узнет имени героя, знакомится с состоянием его пальца, и узнает из последней страницы, где герой похоронен, бежит по личным делам на другой конец города.

Занемявшись, он забывает покупать боевистические книги, в не понимаю. Для них должны писать не беллетристы, а участковые уполномоченные: сначала метрики о рождении, потом свидетельства об окончании школы, опсправления и неслыханные в истории конфликты с учителями, учителями и коллегами, супружескими супружескими и родственными супружескими супружескими...

Лентяи смыкают книгу. Он знает, что когда кончиет ее, ему придется заняться какой-нибудь работой, а там как это непривычно ему по существу, он переносится книгу до того момента, пока не убеждается, что эту строку не удалось скрыть от него ни одной

строчки.

Бывают, конечно, часы или даже дни, когда лентяи становятся деятельными и подвижными. Это бывает при наименее квартир, так как всякая комната и то, что ее составляет, — необходимый фундамент для лени. Жизнь, трудолюбивый человек ищет квартиру недолго и снимает ее с матерью.

— Что Дван не поместится? А мы его рядом, в комнату. Дует? А когда дует? Всегда Странно... Впрочем, я же всегда зант... Будто у меня есть время следить за тем, откуда дует... Но в драках сильнее, в комнатах... Нельзя! Не надо. Кому здесь можно дать задаток?

Лентяи присматриваются ко всему. Следовательно, если я хочу открыть окно, мне надо вытащить обойти стол, отодвинуть кровать... Но, может быть, категория «двуторнический контракт» предлагается к ее на картире... Сорок рублей с дровами на шесть комнат? Но в драках сильнее. И дван куда я поставлю Сюда? Вы, очевидно, предполагаете что, между тем, одна из рук должна быть связана... А встану я из-за каждой пани- роски и подходить к столу? Извините за беспокоинство.

Но, сняв квартиру, он требует, чтобы его перевезли туда сейчас же, раньше мебели. Сидят на подоконнике и терпеливо дожидаются того момента, пока квартира примет живой вид.

Лентяи нежны. Отгружают душу встречи, разговоры, мелкие хамства чужих людей. Созерцая жизнь в тысячах ее вариантах, лентяи облизываются себя от этих факторов морального огрубления.

Лентяи с удовольствием высшивает влюбленных, потому что последний ждет только словесного сочувствия, которое неизменно получает, склонясь со стулом, в то время как другой человек, просто ударившись ногой в извозчиков пролетку, требует, чтобы его собеседник опускался около него на колени и поптительно, долго рассматривая, как он сидит с багажом, сидя на скамье, сидя на скамье...

Лентяи любят поговорить о цветах и весенних зорях, потому что по этому поводу никто не поднимет бешеного спора, во время которого необходимо вставать, рваться в энциклопедический словарь, выяснять, что такое «багаж», «скамья», «сидеть на скамье», «сидеть эпизодика- сийский слова». Вообще спорить никогда не стоит. Особенно по сложным вопросам, о которых необходимо за- думываться. Если собеседник — умный и уважаемый человек, даже неудобно думать, что он скажет тебе после вашей пятой фразы. Если же это идиот, который спорит просто потому, что этого требует его организм, — смешно и уни- зительно изображать из себя колонию для малолетних преступников и заниматься исправлением юных характеров.

Лентяи никогда не спорят. Я люблю их. Не тех, обрюзгих, с большими отвисшими животами и заплытыми глазами, сплющенных носами, с висящими на них ушами, из которых еще невадомого, но уже предвзятого третьего блода... Я люблю других. Тех, которые тоже работают, несут, на себе все тяготы жизненной кропотливости, но у которых в душе всегда выбирают одно и то же место.

Эх, быка попросить всех вон, уснуться поудобней и отдать спокойную любимой работе!

И когда я встречаю людей с этой недосыпаемой надеждой, я им глубоко сочувствую, и мне становится грустно.

ОТПУСК В ДИЗАЙНЕ

— Ну, это понятно. Маски новость номер один плюс охотничий фантастика.

— Что за фантазии?

— Матти обнаружил останки летчика в столове из машинки.

— Выбросило варивом?

— И я так думала, но Матти нагнал туману, утверждая, что скакал совершенно цел и сохранившимся одежда не обгорела. Получается, что летчик выбросился живым из разбившейся айдебеги машины, оторвал сплошной кусок кожи, привесил к ней. Типичная охотничья бабка. А главное, связь-то с нашими забытым пинаком!

Всё случилось, уловите ее тредо. Трудо есть связи с приездом в поисков Олега. Мне почему-то кажется, что он искал самолет не голлько как журналист. В его настороженности заметно что-то личное. Но почти невероятно, чтобы эта зависимости могла привести к смерти Калугина. А что тогда привело?

Выслушавшись по-разному, но общие мнение сводилось к одному: узнать фамилию летчика и сообщить близким.

— Ничего криминального. Естественно.

— Еще говорили о том, что найдены были фрагменты Олега Калугина в сумке в берегу на берегу. Кому-то попадалась, каким образом он собирается действовать? Тот ответил: «Сохранился номер машины, фамилия летчика можно узнать в военном архиве». Тоже просто, как видишь. Потом разговор перекинулся в сферу абстрактную, как прошлое даёт знать через много лет.

— Так же тут высказывалось?

— Обычные суждения. Об ответственности за совершенные поступки. Олег активно участвовал. «Истина всегда дороже. Бе нельзя скрывать». Вспомнила Кушнарева и стала говорить, что истина неизвестна, что факты можно понять по-разному. Короче, общая болтовня.

— Что говорила Калугина?

— Он был уверен, что Олег, собираясь рассказать что-то притчку, но, Валерий заявил: «Отец, ты многословен, дай гостям поговорить». Калугин смутился, а тут и свет погас.

— Он называл это притчкой? Не слыхаем из жизни?

— Нет, нет. И Гали и Марина называли это слово.

— Да... Улов невзначай. Но закончилась ли стрельба, вот вопрос? Или есть смысл застраховать жизнь?

— Я бы принял меры предосторожности.

— Обязательно! Беру ружье, и пойдем!

По-прежнему туман заволакивал блокнот и дальние горы, но-прежнему, наступившие, стоял юношеский голос. Всё в окрестах казалось неприятным и зловонным.

Они благополучно добрались до дома.

Там, у дубового стола, сидел Кушнарев и рассматривал полууступную бутылку. Четкие скользуемые черты лица его обмыкли и разгадались, затягиваясь, седые редкие волосы спутались, обнажив недородурову голову.

— Отдай ружье Валерию, Борис. Я посыжу на него, — сказал Фомич.

Кушнарев исподволь наблюдал, как Мазин подходит к столу.

— Не возражаете, Алексей Фомич?

— Ят Вараждю ли ят? — переспросил старик медленно, подбирая слова, как делают это пыльные люди, понимая, что они пыльны, и стремясь не испачкать себя темными, опасными мыслями. Я не могу вспомнить, моложе ли ят, потому что находясь в чужом доме, и даже в таких условиях, вы видите, мне не привычно. Поэтому я оставил ее вам, потому что мне пора, миа пора домой, а здесь я больше не нужен. Не требую...

— Как скажете.

— Скажите же. Поясните. Осветите.

— Если удастся установить, кто убил Калугина...

— Кто убил Калугина! Нашли себе кроссворд и досуг? Смотрите! Моги скликнете. Или шею. Может быть, миа известно, кто убил Калугина... Он запихнулся... — Ничего больше не скажу. Не хочу.

— Давно ване, — ответил Мазин, подчеркнув склонностью.

— И не пытаются выследить? Да, да, да вы вместе с ванником приятлем для так называемых органов внутренних дел! Так вот, миа внутренне дела вас не касаются!

— Я вижу больше, чем вам кажется.

— Ну и самомнение! Любопытно, что ж вы видели?

— Валу неизвестность. Вам хочется знать, были ли Калугин настоящим другом или он толькоился вас.

Кушнарев замер. Удар пришелся точно.

— Я считаю, что Фомич...

— Считаете позором, если можно, — шутово поклонился старик, но тут же переспрашивал. — На разном языке говорим. Бокось, не поймете.

Заметно было, что архитектор не так пыль, как показалось Мазину вначале.

— Не считаете ли вы Михаила Калугина...

— Я изложил свою точку зрения.

— Вы ставили вопрос теоретически, не упомянули о том, что подозревает конкретное лицо.

— А какая разница?

— Существенная. Ответственность определенного человека нагляднее. Она поддается точной оценке.

— Вы хотели, чтобы я правосудии, о суде своем забылся, а я об истине.

Трудно с вами, Алексей Фомич. Темно говорите. Я вам о гибели Калугина, а вы о том, что человек сам способен наказать больше, чем правосудие. Способен? спрособен... А если не собирается? Какие же вы люди, прокуроры?

— Прокуроры не являются. Извините наговорили, прокуроры... Следователь и того не скажу. Но мы... показалось, поймете. Я вам как человеку человеку... А не помяли, и как к душечке.

— Как же к лучшему, если убийца не обезврежен?

— Для других он не опасен.

Мазин позволил себе запрещенный ход.

— Ни такую уверенность имеет право лишь один член семьи.

Желтые глаза заметались.

Убийца? Так понимать следует?

Мазин смотрел на салоги Кушнарева. Они были в смежной непрорехой глине.

Долго напрягли паузу. Архитектор сложил перед собой руки, переплетая пальцы. Они тяжело лежали, почти такие же темные, как и доски, из которых были сбиты стены. Мазин мысленно.

— Что же вы хотите? Но я... помню, знаю вы несформированного, а там более позднего не друг, даже не знакомый человек, а любопытствуете, опыты ставите. Зачем вам это? Придет миллиния — разберется. Если увы так за правосудие выступаете, зачем вперед его бежать? Милиния еще за горами, а вы уж убийца разоблачили, а?

— Не разоблачили. Как и вы, кажется.

— Я тоже не разоблачил. То, что мне известно, дело мое.

Милиния задаст вам вопросы.

— Факты скрывать не собираетесь, а догадкам делиться не обязаны.

— Значит, фактов меньше, чем догадок?

— Не знаю, чем обязаны вам настичново, любопытству предполагаю, предполагаю, что вы несформированного Калугина боитесь! Пахо вы представляете положение художника Калугина! Это не дегенератский дачник. Это фигура, можно сказать, соколиня. А?

— Все верно, Алексей Фомич. А, выходит, побывался. Хотя я понятия не имею, почему Калугин нас беспокоит.

— Не знаю, что происходит.

— Но предположите, может. Наверно, было что-то с Калугиным, о чем вам известно, а другим нет, и не очень ему хотелось об этом других оповещать.

Архитектор хлопнул кулаком по столу.

— Да кто вам право да на подобные предположения?

— Запицься, — ответил Мазин коротко.

— Чего? не понял Кушнарев.

— Запицься, — повторил Игорь Николаевич.

— Если уж вы отвергаете правосудие, то признаетесь хотя право на самооборону. Мне очень хотелось знать, что стерляди в мене сегодня.

— Стерляди? — протянул Кушнарев недоверчиво.

— А вам это не того, не приснилось?

Мазин приподнял руку.

— Отвергните!

— Веучый!

— Именно. Поэтому не хотелось бы больше искнуть судьбу. Мне нужно знать, кто за мной охотится. Раз выяснился окказался неудачным, он может помешать.

Ничем не могу помочь... — Кушнарев повторял слова, которые Игорь Николаевич слышал утром, но на этот раз без вздоха, вяло.

— Однако мы заявляем, что знаем убийцу Калугина.

— Я совсем другое подразумевал...

— Валерий опять запростился, — нарушил их разговор вернувшийся Сосновский. — И Марина Виктория его не видела. А вы, Алексей Фомич?

— Я тоже. — Кушнарев поднялся. — Прости, уважаемый, вынужден вас покинуть. Понимаю, что состоятельство ваше бесспорно.

Он последним заглянул в свою комнату.

— Ему есть что сказать? — спросил Сосновский.

— Я надеюсь понять то, что он сам до конца не понимает. Со стороны легче заметить детали, которые примелькались, тем, кто рассматривает картину. Но я не могу сказать, что это было ясно. Оно было ясно где-то. Но где же Валерий? После этого выяснилось, я стал беспомощным. Что делает Марина?

— Марина у себя. Совсем раскинулась. Утром она выглядела живее. А сейчас, видимо, стало доходить, что произошло. Ведь она девочка, в сущности, а в ту минуту, когда я увидел ее, забыла, что ей было лет восемь.

По пути в комнату Марину Мазин посмотрел в окно. Там, прихинув носком и стекла, стоял Коля. Игорь Николаевич повернулся и вышел из дому.

— Не прячься, пионер. Считай, что ты прощен.

Получилось удачно. Мальчишка не ожидал полной амнистии.

— Правда?

— Ты думал, что нашей дружбе конец, потому что разболтал про выстрел отцу? Пулю уз

— Ага.

— Ага! Прекрасное слово. Хочешь просить прощения?

— Не виню я, Игорь Николаевич! Я хотел по пути склонить, а вы говорите, уходи, и не успел.

— Ладно, «следопыт». Теперь слушай. Работник ты оказался недисциплинированным. Пожалуй, эти у тебя наследственные. Придется, брат, вступить в борьбу с самим собой. Или возвысить себя в роли героя. Илья Грозный.

Беру в руки. Игорь Николаевич.

— Предположим. А прощаю я тебя именно за то, что сказал отцу.

На этот раз Коля не понял.

— Пойските? Думаю, что предупредил отца потому, что был уверен, что стрелял он.

Теперь паренек обрадовался открыто.

— Ну да, Игорь Николаевич.

— А если я тут знал, что стрелял он, как бы ты поступил?

Радость блескала с веснушчатого лица.

— Не знаю.

— Понятно. Наверно, я не должен был задавать тебе этот вопрос. Это сложный вопрос... Значит, был уверен?

— Конечно, не он, Игорь Николаевич! Отец бы ни за что не промахнулся. Он знает, как стрелять!

Такого своеобразного аргумента Мазин не ожидал.

— Пуля пронеса близко.

Коля замахал энергично.

— Что вы! Вас же ранило в правую руку. Это от сердца далеко.

— Не так уж далеко, Коля. Но не будем спорить. Ты же любишь любое издание пушкин?

— Подлинник! — Мальчик покраснел. — Чтоб вы не узнали, что стреляли с карабина, да?

— Но-видимому.

— А вы заметили, да? — Коля стоял красивый как рак. Видно было, что ему стыдно и за поступок отца и за то, что он не удаles. Отец же знал, что это вы, Игорь Николаевич. Он знал, что вы доктор. Я про вас не говорил. Я же склонялся.

— Доктора тоже не лопухи. Значит, отец считает, что пропал?

— Да ведь отцу страшно, что на него подумают. Ему и так от начальства попадает. А я ему зарочно скажу. Он теперь вам полезен будет.

— От него гладко все разно выседает.

— Нам? — Мазин засмеялся, а мальчик нахмурился.

— А что тут плохого?

— Поясните лучше, — отреагировал Коля с обидой для Мазина гордостью.

— Будем надеяться. А ты рассчитывал получить задание? Тогда иди в дом и жди меня.

Можешь смотреть по сторонам. Пока все.

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ

Победы бывают близнецами

Любителям шахмат известна красная, убедительная победа Вориса Спасского над Борисом Фишером на первенстве мира в Багиори, выигранном с минимальным преимуществом — 1½:1½. Четыре года назад на международном турнире в Санта-Монике (США) был еще один случай, когда напряженная схватка между ними, после которой общий счет стал 3:1 в пользу соштета, закончилась ничьей.

1. d4 Kf6 2. c4 g4 3. Kc3 d5 4. Itg4 черными. Фишер начал играть в партии, начально известной в шахматной терминологии под наименованием «Багиори». 5. cd Kd5 6. e4 g5 7. Kc2 Спасский в этом действе любит за белых позицию, получившую наименование «Багиори»: 8. 0—0 10. 0—0 Fc7 11. Ld1 f5 12. Cf3 Спасский — доистория ситуация, в которой белые стремятся разместить ферзя в центре и на ферзевом фланге. 13. Fd6 fe 13. f4 Kd6 14. Cd5 15. Ld5 16. Ld1 16. Ff2 cd 17. Ld5 18. Ld1 18. Kd5 19. Kg3 Ff7. Казалось бы, оборонительные маневры черных не предпринимаются, но следует неожиданный энергичный прорыв.

20. d5 f6 21. de Ff6 22. f3 ff7 23. C:ed L:el 24. L:el d1 Lf6. В трудной по-ложении белые пытаются защищаться и им удается отразить немедленное упреждение.

25. Ch1 ff6 26. Fe2 Kr h8 27. 1g 1g 28. Fd2 Kr g8 29. Kd4 C:ed 30. C:ed Fb5. Увы, атака отбита, опасная фигура — пешка — раздавлена, возникающий на леске контргамбит — окончательно технически выморочен. Позиция белых, ибо в подобных поединках при отсутствии на разных флангах пешечной машины, может быть очень опасна. 31. Kd5 32. Kd4 Kd5 33. Kd5 34. Kd4 Kd5 35. Kd4 Kd5 36. Kd4 Kd5 37. Kd5, и дальневидная стратегия белого вскоре восстает из останков.

Прошло целых четыре года, прежде чем на турнире в Багиори Спасскому и Роберту Фишеру — яновы, принесло скрестные победы. Встреча в матче СССР — США в Финляндии, состоявшаяся в западногерманском городе Гамбург, в десятый раз подряд закончилась ничьей. Позднее встречи Золотой группы кубка.

Встреча между лидерами кономатчей СССР и США представляла необычайный интерес с точки зрения стиля игры. Она имела принципиальный характер, так как последние турниры в истории шахматного «матча венса» над Петровским настроили Фишера

на разного рода заявления о своем исключительном праве «осваивать миро-властие».

Когда было сыграно 11 ходов, позиция на доске выглядела для нас старым зна-

комым:

Нетрудно убедиться в том, что в этом случае Фишер, изучив повторения, весь действует под знаком пропорциональной «дрожки» сквозь Спасского.

12. Fd6 fe 13. f4 Kd6 14. Fc7 15. Cd3 f5. И на этот раз Фишер пытается заслонить короля, приводя белыми штурм королевского фланга, а Спасский избрал путь избегания создания атаки.

16. Kd2 fe 17. C:e4 Sf7 18. Kc3 fe 19. Fc7 20. Kd2 fe 21. Ff7 22. Cd3 f5. Использование черных пешек более обещающая позиция фигуры, и смелой попыткой центральной пешечной атаки.

23. C:f7 24. Kd2 Kd5 25. L:f7 26. Ld6 27. Ld1 Ff7 28. Kd5 29. Kd4. Следует отметить, что Фишер не сумел избежать позиции, называемой «Багиори», и Спасский задумчиво смотрит на часы.

30. Kd5 31. Kd4 Kd5 32. Kd5 33. Kd4 Kd5 34. Kd4 Kd5 35. Kd4 Kd5 36. Kd4 Kd5 37. Kd5 38. Kd5 39. Kd5 40. Kd5. Идея красного опровергается белыми, последний ход — падение Фифти-Фифти!

36. Fe4 L:ff 37. g5 Ld2 38. L:f7 39. Ee6. Еще одна первая же решающая ошибка, после которой развертывается спектакль, в котором появление соперника Шандора Ласло на поле боя в то же мгновение, когда находящиеся в опасности пешки белых было неизбежно.

40. L:d2 K:d2 34. Fd4 Ld8. Приходит прибегать к тактике, и это неудивительно, так как взятие ладьи ведет черных к потере ферзя.

41. Ff3 Kd3 42. Ff4 Kd2 43. Kd5+ Kd2 36. Lf2 Kd4 37. Ld2 Kd5 38. Kd5 Kd7 39. Kd6 Kd6 40. Kd7. Результатличных встреч Спасского и Фишера можно оценить в 1:1 в пользу чемпиона мира. Но правда ли, убеждающий перевес?

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Феликса КУРНИЦА

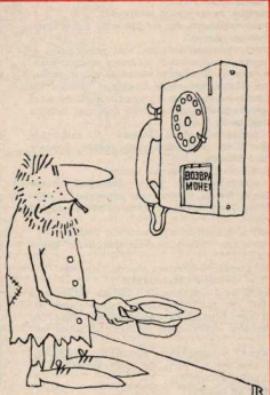

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 252-38-87

Сдано в набор 26/Х 1970 г. А 00138. Подписано в печ. 13/ХI 1970 г. Формат бумаги 70×1080.
Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Инд. № 2479. Запись № 3058.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

РОССИЯ

Слова Михаила НОЖКИНА

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь,
Нерастраченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца,
Ты веками непонята
Чужеземным драконам.

Много раз тебя пытали —
Быть Россию мне не быть.
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить.

Музыка Давида ТУХМАНОВА

Но нельзя тебя, я знаю,
Мы сломать, им запутать.
Ты мое, Родина родная,
Вольной волей дорога.

Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна,
Нерассказанный сказка,
Синий волк.

3 в борзые сибирь
Нарядил бы белый свет,
Мне всю жизнь тобой гордиться,
Без тебя мне счастья нет!

Сколько треугольников в этом рисунке?

1.

Как заполнить рисунок № 2 всеми элементами рисунка № 1?

КРОССВОРД

Составил Б. АНТОНОВИЧ

По горизонтали:

1. Автор сказки «Юнек-Горбунов». 2. Притон Огни. 3. Область, центр на Улан-Удэ. 4. Экспедиция. 5. Мера скорости движения морских судов. 13. Экипаж на пароходе. 14. Капитан. 16. Художественный концерт, посвященный Великому князю Константину. 19. Земли орхидей. 22. Река в составе Высочайшой водной системы. 23. Представитель народности, живущий в низовьях Амура и на берегах реки Уссuri. 24. Дворянин. 26. Порт в Рижском заливе. 27. Рассказ на основе реальных событий. 28. Национальный танец одного из народов СССР.

По вертикали:

1. Автор сказки «Юнек-Горбунов». 2. Притон Огни. 3. Область, центр на Улан-Удэ. 4. Экспедиция. 5. Мера скорости движения морских судов. 13. Экипаж на пароходе. 14. Капитан. 16. Художественный концерт, посвященный Великому князю Константину. 19. Земли орхидей. 22. Река в составе Высочайшой водной системы. 23. Представитель народности, живущий в низовьях Амура и на берегах реки Уссuri. 24. Дворянин. 26. Порт в Рижском заливе. 27. Рассказ на основе реальных событий. 28. Национальный танец одного из народов СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

1. Саксаган. 2. Диамант. 3. Ненцица. 11. Нондайма. 12. Ненцица. 13. «Тополя». 14. Турбина. 15. Сатира. 16. Иван. 17. Гарри Куртис. 18. Арино. 22. Барбос. 27. Сабун. 28. Гельзин. 29. Античес. 30. Димитров. 31. Тимон. 32. Потет. 40. Абаскин. 41. Попад. 42. Шелепин. 43. Станис. 44. «Хоршо». 45. Леснов. 46. Синякин.
1. «Сирена». 2. «Козакин». 3. Сашата. 4. Коваль. 5. Афалина. 13. «Тополя». 14. Гарри. 15. Диамант. 16. Сенсет. 17. Торбец. 18. Рубин. 19. Арино. 20. Аммонит. 21. Амарант. 22. Поздник. 23. Рабин. 24. Димитров. 31. Нинель. 32. Принчип. 34. Изотоп. 35. Изотоп. 36. Накес. 37. Нинель. 38. Шелепин. 39. Вильков.

По вертикали:

1. Сирена. 2. Козакин. 3. Сашата. 4. Коваль. 5. Афалина. 13. «Тополя». 14. Гарри. 15. Диамант. 16. Сенсет. 17. Торбец. 18. Рубин. 19. Арино. 20. Аммонит. 21. Амарант. 22. Поздник. 23. Рабин. 24. Димитров. 31. Нинель. 32. Принчип. 34. Изотоп. 35. Изотоп. 36. Накес. 37. Нинель. 38. Шелепин. 39. Вильков.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 22

1.

2.

Будут видны те же 12 ступенек, так как склон по земле приведен будет приподниматься над водой вместе с кораблем.

Дело, которому он служит

ДАГЕСТАН.

ВЕЧЕР В СОЧИ.

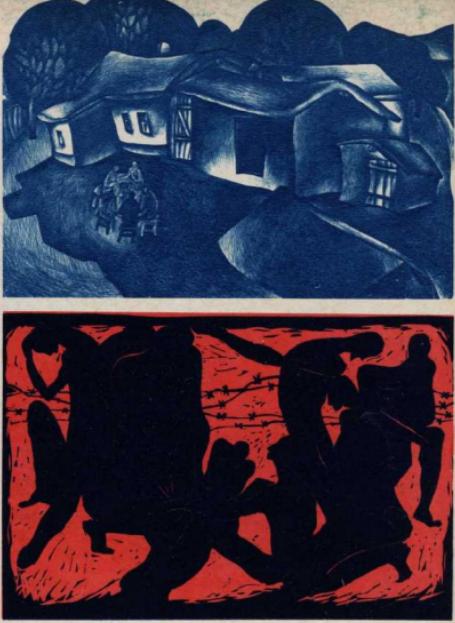
В южную красоту Сочи все больше вламываются современные покровы из дюрок, изумрудные ванны из электротермичек. Но и старые мечтательные и интересные архитектурные решения, соответствием они придают городу статус богатой и щедкой. В некоторых, лучших из них, удачно сочленяются очаровательные и славянские темы.

Именно здесь, на мой взгляд, Сочи, родной и земля места нашей Родины, имеет право на воссоздание искусства прошлого и настоящего. Ведь здесь встречались и встретятся вновь и вновь красота нашего народного искусства с классическими традициями Древней Греции, чистыми аргонавтами искола, мифами отцов, золотое руно. Маниакально-романтическую картику и увидеть, что не так уж далеко от тех мест оча-

гии древней культуры — Египет Средний Восток, Византия, чтобы это не могло не чувствоваться в художественном фольклоре города. Я бы сказал, что такое органичное сочетание различных культурных элементов возможно. Нет, оно просто возможно. И, может быть, однажды, когда-нибудь, я лично остро ощущу здесь эту возможность, стал молодой художником. Александр Невызанный. Его мастерские, чайники, украшения ум известны в Америке, в Европе, хотя свою работу я гордился тем, что не так уж давно.

С люблю рисовать, — говорит один Страстный Фебофан Грек, точная древняя

ВЕЧЕР В САКЛЕ.

КОНИЛАГЕРЬ.

египетская линия, завершенность византийских форм — и природа Кавказа: все это удивительно впечатляет. В инсунках — Неувызанный известен виде юноши, который изображает красоту гор Кавказа, гор Абхазии, гор Терека, гор родинок Александра в Дагестане, в долине Терека. И, конечно же, серьезно отмечает тот факт, годы службы на флоте в Севастополе, где его первые работы появились в журнале «Флаг Родины». В 1968 году проинсталлировал архитектуром города Сочи Сераконовым, который убедил начи-

нающегося художника поставить свое творчество гордо, его красоте. С каждым годом хваляет Сочи. И в этом — номинация заслуга Александра Неувызанного, который, наверное, найдет самое место в инсунстве.

Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» несколько рисунков молодого художника с мифами и преданиями, которых, как нам кажется, мы еще не раз встретимся.

Валерий ВАНИЧЕВ

